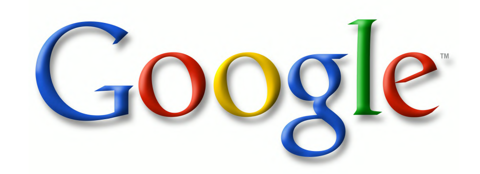
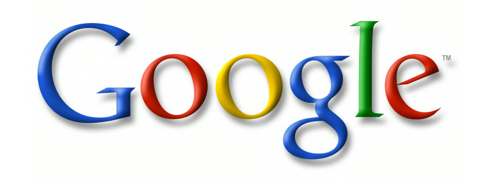

Cut.

НИКОЛАЙ ЕЖОВЪ

ОБЛАКА

И

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1893

1

Многоуважаемому
Алексею Федоровичу
Иванову-Классику

ОБЛАКА

и

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ

от почитателя его
таланта

Н. Ежова

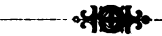
93 г. 10 апрѣля.
Москва

НИКОЛАЙ ЕЖОВЪ

ОБЛАКА

И

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1893

[redacted]

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

ОБЛАКА.

«Мнѣ не для чего
Собирать добро...»
Кольцовъ.

Стояли жаркіе весенніе дни. Молодой воздухъ дрожалъ и какъ будто струился на землю съ чистаго, свѣжаго неба, кропя луга и яровые посѣвы. Деревья давно распустились, вишневые сады надѣли бѣлыя шапки изъ цвѣтовъ. Кое-гдѣ по оврагамъ и въ лощинахъ было сыро, но по дорогѣ ужъ вилась кудрявая, желто-сѣрая пыль. Въ лѣсу нарождались лѣтніе звуки: пѣли птицы, кричала молодая векша, стоналъ хворый осинникъ, съ тихимъ трескомъ падали отжившія вѣтки, и шептался другъ съ другомъ свѣтло-зеленый листъ. На рѣкѣ ужъ давно проплыли сосновые, березовые и дубовые плоты, давно спа̀ла и посвѣтлѣла вода, а голыя дѣти то здѣсь, то тамъ плескались у берега, на мокромъ пескѣ, и звонко кричали своими тоненькими голосами.

Въ одинъ изъ такихъ дней, по узкой лѣсной

дорогѣ ѣхалъ на перекладныхъ изъ N-ска въ село Путинку нѣкто Егоръ Егоровичъ Валежниковъ, низенькій и полный, съ темной бородой, господинъ лѣтъ 40. Ѣхалъ онъ изъ губернскаго города, гдѣ служилъ нотаріусомъ, но въ настоящее время, сдавъ контору на руки одного свѣдущаго маклера, рѣшилъ отдохнуть, провѣтриться и кстати полечиться, а для отдыха избралъ свое маленькое имѣніе Путинку—родное мѣсто, гдѣ Валежниковъ не былъ лѣтъ восемь. Уже въ уѣздномъ городѣ N-скѣ воспоминанія набѣжали на Егора Егоровича. Онъ сразу узналъ каждую улицу, каждый домъ. Перемѣнъ почти ни въ чемъ не замѣчалось. Старый соборъ, окрашенный въ сѣрую краску и облупившійся во многихъ мѣстахъ, такъ и стоялъ сѣрый и облупленный. Городская дума попрежнему щеголяла соломенной крышей и грязными дверями. Гостинницы были тѣ же. Пыль, уныніе, духота, характеръ построекъ, запахъ—все это было прежнее, Егору Егоровичу хорошо знакомое. Однимъ словомъ, наружность городка не измѣнилась, и Валежникову съ трудомъ вѣрилось, что прошло цѣлыхъ восемь лѣтъ. Однако, разспросивъ трактирнаго слугу, онъ увидѣлъ кое-что другое. Вопервыхъ, Коломейцевыхъ въ N-скѣ не оказалось, тѣхъ самыхъ Коломейцевыхъ, которые приходились родственниками отцу Валежникова и владѣли двумя домами. Они выѣхали въ сосѣдній уѣздъ. Старинный пріятель Егора Егоровича, мировой

судья Носальскій, умеръ. Вдова Лянскоронская вышла замужъ за офицера и уѣхала въ Туркестанъ. Докторъ Евецкій перевелся въ Сибирь. Петровы—мужъ и жена—умерли. Муравьевъ тоже умеръ, умеръ и злой врагъ Валежникова, судебный слѣдователь Хвольсонъ. Изъ знакомыхъ уцѣлѣли только трое, да и то знакомые незначительные, неинтересные, къ которымъ даже заходить не хотѣлось.

— А время свое беретъ, подумалъ Егоръ Егоровичъ, выѣзжая изъ N-ска.—Гдѣ мои былыя радости, печали, удачи, разочарованія, надежды? Гдѣ симпатичные люди? Гдѣ Елена Ивановна? Разлетѣлись, разсыпались, исчезли всѣ... Грустно!

Валежникову долго пришлось ѣхать подъ солнцемъ. На небѣ плавали большія круглыя облака, которыя не давали тѣни. Они были красивы, но холодны и казались громадными кусками снѣга, и въ то же время при взглядѣ на нихъ становилось еще жарче отъ зноя, а глаза болѣли отъ ихъ снѣжной чистоты и серебрянаго блеска. Когда бричка въѣхала въ зеленый, тихогудящій лѣсъ, и лошади, и ямщикъ, и въ особенности самъ Егоръ Егоровичъ съ удовольствіемъ потянули въ себя струю воздуха, насыщеннаго смолистой хвоей. Лѣсъ былъ смѣшанный, старый и темный. Больше попадалась сосна, меньше береза пополамъ съ кривой, вѣчно дрожащей осинкой. Бричка мягко ѣхала по усыпанной иглами дорогѣ, лошади фыр-

кали, колокольчикъ звенѣлъ громче. А въ лѣсу было тихо. Красные стволы сосенъ шли по обѣимъ сторонамъ дороги, и часто какой нибудь вилообразный великанъ напоминалъ двѣ загорѣвшія, могучія руки, съ мольбой поднятыя кверху, до самаго зеленаго свода, плотно закрывшаго свѣтъ и голубое небо. Валежниковъ снялъ шляпу и оглянулся.

— Чей лѣсъ? спросилъ онъ у ямщика.—Кременецкаго?

— Былъ Кременецкаго, а теперь проданъ, отвѣчалъ ямщикъ.

— Кому?

— Желѣзная дорога купила.

— На срубъ?

— Извѣстное дѣло, на дрова. Ужъ и порубать начали.

Валежниковъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на лѣсную чащу.

— И этотъ старичина скоро пойдетъ прахомъ! подумалъ онъ.—Много-много лѣтъ стояли и росли деревья и вотъ—въ нѣсколько дней останутся голые пни... Я бы ни за что не продалъ такую прелесть.

Проѣхавъ версты двѣ, путники увидали самую порубку. Топоръ выбрилъ въ вѣковомъ лѣсу громадную лысину. Всюду валялись деревья, бревна, стояли сложенныя дрова, валялся хворостъ, чернѣли шалаши сторожей. День былъ праздничный,

и на этотъ разъ въ лѣсу не работали. Валежниковъ глядѣлъ вокругъ и все болѣе хмурился. Лежавшія деревья возбуждали въ немъ какое-то странное чувство тоски о молодости, о старинномъ быломъ, но особенно вызвала въ немъ грусть недорубленная, молодая сосна; она не упала на землю, а, получивъ ужасный ударъ, согнулась и замерла, чуть касаясь своей верхушкой травы и колючихъ цвѣтовъ репейника...

— Пошелъ, ямщикъ, пошелъ! приказалъ Валежниковъ.—Поторапливайся.

Ямщикъ свиснулъ, подобралъ вожжи, и скоро Валежниковъ увидалъ зигзаги рѣки, а за ней, на горѣ, свою родную Путинку, выглядывавшую изъ кустовъ малины, бузины, вишенника и орѣха. Спустившись къ рѣкѣ, бричка съ громомъ въѣхала на готовый къ отплытію паромъ и остановилась.

— Трогай! басомъ крикнулъ ямщикъ паромщику, и оба они, поплевавъ на ладони, взялись за обтрепанный канатъ.

На другомъ берегу рѣки дожидалась маленькая зеленая бричка, въ которой сидѣли рядомъ старикъ въ большомъ картузѣ и кто-то, согнувшійся въ соломенной шляпѣ. Когда паромъ подбѣжалъ къ пристани и толкнулся о берегъ, человѣкъ въ соломенной шляпѣ поднялъ голову, сощурилъ красные глаза и вдругъ вскрикнулъ:

— Егоръ Егорычъ! Это вы!?

Валежниковъ обернулся и удивленно поглядѣлъ на незнакомца. Брички съѣхались.

— Не узнаете? спросилъ незнакомецъ. — Вѣдь я—Сорокинъ.

— Ахъ, виноватъ... спохватился Валежниковъ.— Совсѣмъ, совсѣмъ не узналъ васъ... Откуда вы... Но, Боже мой, что съ вами? Вы плачете?

Сорокинъ—молодой, худощавый блондинъ, лѣтъ тридцати—вдругъ закрылъ лицо руками и сталъ тихо рыдать.

— Подай воды, крикнулъ ямщику Валежниковъ и вопросительно посмотрѣлъ на сидящаго въ бричкѣ съ Сорокинымъ старика.

Тотъ покачалъ головой, отеръ лобъ краснымъ платкомъ и произнесъ:

— Грѣхи наши! Сестрица у нихъ померли... Царство небесное имъ, покой и вѣчная память!

— Какъ, Анна Кириловна умерла!?

Валежниковъ такъ же, какъ и старикъ, покачалъ головой и подумалъ:

— Бѣдная дѣвушка! Такая молодая...

— Пойдемте, пройдемтесь... предложилъ онъ Сорокину.—Потолкуемъ... А лошади отдохнутъ...

— Да, да! отвѣчалъ порывисто блондинъ. — Идемте... я разскажу вамъ все, все, все!

Оба вылѣзли изъ своихъ бричекъ и побрели по берегу рѣки, а старикъ въ большомъ картузѣ и ямщикъ Валежникова сняли съ коней уздечки и пустили ихъ къ травѣ.

— Вотъ когда мы встрѣтились съ вами, Егоръ Егорычъ! сказалъ, немного придя въ себя, Сорокинъ.

— Да, голубчикъ, Петръ Кирилычъ... грустная наша встрѣча. Но не вспоминайте прошлаго. Скажите лучше, куда вы теперь?

— Я-то? Куда глаза глядятъ...

Оба помолчали.

— Анюта! Аня! снова заплакалъ Сорокинъ и всплеснулъ руками.—Ахъ, Господи! Это ужасно...

— Успокойтесь, Петръ Кирилычъ... перестаньте...

— Нѣтъ, погодите! Слушайте. Вы не знали, что у меня умерла мать?

— Н-нѣтъ...

— Да... три года назадъ. Я тогда очено бѣдствовалъ... Анюта въ гувернанткахъ жила у Буевыхъ... Дѣла мои были скверны, бродилъ безъ мѣста, питался перепиской и стенографическими отчетами въ мелкія газеты... Вообще, крутила жизнь. Анюта сама жила въ бѣдности, но все-таки присылала мнѣ кое-какія деньжонки... отрывала у себя, послѣднее собирала! О, Боже, Боже мой! Аня, мой ангелъ!

— Ну, продолжайте, голубчикъ. Я вижу, вамъ надо высказаться...

— Да, да... Что я говорилъ-то, о чемъ то есть? Да, да! Ну-съ, дѣла шли отвратительно... заболѣлъ я, стащили въ больницу. Съ мѣсяцъ провалялся, выписали и пустили на четыре стороны...

Куда идти? Отправился къ Заволоцкимъ, думаю, хоть переночевать... Прихожу — такъ и такъ, говорятъ, отъ Анюты письмо есть. Читаю—больна! Проситъ пріѣхать... Беру денегъ у добрыхъ людей, ѣду... Застаю въ опасности... Ну-съ...

— Стойте. Дальше для васъ тяжело, да и мнѣ все теперь понятно...

— Ахъ, нѣтъ! Подождите. Аня выздоровѣла, а мнѣ Буевы мѣсто выхлопотали. Я уѣхалъ на это мѣсто, прожилъ полгода, а потомъ вдругъ какъ будто счастье посвѣтило въ мое окно. Умираетъ бабушка Верховская... Наслѣдниковъ только я, да Нюта. Ѣду въ М... Получаю что-то около семи тысячъ рублей, продаю домишко за двѣ тысячи, собираюсь обратно и телеграфирую Анѣ: «буду тогда-то». Лечу, спѣшу, мечтаю, зáмки воздушные строю, думаю, что теперь-то я заживу съ Анютой, повезу ее лѣтомъ на Кавказъ, буду лелѣять, беречь, любить... Вѣдь она у меня одна была, одна! Пріѣзжаю, и что же? О, Господи! Господи! Господи!

Сорокинъ застоналъ и ударилъ себя обѣими руками по груди. Валежниковъ съ тоской глядѣлъ на его искаженное, худое лицо и не находилъ утѣшительнаго слова.

— Пріѣзжаю—и что же? повторилъ Сорокинъ.— Гробъ! А въ гробу Анюточка... мой милый ангельчикъ, моя младшая сестричка, крошка, единственное существо, любившее меня искренно, глубоко, безкорыстно!

— Господи! ужаснулся Валежниковъ. — Да отчего же?

— Ахъ, я тò же спросилъ! Я эти же слова произнесъ, валяясь на полу и воя, какъ собака, у которой отняли послѣдняго щенка! Она простудилась... не остереглась, бѣдная, схватила горячку... Послѣ первой болѣзни нужно было беречься... Охъ!

Петръ Кириловичъ поникъ головой и замолчалъ. Но вдругъ онъ бѣшено замахалъ руками и сталъ браниться:

— Негодяй! хрипѣлъ онъ, ужъ не обращаясь къ Валежникову, а говоря самъ съ собой.—Какъ ты смѣлъ бросить это бѣдное созданіе, какъ ты могъ не взять его съ собой? Мѣдный лобъ! Ты долженъ былъ сторожить свою Аню, какъ цѣпной песъ, сдувать съ нея пылинку, не спускать глазъ съ нея, не отходить отъ нея, пока не будетъ здорова, пока не окрѣпнетъ! Поѣхалъ! Поскакалъ! Обрадовался чужимъ деньгамъ... Проекты стряпалъ... Квартиру въ умѣ нанималъ... Кабинетъ себѣ отдѣлывалъ... Тварь! О, Господи, за что это? Аня, Аня, Анюта! Жизнь моя, сестричка, бѣдняжка, страдалица, ангелъ Божій! Слышишь ли ты бѣднаго брата?! Нѣтъ, ты не слышишь! Темно вокругъ... ни звука, ни свѣта! О, Боже мой!

Съ рыданіемъ опустился онъ на траву. Валежниковъ присѣлъ шагахъ въ трехъ на бугорокъ и не мѣшалъ выплакаться Петру Кириловичу. Онъ самъ плакалъ. Ему вспоминалась маленькая фи-

гурка Анюты, ея нѣжное, доброе лицо, тихій голосъ, улыбка, взглядъ... Вспоминалось время, проводимое восемь лѣтъ назадъ въ N—скомъ уѣздѣ, кругъ знакомыхъ, изъ которыхъ маленькая семья Сорокиныхъ была самая радушная и простая... Вспоминались деревенскіе будни, но вмѣстѣ съ тѣмъ приходило на умъ, что не только умерла Аня и многіе хорошіе люди, не только исчезли былыя встрѣчи, но и молодость безвозвратно куда-то улетѣла, растаяла, уплыла внизъ по быстрой рѣкѣ въ невѣдомое море, въ пространство, въ бездну...

Когда припадокъ прошелъ, Сорокинъ изнемогъ, охрипъ, но уже спокойно и грустно глядѣлъ на Валежникова и тихо ѓоворилъ:

— И вы плачете, Егоръ Егорычъ? Простите, что я растревожилъ васъ... Но Анюта стоитъ вашей слезы. Вѣдь это былъ ангелъ... дитя, котораго ничто грѣшное не коснулось! А помните, какъ мы всѣ ѣздили на рыбную ловлю? Еще у Ани большая рыба удочку утянула въ воду? А помните, какіе у нея были добрые глаза? А какая она была правдивая?

Голосъ Сорокина снова началъ дрожать, лицо закривилось. Но силы въ немъ упали, онъ ужъ не могъ ни рыдать, ни говорить громко.

— Куда вы теперь ѣдете? спросилъ Валежниковъ.

— Сначала въ Z... а потомъ не знаю... Я не знаю, что будетъ потомъ, Егоръ Егорычъ...

— Знаете, что? Я пробуду въ своей деревенькѣ недолго. Я, голубчикъ, боленъ. Хочу здѣсь отдохнуть, а надоѣстъ Путинка — двинусь на югъ... Такъ вотъ—хотите ѣхать вмѣстѣ. Оба мы бобыли: вы молодой бобыль, я старый...

— Я готовъ... хоть сію минуту, отвѣчалъ Петръ Кириловичъ.— Я только не могу видѣть эти мѣста... эту рѣку, сады, вашу Путинку, когда-то такую милую... ничего не могу! Пишите мнѣ въ А. Позвольте... кажется, моя карточка съ адресомъ здѣсь...

Сорокинъ порылся въ карманѣ и вытащилъ визитную карточку. Валежниковъ ее спряталъ.

— А мой адресъ вы знаете? Б., въ нотаріальную контору, или—сюда...

— Знаю, знаю... Ахъ, Нюточка моя! Радость моя единственная!

Поговоривъ еще немного, старые знакомцы обнялись и разстались. Сорокинъ уѣхалъ первый, и Валежниковъ долго глядѣлъ вслѣдъ зеленой бричкѣ, пока та не скрылась за горой. Съ тяжелымъ ощущеніемъ сѣлъ Егоръ Егорычъ въ свой экипажъ и велѣлъ ямщику ѣхать потише. Наступалъ вечеръ. Солнце заходило за рѣдкую рощу и ужъ начинало краснѣть. Бричка Валежникова ѣхала пастбищемъ, и навстрѣчу ему только что прошло стадо коровъ, а за нимъ, наполняя воздухъ дрожащими гортанными звуками, пробѣжало съ тысячу недавно обстриженныхъ овецъ. Валежниковъ закрылъ глаза

отъ пыли и вдругъ съ изумленіемъ услыхалъ, что рядомъ на землю падаетъ сильнѣйшій дождь. Онъ открылъ глаза и тутъ понялъ, въ чемъ дѣло. Это тонкія ноги бѣгущихъ овецъ и ягнятъ, стуча по плотной землѣ, поразительно напоминали шумъ дождя. Когда стадо исчезло за поворотомъ, пыль долго стояла неподвижно и постепенно разлеталась вокругъ. Вѣтеръ не дулъ. Вечеръ былъ тихій, чуткій, теплый и ласкающій. Солнце загорѣлось красномалиновымъ огнемъ и, опускаясь въ красную чащу, бросало на облака желто-розовый свѣтъ. На чистомъ блѣдномъ небѣ теперь плавали разной формы облака, и Валежниковъ, поглядѣвъ вверхъ, невольно засмотрѣлся. Бываетъ иногда лѣтними вечерами, что въ небѣ рисуются цѣлыя картины, видны люди, статуи, фигуры чудовищъ. На этотъ разъ первое, что бросилось Валежникову въ глаза, было огромное темно-лиловое облако, напоминающее большого, задумчиваго человѣка, скрестившаго на груди руки и глядящаго равнодушно на весь міръ, на все пространство, помѣстившееся у его ногъ. Направо бѣжали мелкія облака ярко-розоваго цвѣта, словно толпа дѣтей обгоняли другъ дружку: всѣ они спѣшили къ темно-лиловому человѣку, протягивая кудрявыя ручки къ его могучимъ колѣнямъ. Вдали отъ великана, поближе къ розовымъ дѣтямъ, ползла змѣя. Хвостъ у нея былъ желтый, голова сизая. Она ползла крадучись, какъ волкъ за овцой, а ее не видали ни дѣти, ни великанъ, ни жен-

ская фигура, трагически заломившая бѣлыя, какъ молоко, руки и волосами, окрашенными въ розовый цвѣтъ, закрывшая лицо. Съ лѣвой стороны, далеко на горизонтѣ, лежалъ человѣкъ. Его опрокинула чья-то сильная рука. Надъ его темнымъ тѣломъ, до котораго не досталъ ни одинъ свѣтлый лучъ солнца, вились клочья сѣрыхъ облаковъ, похожіе на хищныхъ птицъ. Возлѣ самаго заката блестѣла громадная конская голова съ удивительно, какъ у живой, раскрытымъ ртомъ и сверкающими, желтыми зубами. А отъ солнца шли снопы лучей, разливался алый свѣтъ и курились какіе-то яркіе дымки... Никогда Валежниковъ не видалъ такого прекраснаго неба, но никогда, никогда еще ему не было такъ грустно, какъ въ эту минуту, при видѣ свѣтлаго неба, разноцвѣтныхъ облаковъ и нѣжнаго, розоваго заката. Природа улыбалась Валежникову, но сквозь эту красивую улыбку онъ вдругъ подглядѣлъ или, скорѣе, почувствовалъ нѣчто холодное, равнодушное, безжизненное... Улыбка статуи, ласковый взглядъ, но не грустному человѣку, а такъ... безъ назначенія!

Егоръ Егоровичъ опустилъ голову и задумался. Упрекъ шевелился въ немъ. Онъ вспомнилъ горе Сорокина, его отчаяніе, его убитое лицо. Вспомнилъ онъ свое прошлое. Чѣмъ было хорошо оно, это прошлое? Ровно ничѣмъ, если не считать далекое дѣтство. Печальная участь досталась ему. Нѣтъ ничего дорогого, что бы жаль было поте-

рять, какъ, напримѣръ, потеря Петра Кириловича, но нѣтъ ничего и для воспоминаній... Не былъ онъ ни любимъ горячо, ни къ кому безумно не привязывался. Не терпѣлъ онъ особенной нужды, не встрѣчалъ тяжелыхъ ударовъ судьбы, но не зналъ и радостей, тѣхъ особенныхъ радостей, когда человѣкъ отъ счастья плачетъ, смѣется, забываетъ весь міръ, всего себя... Были и есть у Валежникова хорошіе, симпатичные люди въ жизни, но не было сердечнаго, вѣрнаго друга. Были любовницы, но не попадалось влюбленной въ него женщины. Была родня, не находилось родного сердца. Это ли не печальная участь, это ли не достойное слезъ существованіе?

— Берегись! А чтобъ тебя! раздался громкій крикъ ямщика.—Мелочь паршивая!

Изъ-подъ самыхъ ногъ лошадей разбѣжались въ разныя стороны желтые гусята и маленькая, въ грязной рубашонкѣ, дѣвочка лѣтъ трехъ. Она хотѣла перебѣжать дорогу, но запнулась за кочку и упала. Въ ту же секунду Валежниковъ услыхалъ пронзительный, похожій на гусиный, пискъ. Дѣвчонка плакала, сидя въ пыли.

— Чего ты не глядишь, дуракъ? разсердился Егоръ Егоровичъ.—Если бы задавилъ ребенка, что тогда дѣлать?

— А она не лѣзь подъ копыто... Ихняго брата, ваше благородіе, не задавишь!

— Замолчи и остановись,

Валежниковъ вылѣзъ изъ брички и подошелъ къ ревѣвшей дѣвчонкѣ.

— Не плачь, сказалъ онъ. — Хочешь дамъ копѣйку на подсолнухи?

Но дѣвочка заревѣла еще пуще. Валежниковъ оглянулся и тутъ только замѣтилъ, что они подъѣхали къ самой Путинкѣ. Виднѣлись избы, народъ, лаяли собаки, стучали колеса.

— Эй, малый! крикнулъ онъ мальчику съ бѣлыми, какъ у альбиноса, волосами.—Поди сюда.

Мальчикъ подбѣжалъ.

— Чья это дѣвочка?

— Аксютка-то? Наша, сестренка моя. Чего скулишь, ась?

Дѣвочка, завидя брата, сейчасъ же перестала плакать.

— Постой, Аксюша, я тебѣ дамъ гостинца, обратился къ ней опять Егоръ Егоровичъ. — Хочешь дамъ на подсолнухи?

Дѣвочка потупилась.

— Говори, хошь баринъ денегъ дастъ? сказалъ братъ.—А ты сѣмечковъ купишь?

Аксютка подняла на Валежникова измазанную мордочку и прошептала:

— Ню, дявай.

Егоръ Егоровичъ далъ ей двугривенный и поѣхалъ дальше, сопровождаемый поклонами Аксюткина брата. Черезъ полчаса онъ былъ у себя въ усадьбѣ и уже входилъ въ низенькую гостиную,

давно ему знакомую, но послѣ восьмилѣтняго отсутствія показавшуюся ему какой-то странной, ужасно маленькой и темной...

Валежникова встрѣтила старая Лизавета Никитишна, управительница его усадьбы. Это была востроносая старушка съ умными глазами, сухая, молчаливая, непріятная своими сжатыми тонко губами, но честная и дѣловитая. Валежниковъ все засталъ у себя въ порядкѣ, все было приготовлено къ его пріѣзду, все находилось въ исправности.

— Что прикажете, чаю подать или обѣдать? спросила Лизавета Никитишна.

— Чего нибудь... распорядитесь, какъ тамъ знаете, а я сначала отдохну...

Егоръ Егоровичъ направился къ себѣ въ спальню и, умывшись, легъ соснуть. А когда глаза его раскрылись, въ сосѣдней комнатѣ уже кипѣлъ самоваръ и пахло деревенскими щами. Послѣ ужина и чая Валежниковъ не спалъ до полуночи, разбиралъ бумаги, просматривалъ старыя книги, курилъ, думалъ. На другой день, послѣ утренняго чая, явилась Лизавета Никитишна съ книгой, счетами и предложила Валежникову осмотрѣть хозяйство, и хотя онъ отнѣкивался, она настояла на своемъ.

Хозяйство велось недурно. Домъ былъ ремонтированъ, садъ расчищенъ, огородъ выполотъ своевременно, пасѣка увеличилась, фруктовый садъ

обѣщалъ урожай... Усадьба, вообще, была крохотной пазушкой Христа, гдѣ одинокій человѣкъ могъ прожить на старости лѣтъ мирно и безбѣдно. Скотный дворъ—Лизавета Никитишна и туда сводила Валежникова—былъ пустъ, можно было удобно его осмотрѣть и по количеству свѣжаго навоза судить, какое изрядное количество коровъ, свиней и телятъ было у Егора Егоровича. Птичій дворъ кишѣлъ утками, гусями, курами. Амбары хранили много овса, ржи, въ сараяхъ хранилось прошлогоднее сѣно. Однимъ словомъ, достатокъ сказывался во всемъ. Валежниковъ разсмотрѣлъ свою усадьбу, оглядѣлъ достатки и... не сказалъ ни слова. Однако, замѣтивъ, что тонкія губы Лизаветы Никитишны злобно сжались, онъ поблагодарилъ ее за труды, спросилъ, не желаетъ ли она прибавки жалованья, получилъ холодный отрицательный отвѣтъ и пошелъ въ комнаты. Тамъ онъ какъ залегъ на постель, такъ и провалялся до трехъ часовъ дня, не смотря на многократный докладъ объ обѣдѣ.

Тоска его грызла.

— Для чего мнѣ все это? думалъ Валежниковъ, куря папироску за папироской.—Я обезпеченъ, имѣю лишнія деньги, этотъ хуторъ... Я, конечно, радъ, что обстоятельства позволяютъ мнѣ никому не кланяться и жить—какъ хочется... Захочу, я сегодня здѣсь, захочу—тамъ... Но вотъ вопросъ: для чего мнѣ непрерывное пріобрѣтеніе? Въ городѣ моя кон-

тора, какъ машина, чеканитъ мнѣ серебро, здѣсь—усадьба, какъ дойная корова, увеличиваетъ запасы молока, творогу, меду, фруктовъ... А я, между тѣмъ, человѣкъ поконченный. У меня болитъ грудь, нехорошо болитъ... Допустимъ, я протяну еще сорокъ лѣтъ... Допустимъ, я отгуляюсь на югѣ и буду здоровъ, какъ хохлацкій волъ. Но гдѣ же я возьму вѣру въ жизнь, въ людей? Какъ я достану увлеченіе, любовь, юное сумасбродство, молодую страсть, энергію? И кто полюбитъ меня, кого могу полюбить я? Въ пѣньѣ птицъ я слышу панихиду, вечернее небо кажется мнѣ ледянымъ, какъ тундра, цвѣты и зелень говорятъ о томъ, что скоро ими будетъ украшенъ мой темный гробъ... Да неужели же свѣтъ для меня сошелся клиномъ?! Неужели нѣтъ выхода?!

Два голоса говорили въ это время въ душѣ Валежникова. Одинъ, насмѣшливый и злобный, шипѣлъ змѣей о томъ, что смерть близка, что нѣтъ на землѣ ничего, кромѣ грязи и тоски, не на что надѣяться, нечему вѣровать, и что его, Валежникова, скоро ждетъ страшный нуль, таинственное и полное уничтоженіе. Другой голосъ, кроткій и жалобный, заставлялъ глаза наполняться слезами, искать добрые лики въ иконостасѣ, просилъ вѣрить, умолялъ молиться, шепталъ, что даже смерть ничто передъ любовью и чистой вѣрой, говорилъ, что міръ Божій хранитъ въ себѣ не одно зло, что каждое страдающее сердце рано или поздно исцѣлится...

Тѣмъ не менѣе, послѣ такихъ разнообразныхъ мыслей, Егоръ Егоровичъ съ тоской понималъ свое настоящее: онъ былъ одинъ, одинъ, а это и являлось ужаснымъ. И къ тому же еще проклятая хворость, боль въ груди, упадокъ мускульной силы...

— Нѣтъ, надо провѣтриться! рѣшилъ онъ черезъ нѣсколько дней и, велѣвъ заложить старыхъ коней въ дѣдовскій допотопнаго склада шарабанъ, поѣхалъ къ сосѣду Еремѣеву, отставному полковнику. Онъ помнилъ, что у Еремѣева была жена и нѣсколько человѣкъ дѣтей. Мысль погостить у стараго вояки и вспомнить былое показалась Валежникову недурной. Оказалось, что про губернскаго жителя знали, знали даже, когда онъ пріѣхалъ и куда хочетъ ѣхать и т. д. Все это сразу выболталъ гостю красноносый полковникъ Еремѣевъ, который встрѣтилъ Валежникова съ объятіями и съ подмаргиваніемъ лѣваго глаза на бутыль рябиновой. Жена Еремѣева, Вѣра Васильевна, тощая дама съ злыми глазами, встрѣтила гостя еще любезнѣе и сейчасъ же отрекомендовала ему свою старшую дочку Лелю, развязную барышню лѣтъ 19-ти, хорошенькую, наряженную и, очевидно, дрессированную относительно пріема гостей. Валежниковъ помнилъ Лелю ребенкомъ и не узналъ ее.

— Ага! Что? Какова? освѣдомился полковникъ. — Вотъ у насъ какова артиллерія. Хоть сейчасъ... тово! Исаія ликуй и... и... к-ха! Однако, выпьемъ?

Тутъ полковникъ, уловивъ строгій взглядъ жены, спасся рябиновой и отложилъ комплименты до болѣе удобнаго случая.

Валежниковъ пробылъ у Еремѣевыхъ цѣлый день. Провѣтриться ему не удалось, но поскучалъ онъ порядочно. А подъ конецъ къ скукѣ присоединилось еще одно непріятное чувство. Онъ замѣтилъ, что полковница глядитъ на него черезчуръ умильно, а дочь слѣдуетъ ея примѣру. Передъ вечернимъ чаемъ случилось какъ-то такъ, что Егоръ Егоровичъ остался въ саду одинъ съ Лелечкой. Эта молоденькая дѣвица сразу повисла на его сорокалѣтнюю руку, начала жаловаться на скуку жизни, на застой русской идеи («Прошу покорно!» подумалъ Валежниковъ), на отсутствіе свободнаго труда... Тутъ, очевидно, пѣлось сглупу, съ чужихъ словъ какого нибудь попугая съ перваго курса университета, но особенно было нехорошо то, что мелечкины глаза, играя, щурясь и принимая мечтательное выраженіе, были холодны, тусклы, а на губахъ сидѣла заученная, фальшивая улыбка. Валежникову стало грустно за Лелю. Онъ долго поглядѣлъ на ея лицо и, выслушавъ что-то объ артельныхъ началахъ, тихо отвѣчалъ:

— Всякій трудъ честенъ, Елена Григорьевна, всякое дѣло принесетъ хоть маленькую пользу. Нехорошо только говорить неправду и... кривляться.

Леля вспыхнула.

— Я васъ не понимаю! сказала она.

Но Валежниковъ спохватился и началъ прощаться. Леля проводила его злыми глазами — точь-въ-точь такими же, какіе были у ея матери.

— Какая, должно быть, разница: эта дѣвушка— и Анюта Сорокина! подумалъ Егоръ Егоровичъ.

Анюту онъ помнилъ ребенкомъ лѣтъ 12. Теперь, пожалуй, не узнать бы и Анюты. Впрочемъ, нѣтъ! У нея ужъ тогда была такая добрая улыбка, что забыть невозможно... Бѣдная Анюта!

Въ усадьбу Егоръ Егоровичъ вернулся угрюмый и поѣздкой недовольный. Дома тоже было невесело. Ничегонедѣланіе казалось тяжелѣе самаго спѣшнаго труда. Валежниковъ заскучалъ о своей конторѣ. Если бы можно перевести контору въ Путинку—было бы превосходно. Читать не хотѣлось, гулять—ныли ноги, ѣсть да спать—не было аппетита. Валежниковъ бродилъ, какъ сонная муха, изъ комнаты въ комнату, куря поминутно и сознавая, что деревенскій воздухъ пропадетъ зря при такомъ обильномъ сжиганіи табаку. Промаячивъ еще съ недѣлю, Егоръ Егоровичъ взялся за перо и сталъ писать письма. Одно написалъ въ контору, другое предсѣдателю суда, третье квартирному хозяину, гдѣ помѣщалась его нотаріальная контора. А больше писать оказалось некому, т. е. не то что некому, а не было надобности. И когда получилась короткая записка отъ Сорокина, Валежниковъ обрадовался ей какъ Богъ знаетъ чему и отвѣтилъ длиннымъ письмомъ. Теперь Сорокинъ,

въ свою очередь, звалъ его на югъ, и Егоръ Егоровичъ сталъ собираться. Къ Сорокину въ немъ пробудилась какая-то болѣзненная симпатія. Петръ Кириловичъ писалъ, что у него болитъ грудь и мучитъ кашель. Это и огорчило Егора Егоровича, и какъ будто ободрило. Одинаковое страданіе роднитъ людей лучше происхожденія.

Въ одни сутки Валежниковъ былъ готовъ. Онъ простился съ Лизаветой Никитишной, отказался провѣрить счетную книгу и на собственной тройкѣ старыхъ, но еще крѣпкихъ лошадей выѣхалъ изъ Путинки. Какъ и въ день пріѣзда, стояла отличная погода. Было 11 часовъ утра, солнце ужъ начинало печь и пекло Валежникова вплоть до самаго лѣса, гдѣ раздавался сухой визгъ пилы и пѣсня работающихъ дровосѣковъ. Сосну рубили быстро. Къ большой лысинѣ присоединили еще двѣ плѣшивыя дорожки. Вся проѣздная тропа была засѣяна красной корой и свѣжими колючками. Экипажъ безъ шума катился по нимъ, а въ воздухѣ разливался острый запахъ сосноваго масла и ароматной смолы. Валежниковъ вздохнулъ свободнѣе, когда шарабанъ отъѣхалъ съ полверсты отъ порубки и наступила желанная тѣнь и тишь. Снова красные стволы деревьевъ глядѣли въ лицо Егору Егоровичу, а колючая зелень скрывала отъ глазъ голубой сводъ неба. Въ лѣсу пѣли птицы, стучалъ носомъ дятелъ, перекликались шумные скворцы. Жизнь укрѣпилась и развилась на смолистыхъ

сучкахъ и въ густой травѣ; она не слышала глухихъ ударовъ приближающагося топора, до нея еще не долеталъ шумъ падающихъ сосенъ и ѣдкій запахъ рабочей махорки вмѣстѣ съ браннымъ словомъ подрядчика...

Валежниковъ навсегда прощался съ роднымъ лѣсомъ. Его нервы были разстроены, сердце размягчено. Онъ глядѣлъ на могучія деревья, вдыхалъ цѣлительный воздухъ и чувствовалъ, какъ по его щекамъ одна за другой катятся слезы...

— Прощайте, прощайте! шепталъ онъ, выѣзжая изъ лѣса и въ послѣдній разъ оборачиваясь взглянуть на красные стволы, темную зелень и высокую траву.

На полдорогѣ до желѣзнодорожной станціи, Егоръ Егоровичъ остановился въ деревнѣ, велѣлъ попоить лошадей, отдохнулъ въ избѣ и поѣхалъ дальше. Наступалъ вечеръ. Солнце снова пряталось за далекую рощу, разсыпая по небу желто-розовые лучи. Но въ этотъ разъ небо было чисто, облака темнѣли неровной грядой на блѣдно-синемъ горизонтѣ и сами были чуть окрашены въ блѣдно-синій цвѣтъ. Свѣтлые лучи до нихъ не доставали. Только олно пѣгое облачко тихо плыло посрединѣ неба, легкое, съ серебристыми краями, безформенное и не дающее никакой иллюзіи для глазъ. Оно казалось Валежникову одинокимъ странникомъ, идущимъ уныло и тихо впередъ и не знающимъ, скоро ли будетъ конецъ его скучной дорогѣ. Куда

же дѣвался равнодушный великанъ, огорченная женщина, конская голова, розовыя дѣти, ползущая, какъ воръ, змѣя? куда они улетѣли, скрылись исчезли? куда?

Валежниковъ посмотрѣлъ на небо, замѣтилъ начинающій желтѣть мѣсяцъ, проводилъ глазами спящія на горизонтѣ облака, сравнилъ ихъ съ людьми, съ людскими радостями, горемъ, любовью, ненавистью, вспомнилъ Сорокина, Анюту, вспомнилъ дѣтство, подумалъ, какъ все въ мірѣ хрупко, нѣжно, облачно и, вздохнувъ, сказалъ:

— Нѣтъ въ жизни ничего постояннаго... постоянна только одна жизнь!

МАСКАРАДЪ.

(изъ записной книжки художника).

Я былъ когда-то домосѣдомъ, писалъ этюды и рисовалъ всякую чепуху часовъ по десяти кряду, до изнеможенія. Отъ меня, такъ сказать, пахло усердіемъ. На красивыхъ натурщицъ я смотрѣлъ безъ обычнаго для молодыхъ художниковъ сладострастнаго ощущенія. Прикрывъ свое сердце пальмовой палитрой и глядя глазами подвижника или ребенка, я не писалъ, а священнодѣйствовалъ. Лицо натурщицы—довольно-таки ординарное—казалось мнѣ измѣненнымъ и проникнутымъ вдохновенной мыслью, отъ нагого тѣла шли какъ будто лучи, драпировка на плечахъ напоминала крылья ангела. Когда дѣвушка, измученная долгимъ сеансомъ, спрыгивала съ подставки и, начиная одѣваться, заговаривала со мной, я бросалъ кисти и уходилъ за ширмы. Всѣ наши натурщицы—Лиза Клиндворъ, Анна Ивановна и еврейка Фаина—

смѣялись надо мной, хотя строили мнѣ глазки. Я за ними не ухаживалъ. Я не могъ сойтись съ натурщицей. Мнѣ представлялось дикимъ — сначала рисовать Мадонну, потомъ грубо обнять обѣими руками ея тонкую шею. Оставаясь наединѣ даже съ извѣстнаго сорта женщиной, я только тогда могъ цѣловать ее, не испытывая болѣзненнаго чувства жалости, если выпивалъ нѣсколько рюмокъ водки. Вообще, дурманъ — хорошее средство противъ совѣсти и, въ особенности, стыда. Я, какъ человѣкъ не пьющій, хмѣлѣлъ быстро и превращался на нѣкоторое время въ молодое и недумающее животное. А послѣ я не смѣлъ глядѣть на свои картины, сидѣлъ безъ аппетита за столомъ и мучился воспоминаніями вчерашняго.

У каждаго человѣка свои странности. Товарищи-художники—у меня ихъ очень много—все ищутъ сюжета для большой картины, болѣютъ идеей созданія чего-то прекраснаго, трудятся надъ эскизами для будущаго шедевра. Когда мы сходимся вмѣстѣ, только и слышишь, что брань противъ академиковъ и жюри, да о томъ, какъ написать шедевръ. А я молчу. Я не ищу сюжета, хотя люблю живопись не менѣе прочихъ. У меня въ головѣ нѣтъ смутнаго идеала. Мнѣ сдается, что идеалъ художника—большая картина—не для меня. Мои умозаключенія странны. Я думаю, что живопись всегда будетъ мертва: въ ней нѣтъ движенія. Всѣ изящныя искусства также мертвы. Скульптура—что-то

ледяное, холодное. Архитектура — застывшая музыка. Сама же музыка—нѣчто тожественное «образамъ безъ лицъ». Одна литература какъ будто живѣе и полнѣе, но и она представляется мнѣ не дѣйствительностью, не жизнью, а сномъ жизни, блѣднымъ ея отраженіемъ.

Такъ я и жилъ безъ идеала, не стремясь создать шедевръ, мазюкалъ свои этюды, не говорилъ комплиментовъ натурщицамъ, рѣдко бывалъ вмѣстѣ съ женщинами, избѣгалъ ихъ общества, но— не странно ли это?—очень часто влюблялся. Разъ меня увлекала Фрина, проѣхавшая мимо оконъ въ коляскѣ, другой Миньона, головка которой виднѣлась изъ четвертаго этажа... Я украдкой заводилъ романы, страдалъ по своимъ заказчицамъ, но всѣ мои романы оканчивались ничѣмъ. Или Миньона оказывалась общедоступной модисткой, или Фрина, заказывавшая мнѣ свой портретъ, предлагала въ видѣ гонорара объятія...

Я люблю женщинъ, но и презираю ихъ. Рѣдко женщина—въ особенности, хорошенькая—можетъ любить искренно. Громадное большинство изъ нихъ безжалостно и глубоко грубо. Поэтому, мнѣ странно, что художники вдохновляются преимущественно женщиной, т. е. писали ихъ во всѣ эпохи. Не стоятъ того эти хитрыя и ограниченныя созданія, чтобы на изображенія ихъ лицъ тратилось много красокъ и таланта. У меня товарищъ Г. дюжинами печетъ дѣвицъ у ручья; жанристъ П—скій

лѣтъ пятнадцать варьируетъ вакханокъ да нѣжныхъ дамъ за туалетомъ. Я самъ не прочь рисовать женщинъ, но для чего это сантиментальное неземное выраженіе, зачѣмъ ужъ очень правиленъ и нѣженъ овалъ лица, зачѣмъ такъ дѣвственны губы? Все подобное—ложь. Давайте въ жанрѣ то, что есть, а не выдумывайте. Противна бездарная грязь, противны Наны разныхъ позъ и освѣщеній, но приторны и у ручейковъ дѣвицы, съ яркимъ кобальтомъ глазъ и святой миной, какъ талантливо ихъ ни напиши.

Если я рисую богиню—другое дѣло. Я почти не нуждаюсь тогда въ модели. Изъ моихъ пріятелей есть охотники въ лица богинь вписывать человѣческія страсти. Ну, скажите, не вздоръ ли это? Особенно рядомъ съ барышней, у которой голова невиннаго Амура!

Я иногда спорилъ съ товарищами по этому поводу. Меня опровергали. Говорили, что я не знаю жизни, не понимаю женщинъ, витаю въ облакахъ. Можетъ быть. Но гдѣ бы я ни виталъ, я теперь твердо убѣдился, что живопись—искусство съ очень тѣсными рамками вообще, а для меня тѣмъ болѣе.

Разъ получилъ я записку отъ Маши (одна изъ моихъ Миньонъ). Она обѣщалась явиться ко мнѣ въ воскресенье на цѣлый день и просила вечеромъ поѣхать въ маскарадъ.

— Въ какой маскарадъ? задалъ я вопросъ Миньонѣ, какъ только она вошла въ мою квартиру.

— Въ театральный. Знаешь, въ театрѣ ***? Тамъ каждое воскресенье маскарадъ съ танцами.

— Да вѣдь это, Маша, кабакъ? Стоитъ ли идти...

Миньона обидѣлась.

— Вовсе не кабакъ. Тамъ благородные люди бываютъ. Тебѣ, можетъ, денегъ жалко? Такъ не безпокойся, у меня контрамарка есть.

Я поневолѣ согласился. Кстати сказать, я никогда не былъ въ маскарадѣ. Для художника это немного странно—художники и литераторы должны бывать всюду,—но какъ-то не пришлось. Къ тому же я слышалъ, что маскарады въ благородномъ собраніи бываютъ скучны, въ театрахъ—безобразны. А я въ трезвомъ видѣ не выношу безобразія. Да вотъ приходилось сдѣлать удовольствіе Миньонѣ, и я поѣхалъ.

— Что дѣлаютъ въ маскарадѣ? спросилъ я Машу дорогой.

— Дрова рубятъ и въ сажени складываютъ, съострила она.—Удивительный ты чудакъ! Конечно, танцуютъ, пѣвицъ слушаютъ, фокусника смотрятъ, ужинаютъ въ буфетѣ...

— Только?

— А тебѣ еще чего же?

— Какіе тамъ костюмы?

— Всякіе. Вотъ увидишь.

— А отчего же ты не нарядилась?

— Во-первыхъ, я не одна ѣду, а во-вторыхъ, мое домино Катя надѣла.

— А! сказалъ я и пересталъ разспрашивать.

Предстояло скучать цѣлый вечеръ, да еще танцовать. Маскарадъ начинался въ 11 часовъ, и передъ этимъ мы заѣхали въ кондитерскую, напились тамъ шоколаду.

Войдя въ фойе театра ***, гдѣ былъ маскарадъ, я первое время изумился пустынности залы и слѣдующихъ комнатъ. Фойе казалось нетопленными сараями. Нѣсколько кавалеровъ въ пиджакахъ и женскихъ фигуръ сидѣли въ глубинѣ на пологихъ диванахъ. Я ужъ подумалъ, что мы пріѣхали слишкомъ рано, но въ эту минуту откуда-то долетѣлъ ревъ.

— Пойдемъ въ театръ! Скорѣе! заторопила меня Маша.—Слышишь, тамъ поютъ...

Едва мы вошли въ ложу перваго яруса, какъ я принужденъ былъ удивленно раскрыть глаза и даже остановиться. Ничего подобнаго я не видѣлъ и не ждалъ. Вообразите себѣ биткомъ набитый партеръ и ложи до второго яруса. Всюду мелькали головы, руки, костюмы, голыя шеи. И почти каждое лицо было возбуждено, каждыя губы раскрывались для крика. На сценѣ пѣлъ хоръ пѣвицъ, одѣтыхъ въ русскіе костюмы. Публика слушала и не слушала въ одно и то же время. Публика эта сама выла, визжала, ревѣла, хлопала, перекликалась, бранилась, свистѣла, шикала, хохотала. Одѣты всѣ были чисто. Молодежь щеголяла мундирами высшихъ учебныхъ заведеній. Жен-

щины бросались въ глаза большими декольте и пестрыми костюмами. Онѣ сидѣли скромнѣе мужчинъ и заботились о томъ, чтобы у нихъ были цѣлы шлейфы, да ноги. Но и женскіе голоса взвизгивали въ общемъ нестройномъ хорѣ. Я сначала подумалъ, что здѣсь всѣ пьяны до послѣдней степени, но, вглядѣвшись, разубѣдился. Мои сосѣди неистовствовали, но какъ-то особенно, не какъ разогрѣтые виномъ люди. Во всей залѣ чувствовалось не столько водки, сколько умышленнаго неприличія. Скоро я понялъ и уяснилъ себѣ все. Здѣсь, въ театральной залѣ, интеллигентный посѣтитель сбросилъ съ себя маску, которую носилъ и носитъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь въ немъ пробудилось что-то пошлое, свойственное каждой душѣ, великой и микроскопической, и поспѣшило безобразно заявить о своемъ пробужденіи. И чѣмъ дольше шло время, тѣмъ ревъ болѣе усиливался. Такъ точно собака, сорвавшаяся съ цѣпи, бѣгаетъ какъ полоумная по всѣмъ улицамъ, словно стараясь наверстать долгое время сидѣнья возлѣ конуры. Не только одинъ сортъ буяновъ здѣсь отличался— нѣтъ. Старые и молодые, явно-невѣжественные и явно-образованные, всѣ вывернулись на изнанку и показали много однородной дряни. Я почти не замѣтилъ пьяныхъ. Только одинъ юноша пытался влѣзть черезъ рампу на сцену, сорвался и упалъ внизъ головой. Онъ былъ, кажется, вполнѣ нагруженъ. Но другіе, выпивъ на грошъ, шумѣли на

сто рублей. Специфическій характеръ маскараднаго безобразія носилъ въ себѣ что-то странное, веселое и, при этомъ, ужасное. Вотъ, вотъ онъ каковъ человѣкъ, этотъ вѣнецъ созданія!—какъ будто говорилъ шумъ въ залѣ. Вотъ онъ, развитой и гуманный человѣкъ!

— Кукуреку! раздавалось изъ одной ложи.

— Тю-тю! откликались изъ другой.

— Кидайте намъ Надьку! орали изъ партера и дѣлали знаки во второй ярусъ.

А на сценѣ вылъ хриплый, какъ простуженный волкъ, хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ. Одна пѣвица, безобразная и нескладная, во время пѣнія пустилась танцовать, и при каждомъ поднятіи ея ногъ изъ партера и ложъ раздавались — не аплодисменты—громы небесные...

Но вотъ отдѣленіе пѣсенъ кончилось. Публика проводила опускавшійся занавѣсъ свистками и бросилась въ проходы. Началась давка—и опять мнѣ было понятно и видно, что мужчины толкаютъ дамъ нарочно, а дамы сами устремляются въ толкотню. И еще странность: почти незамѣтно скандаловъ. Никто не ссорится. Всѣ только дружно безобразничаютъ, словно по-уговору, и щиплютъ дамъ.

Я и Маша идемъ въ фойе—и здѣсь опять пища моему удивленію. Фойе неузнаваемо. Оно кипитъ, какъ муравейникъ. Слышатся опереточные мотивы, признанія въ любви, убійственныя ругательства.

Вдругъ на одну минуту большая зала пустѣетъ; идутъ два отлично одѣтыхъ кавалера, сзади нихъ турчанка въ маскѣ и величественное домино. Является иллюзія: вамъ кажется, что вы въ маскарадѣ самаго высокаго сорта. И вдругъ изъ второй залы, танцовальной, выбѣгаетъ маска, одѣтая ребенкомъ, съ толстыми плечами, нагимъ бюстомъ и въ полосатыхъ чулкахъ. Она бѣжитъ во всю женскую мочь, а за ней стремятся двое: господинъ въ сюртукѣ и золотыхъ очкахъ на солидномъ лицѣ и студентъ въ картузѣ на затылкѣ.

— Держи! держи! вопятъ сзади.

— Ого-го! Хватай за пятки!

Иллюзія исчезаетъ. Въ благородный маскарадъ врывается какая-то грязная волна, и маскарадъ дѣлается кабакомъ.

Въ танцовальной залѣ, гдѣ только что начали играть вальсъ, совершался адъ. Плясало человѣкъ сто, колотя ногами по паркету и толкаясь локтями въ чужіе бока и груди. Распорядитель—жидконогій человѣкъ, похожій на мартышку—что-то кричалъ, пробуя возстановить хотя маленькій порядокъ, но напрасно. Его нарочно подпирали въ середину круга и пытались сбить съ ногъ. Съ дамами танцовали безъ церемоній и вертѣли ихъ до обморока. Гамъ напоминалъ синагогу, танцы—одну изъ плясокъ хлыстовской секты. Многіе канканировали или танцовали solo, надѣвъ шляпу на голову и подобравъ полы сюртука. То-и-дѣло раз-

давался пискъ дамъ, которымъ отдавили ноги или ударяли о колонну въ моментъ черезчуръ хитраго «па̀».

Я вопросительно взглянулъ на Машу. Она ужъ примѣривалась танцовать и держала меня за плечо.

— Ты хочешь вальсировать?

— Хочу. А то какъ же?

— Ноги раздавятъ...

— Не раздавятъ!

На первыхъ же порахъ меня чуть не опрокинули. Но послѣ, осмотрѣвшись и отодвинувшись въ сторону, я протанцовалъ круга два и остановился вмѣстѣ съ музыкой. Вальсъ кончился, чему я былъ очень радъ. Но Маша досадовала.

— Не понимаю, что за удовольствіе плясать въ толпѣ, пробовалъ сказать я.

— Не понимаешь, ну, и не танцуй. Кавалеровъ и безъ тебя много, возражала Миньона.

Я скоро замѣтилъ, что моя подруга ужъ не та. Щеки Маши разгорѣлись, глаза забѣгали, грудь дышала быстро. Миньона не могла усидѣть на мѣстѣ и таскала меня изъ комнаты въ комнату. Я слѣдовалъ за ней машинально и наблюдалъ. Въ красной гостиной, гдѣ было темно отъ розоваго чехла на электрической лампѣ, мы сѣли на диванчикъ, въ углу между окномъ и стѣной. Господи, что за отвратительная была эта комната, погруженная въ розовыя сумерки! Среди нея, вокругъ колонны, шелъ диванъ и всѣ мѣста на немъ были

заняты кавалерами и масками. Возбужденныя лица, покрытыя розовымъ полутономъ, глядѣли дико. Голыя руки женщинъ были какъ въ крови или въ огнѣ. Женскій смѣхъ проникалъ въ сердце и пьянилъ. Нескромные жесты и рѣчи били по нервамъ, какъ молотки по больной груди. Долетавшій изъ темнаго уголка поцѣлуй звенѣлъ въ ушахъ развратной мелодіей. Я взглянулъ на Машу. Миньона походила на цыганку и стала вдвое красивѣе. У меня кружилась голова. Я обнялъ дѣвушку за талію и поцѣловалъ въ плечо. Одну секунду мнѣ было ужасно стыдно и я не сразу поглядѣлъ на сосѣдей. Но какъ поглядѣлъ — такъ и умеръ мой стыдъ. Никто не обращалъ на насъ вниманія. Всѣ шумѣли, всѣ не стѣснялись, всѣ, очевидно, гораздо раньше меня разстались со стыдомъ.

Между тѣмъ, въ залѣ опять завыли трубы оркестра, и я съ Машей бросился на призывы польки. На этотъ разъ мы танцовали въ общемъ кругу, насъ толкали со всѣхъ сторонъ, но и мы не остались въ долгу. Выйдя послѣ недолгой польки въ залу, гдѣ была лотерея въ пользу слѣпыхъ дѣтей, я остановился у зеркала — и не узналъ ни себя, ни Машу. Изъ стекла глядѣли два положительно отравленныхъ образа. Оба блѣдные отъ возбужденія и электрическаго свѣта, тяжело дышащіе, мы стояли и глядѣли другъ на друга, какъ голодные на хлѣбъ. А около насъ пробѣгали маски, мужчины, поминутно слышалось отсыланіе къ чорту и неистовый визгъ.

— Что вы орете, шутъ васъ возьми?! спрашивали у молодого человѣка съ симпатичнымъ лицомъ, громко поющаго арію Мефистофеля.

— А чорта ли стѣсняться въ своемъ отечествѣ! возражалъ тотъ и снова начиналъ пѣть на всѣ комнаты.

Изъ другого конца залы слышалось:

— Collega, pecunias habes?

— Studiosorum est—nihil habere!

Кто оралъ, кто пѣлъ, кто прыгалъ, кто гонялся за масками. Одни цѣловались, другіе ругались. Въ буфетѣ сидѣло не очень много народу. Вообще, пили не сильно, чего я никогда не ожидалъ. Всѣ не отъ вина, а точно другъ отъ друга заражались глупостью и сквернословіемъ. Хотѣлось непремѣнно произвести шумъ, нарушить общественную тишину, пойти въ разрѣзъ съ правилами приличія. Я съ Машей выпилъ пива—и окончательно сорвался съ цѣпи. Я бѣгалъ за Миньоной по всѣмъ комнатамъ, оралъ громче пѣвца-студента, на бѣгу хваталъ за голые локти масокъ, вызывалъ пѣвицъ, хотѣлъ бить распорядителя танцевъ, ругался, танцовалъ кадриль въ присядку. Я просто обезумѣлъ— и не двѣ бутылки пива виноваты въ этомъ. Меня сбилъ съ толку и помялъ маскарадъ. Житейская правда, увидѣнная мною во всей ея безцеремонной дикости и развратной веселости, показалась мнѣ и страшной, и привлекательной. Миньона была прекрасной партнершей. Я не подозрѣвалъ, сколько

чувственности сидитъ въ этой пухлой фигуркѣ съ блѣднымъ лицомъ, большимъ ртомъ и влажными глазами.

Мы слонялись по фойе до самаго конца маскарада, покуда комнаты не заперли. Публика постепенно перебралась въ буфетъ и тутъ ужъ, дѣйствительно, напилась до послѣдней степени. Такой результатъ былъ неизбѣженъ. Приподнятая веселость и разгулъ, понемногу ослабѣвая, должны были чѣмъ нибудь подкрѣпиться, иначе насъ могло настигнуть полное банкротство духа.

Напился и я. Миньона пріѣхала ко мнѣ почти совсѣмъ безъ чувствъ...

На другой день она встала съ искаженнымъ лицомъ, но все-таки ушла въ бѣлошвейный магазинъ, а я, съ страшной головной болью, сидѣлъ въ мастерской и мучился разными соображеніями.

Въ эти минуты я думалъ объ увлеченіяхъ, о жизни, объ искусствахъ... Бѣдная живопись! Честное слово, ты дѣтская штука, невинный фокусъ, а вовсе не что-то самостоятельное и высокое. Бѣдные созидатели шедевровъ! Какая у насъ правда на полотнѣ? Дѣвушка возлѣ ручья, дама съ невинными устами и кобальтомъ въ глазкахъ, пастухъ съ рожкомъ возлѣ стада, жанровая сценка à la В. Маковскій, весталка, ребенокъ на колѣняхъ у мамаши, свиданіе, разлука, встрѣча, худой лапоть, морской видъ, лѣсная прогалина?

Вотъ если бы я могъ нарисовать маскарадъ —

весь, во всей полнотѣ, движеніи, красках, особенном, мѣняющемся, как цвѣта хамелеона, колоритѣ, со всѣм маскарадным шумом, гулом, его толпой, позабывшей приличія, его одуряющей атмосферой, запахом женскаго тѣла, его безобразной красотой, глупостью, грязью, неистовством и—правдой жизни, как она есть на самом дѣлѣ!!

Да, это был бы шедевр. Но такая картина недоступна даже перу, не только кисти. Картина эта возможна в одной дѣйствительности. Я совершенно убит вчерашней ночью. Во мнѣ погиб художник. Я не кину любимую (все-таки!) работу, но... прости, шедевр! Я его прежде не лелѣял в душѣ своей, но и не отрицал его.

Теперь я смѣюсь над ним.

И мнѣ в то же время больно, больно до слез...

БЕЗЪ АДРЕСА.

(ПИСЬМА НЕИЗВѢСТНАГО).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Село ***кое, 1867 г., 23 іюня.

Моя безцѣнная!

Посылаю тебѣ въ этомъ письмѣ тишину лѣтней ночи, свѣтъ блѣдной луны, а съ ними и мою любящую, взволнованную душу. Сердце мое трепещетъ. Я полонъ думы о тебѣ, моей дорогой, моей ненаглядной! Сижу въ крестьянской избѣ и пишу. Окно мое открыто. Видна поляна, отъ луннаго свѣта вся трава поляны серебрится, какъ быстрая рѣчка; туманъ вьется надъ болотомъ и качается, какъ огромное, бѣлое привидѣніе; неподвижныя, какъ холмы, стоятъ большія деревья; и слышатся мнѣ тихіе звуки ночи, вздохъ согрѣтой земли, крики ночныхъ птицъ; и все это такъ хорошо — и такъ печально... Я долго стоялъ и глядѣлъ въ

окно, дыша теплымъ воздухомъ, любуясь, какъ свѣтлыя тучки бѣжали по мѣсяцу и не могли покрыть его тѣнью. А на меня глядѣли дрожащія звѣзды; онѣ шевелились, горѣли, переливались едва уловимыми, но разнообразными красками... О, звѣзды, грустныя звѣзды! Мнѣ тяжело смотрѣть на вашъ милліонъ очей. Почему? И самъ не знаю... Господи, да мнѣ все грустно: и видъ звѣздъ, и солнечное утро, и тихій вечеръ... Я не помню дня, чтобы когда нибудь я чувствовалъ себя съ утра до вечера счастливымъ. Вся жизнь моя проникнута неудачами, темнымъ горемъ, вся жизнь отъ самаго дѣтства. Ты не можешь представить, какъ я былъ всегда бѣденъ, заброшенъ, безоруженъ... Въ самомъ дѣлѣ, ты обо мнѣ очень мало знаешь: почти ничего. Ты пока только видишь и чувствуешь мою къ тебѣ любовь, но жизни прошлой моей ты не знаешь. Я разскажу тебѣ все; я душу тебѣ мою открою. Вѣрю, что ты, ангелъ мой пресвятой, пожалѣешь меня, поплачешь подъ мой разсказъ, но ты будь покойна и знай, что съ этихъ поръ, какъ я сталъ твоимъ, горе мое выцвѣло. Когда ты возлѣ меня и глядишь, словно эти звѣзды и мѣсяцъ печальный, прямо въ мое лицо,—я замираю отъ счастья, я полонъ любви и въ этотъ мигъ точно слышу твой лепетъ, разбираю слова: «Не грусти, я съ тобою!» И я беру тебя мысленно за руки, жму ихъ, долго цѣлую и говорю: вотъ бы умереть когда! Но нѣтъ, нѣтъ! Я сказалъ глупость. Именно теперь

я и не хочу умереть. Вѣдь я—глупый человѣкъ!—я только что нашелъ тебя, мы только что полюбили другъ друга. Да, я теперь хочу и буду жить. Пусть будетъ горе, несчастье, неудачи; пусть все противъ меня—я стерплю. Только когда ужъ очень станетъ больно, ты въ эти скорбныя минуты приходи, прилетай ко мнѣ почаще, дольше гляди на меня кроткими глазами, ласкай меня тонкой рукой, шепчи слова любви и ободренія... Вѣдь такъ? О, да! Я слышу твой отвѣтъ, нѣжный, какъ шелестъ листа, какъ всплескъ маленькой рыбы на спящей водѣ...

Сейчасъ я буду писать о себѣ. Я хотѣлъ бы разсказать тебѣ про мое дѣтство, юность—и такъ до настоящихъ дней довести мою грустную автобіографію. Я ужъ было началъ, исписалъ полстраницы и спохватился. Долой все, зачеркиваю съ первой до послѣдней строки. Какъ я глупъ и страненъ! Если ты знаешь мою душу, видишь мое сердце и понимаешь, какъ я тебя люблю, значитъ ты знаешь и все прошлое. Огнемъ пробѣжала въ моей головѣ эта мысль... Да, да, тебѣ все извѣстно! Къ чему же писать, если достаточно подумать—и сейчасъ эту думу ты услышишь и прочитаешь. Наконецъ, писать о моемъ грязномъ прошломъ въ высшей степени тяжело. Я скажу коротко, что ты пришла ко мнѣ въ самую грустную пору, въ тѣ мгновенія, когда жизнь казалась смертью, когда одиночество терзало меня, какъ голодный звѣрь, а люди еще

сильнѣе, когда я ужъ думалъ о самоубійствѣ, — вдругъ я ощутилъ тебя! И снова я поглядѣлъ на жизнь ласковымъ взглядомъ, лѣто поразило меня красотой, свѣтлая рѣчка заговорила о томъ, что какъ хорошо напиться воды, утолить жажду, а не только одно: кинься, кинься внизъ головой въ глубокій омутъ!

Мое письмо ужасно странно—для каждаго другого человѣка. Но только не для меня и не для тебя, моя безцѣнная! Я сейчасъ прочелъ написанное и даже засмѣялся отъ радости. Я говорю съ кѣмъ-то, пишу на бумагѣ кому-то нѣжныя слова, ласкаюсь, признаюсь въ любви... Ахъ, какъ это чудесно! Я смѣюсь и плачу отъ восторга! Да, непонятенъ нашъ разговоръ для постороннихъ людей (и слава Богу, что непонятенъ!), но какъ это на самомъ дѣлѣ все просто! Неужели нельзя сообразить, что ты, моя любимая подруга, которой я пишу это письмо и много буду писать еще писемъ, — что ты... *мечта!?* Да, я тебя выдумалъ. Ты — мое созданіе. И вышло чудо: Богъ создалъ людей, подобныхъ мнѣ — ничтожныхъ, лживыхъ, злыхъ, малодушныхъ, а я—ничтожнѣйшій и малодушнѣйшій человѣкъ, — я создалъ божество — тебя! О, прелесть моя! Чистая, прекрасная женщина! Ты то дитя, тотъ идеалъ, къ которому стремился я всю жизнь... Не сумасшедшій ли я? Нѣтъ, я мыслю здраво. Но я готовъ сойти съ ума, чтобы только быть счастливымъ. А я теперь сча-

сливъ. Ужъ это не мечта, а дѣйствительность, несомнѣнный фактъ. Я не встрѣчалъ женской любви, то есть такой, какую мнѣ хотѣлось: чистую, полную, беззавѣтную. А теперь я встрѣтилъ. Прежде я не любилъ по-своему: безумно, глубоко, нѣжно, страстно. А теперь люблю, люблю! Что-жъ, пусть я близокъ къ помѣшательству. Зачѣмъ мнѣ умъ, здравый смыслъ, практичность! Все это вздоръ на нашемъ грустномъ свѣтѣ. Одинъ есть даръ, одно существуетъ блаженное счастье: взаимная любовь!

Ты, моя дорогая, конечно, лучше меня въ сто тысячъ разъ. Ты—совершенство. Но я тебя представляю по-своему, какъ мнѣ нравится. Я до того люблю, что иногда вижу тебя передъ собой. Вотъ твой портретъ: ты невысока ростомъ, глядишь дѣвочкой лѣтъ семнадцати, хотя на самомъ дѣлѣ тебѣ 23 года; у тебя маленькія руки; твоя голова покрыта соломенной шляпой, изъ-подъ которой опускается длинная бѣлокурая коса; твое лицо похоже на лики святыхъ мучеництъ, хотя на немъ нѣтъ страдальческаго выраженія; глаза твои голубые, нѣжные, честные—рѣдкость женскаго лица; уста твои нервны, розовы; подбородокъ маленькій, тоже нервный, съ особенной черточкой; твоя улыбка—эхо Божьей радости и твоя главная прелесть; на тебѣ надѣто сѣрое платье, въ рукахъ зонтикъ свѣтло-зеленаго цвѣта... Иногда ты глядишь печально, и въ тотъ мигъ мнѣ рыдать хочется. Едва ты улыбнешься—душа моя горитъ отъ веселья. А то сло-

жишь ты свои губы серьезно, наморщишь тонкія брови, и я понимаю, что ты хочешь поговорить со мной, дать совѣтъ... Господи, какъ сладко мнѣ представлять тебя и видѣть, моя голубка! Мало того: я часто слышу твой голосъ; онъ у тебя тихій, но внятный, серебряный, поющій... Вотъ ты сейчасъ передо мной: снимаешь съ головы шляпу, на шляпѣ я вижу бѣлыя ленты: если бы мнѣ одну на память! Въ волосахъ у тебя цвѣты—сиреневая вѣтка. Ты поправляешь прическу, а на твоемъ безъимянномъ пальцѣ правой руки надѣто золотое кольцо съ опаломъ въ брилліантикахъ. Это единственная роскошь, которая даже странна при нашемъ положеніи. Но это — вообразимъ такъ— мой подарокъ, купленный послѣ долгихъ экономій и сбереженій. Я теперь подарилъ тебѣ перстень, въ память нашей духовной встрѣчи, въ память нашего счастія и любви... Какъ же зовутъ тебя, мой милый другъ? Увы, я не нашелъ для тебя достойнаго имени. Всѣ женскія имена покрыты безславіемъ тѣхъ, которыя ихъ носятъ. Оскверню ли тебя человѣческимъ, женскимъ именемъ? Нѣтъ. Впрочемъ, у тебя есть имя—прелестное, хорошее, мной любимое: ты — мое счастіе! Вотъ оно, твое имя. Лучшаго я для тебя придумать не могу.

Завтра мнѣ предстоитъ долгое шаганіе въ Москву. У меня нѣтъ денегъ, нѣтъ друзей. Моя одежда изорвана, лицо смотритъ больнымъ. Позади я оставилъ сорокъ лѣтъ грусти и страданій, впереди

меня ждетъ такое же горе. А я все-таки счастливъ. Пишу это письмо, читаю его и чую себя на небѣ. А все потому, что ты возлѣ меня. Знаешь, когда я стану умирать, не забудь: явись ко мнѣ, поцѣлуй въ послѣдній разъ и закрой мнѣ глаза. Я хочу въ мою смертную минуту видѣть передъ лицомъ не фигуру больничной сидѣлки, ни сосѣда на койкѣ, ни даже голубое небо съ далекими облаками, а твои кроткіе глаза, твои черты небесныя, розовыя уста, ихъ улыбку, дрожаніе, лепетъ... И чтобы ты взглянула на меня и сказала только два слова:

— Я здѣсь...

Прости, не буду говорить о смерти. Вотъ что, мой милый другъ! Давай, погадаемъ, что ждетъ насъ въ будущемъ? Впрочемъ, и это лишнее. Зачѣмъ гадать? Что бы ни случилось, мы рука объ руку встрѣтимъ и злую бѣду, и маленькую радость. И я твердо вѣрю, что теперь меня ждетъ успѣхъ. Ты мнѣ, мое счастіе, принесешь удачу. Какъ мнѣ легко! Какъ глубоко вздыхаютъ мои легкія! Вонъ, ужъ заря встаетъ; утро застало меня съ перомъ въ рукѣ. Я не хочу спать, не могу. Вѣкъ бы говорить съ тобой, вѣкъ думать о тебѣ, писать такія же письма...

Ночь поблѣднѣла... Не ты ли, горе мое, бѣжишь вмѣстѣ съ тьмой? Ужъ близокъ восходъ солнца... о, взойди! Взойди, солнце любви моей, согрѣй меня, оживи! Я засыхалъ, гибнулъ, терялся въ глубо-

кой мглѣ... Ахъ, вотъ и оно, прекрасное солнце! Другъ мой, какіе свѣтлые лучи... Я ослѣпленъ! Послѣдній холодъ ночи покрылся туманной теплотой... Какое пламя на небѣ! Кто зажегъ его такимъ чуднымъ и разноцвѣтнымъ? Кто въ сердце мнѣ заронилъ теплый лучъ надежды, кто!?.

И ты, моя подруга, ты тоже мое солнце! Ты горишь для меня такъ же свѣтло и прекрасно! Здравствуй же, мое солнце, мой лѣтній день, моя молодая надежда, мое счастье!!.

Едва я написалъ эти слова, какъ въ избу вошелъ мой домохозяинъ, крестьянинъ здѣшняго села, Андронъ Филатовъ, или какъ зовутъ его, дѣдъ Филатычъ. Принесъ мнѣ пятокъ печеныхъ яицъ, ломоть хлѣба и кринку молока.

— На, поѣшь на дорогу, сказалъ онъ.

— Спасибо, старый. Только чѣмъ я тебѣ уплачу-то? Одинъ у меня гривенникъ, и тотъ въ Москвѣ понадобится...

— И, ну тебя къ проказнику съ гривенникомъ! Нешто, васъ, нищихъ, за корысть въ домъ пущаютъ и хлѣбомъ кормятъ! Я вотъ тебя пріютилъ, а ты за это самое помяни всѣхъ сродниковъ и всѣхъ православныхъ христіанъ...

Проговоривъ эти слова, дѣдъ сѣлъ, поглядѣлъ на меня изъ-подъ ладони и спросилъ:

— Странный человѣкъ будешь, соколикъ?

— Нѣтъ, дѣдушка, я по письменной части.

— По письменной? Въ писаряхъ, значитъ. То-то,

вижу, строчишь. Къ сродственникамъ, что ли, царапаешь?

— Да...

— На чужую сторону, али въ родную нору пробираешься?

Вижу, что любопытенъ дѣдъ, поболтать охочъ. Разсказалъ ему коротко свои дѣла, про свою судьбу несчастную помянулъ, а дѣдъ внимательно выслушалъ да и говоритъ:

— А ты вотъ что, парень: ты это оставь—роптать. Дѣло твое молодое (дѣдъ былъ подслѣповатъ, за молодого меня принялъ), все, братъ, перетрется, перемелется и мука будетъ. Придешь ты въ Москву, сходи къ угодникамъ, помолись, и дастъ тебѣ Богъ помощь, мѣсто себѣ обрящешь. Апосля того, какъ попадешь-то на мѣсто, то есть, не заносись, не гордись, потрафлять хозяину старайся, хребетъ погни. Ну, тогда и оперишься. Помянешь въ тѣ поры меня, стараго. А роптать, парень, великій грѣхъ. Я вотъ сыновъ и внуковъ лишился, одинъ маюсь, съ пчелами, а не ропщу. А у тебя еще молоко не губахъ не обсохло!

Я не противорѣчилъ. Не сталъ разъяснять старику, что мнѣ ужъ сорокъ лѣтъ, и что невозможно гнуть хребетъ тамъ, гдѣ встрѣчаются зло и злые люди. Спасибо, однако, тебѣ, дѣдъ, за ласковое слово! Изъ глубины твоей мохомъ обросшей души оно вышло по-просту, безъ ухищреній. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ добрый старикъ: пріютилъ,

накормилъ, отъ платежа отказался и совѣтъ нравственный далъ. Кто научилъ этого дѣда быть такимъ? Кто шепнулъ ему такія правила и заповѣди?

Вотъ видишь, моя дорогая, не успѣлъ я тебѣ написать о томъ, что ты свѣтишься мнѣ счастливой звѣздочкой, какъ слова мои оправдываются: ужъ насъ обласкали и ободрили... Будемъ же надѣяться, что впереди насъ опять встрѣтитъ и ласка, и доброе слово... А теперь — въ путь. Пора. Я знаю, ты сейчасъ начнешь говорить:

— Голубчикъ, куда же ты торопишься? Ты не спалъ ночь, тебѣ необходимо отдохнуть.

Не безпокойся обо мнѣ, безцѣнная! Я отдохну днемъ, на дорогѣ, гдѣ нибудь въ рощѣ, когда будетъ жарко идти. А теперь надо спѣшить. Прощай, дѣдъ! Ухожу...

Смотрю, старикъ ужъ бредетъ въ избу.

— Вотъ, паренекъ, говоритъ онъ. — Засунь-ка въ торбу...

И протягиваетъ мнѣ маленькій, недавно испеченный хлѣбъ.

— Дѣдушка, воздай тебѣ Богъ! За что даришь?

— Ну, чего еще тамъ... Не велика дача... У насъ, въ нашемъ околоткѣ, хлѣба нонѣ, слава Тебѣ Господи, урожайно... Ступай себѣ, съ Богомъ.

Ну, до свиданія, моя голубка! Напишу тебѣ еще нѣсколько строкъ сегодня вечеромъ, когда приду на постоялый дворъ, подъ Москвой. До свиданія, радость моя! Но чего я прощаюсь съ тобой? Вѣдь

ты будешь со мной и въ дорогѣ, я буду разговаривать съ тобой, вмѣстѣ глядѣть на зелень и цвѣты... да, да, ты будешь со мною! Счастье мое! И коротокъ выйдетъ мой путь, не замѣчу я усталости. Пойдемъ же! Съ Богомъ впередъ!..

Утро 24-го іюня.

Я ужъ возлѣ Москвы. Отдохну часика два — и опять въ походъ! Окончу письмо ужъ въ столицѣ... Съ Богомъ впередъ!

Москва, 1-го іюля.

Вотъ гдѣ пришлось мнѣ дописывать къ тебѣ мое письмо, мой безцѣннѣйшій другъ: въ безплатной городской читальнѣ! Сюда меня едва впустили, благодаря неприличію одежды. Только библіотекарша, убѣдясь, что я вполнѣ трезвъ, велѣла сторожу меня впустить...

Ахъ, моя прелесть! Ужъ съ недѣлю терплю я въ Москвѣ ужасную нищету... Куда ни заходилъ, кого ни просилъ — нигдѣ не нашелъ работы. Голубушка, чего мы только не претерпѣли! Особенно трудно было — протянуть руку за подаяніемъ... Когда мнѣ положили въ ладонь деньги, монета жгла мнѣ пальцы. Я въ эту минуту видѣлъ и тебя: твое лицо было въ слезахъ... Вотъ и сейчасъ оно мерещится мнѣ — грустное, плачущее... Ради Христа, не тоскуй! Я не могу видѣть твоихъ слезъ, я готовъ рвать свои волосы, бить себя по щекамъ, самъ биться головой о стѣны... Если я не-

счастенъ—куда ни шло. Но если ты станешь глядѣть на меня такой страдалицей, я не выдержу, я зареву, какъ мальчишка... Опять, опять твое лицо, и опять оно блѣдно, скорбно, изъ глазъ его бѣгутъ слезы... Что же ты хочешь, чтобы я сошелъ съ ума!? Слушай: я еще не убитъ, я могу бороться, я еще могу быть твердымъ. Я вынесу еще, но съ тобой мнѣ не страшна нищета. Ободрись! А хочешь, чтобы и я ободрился — взгляни на меня нѣжно, улыбнись, улыбнись... О, счастье мое! Зашелъ я сюда, чтобы на бумагу передать мою тоску. Написалъ тебѣ всего страничку, а сердцу легче! Сейчасъ мы выйдемъ изъ этой комнаты: ждетъ насъ опять огромный и чуждый городъ съ большими домами, богатыми магазинами, сотнями тысячъ людей, съ горемъ и радостями, съ туманнымъ и пыльнымъ воздухомъ... Что же встрѣтимъ мы? Опять голодъ, нужду, страхъ о кускѣ хлѣба, людское бездушіе? О, все равно! Какой бы ужасъ ни ждалъ насъ — впередъ! Впередъ, моя дорогая подруга, моя любовь, мое счастіе! Съ Богомъ впередъ! Твой И*** К***».

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Москва, 1870 г., 11 февраля.

Безъимянное созданіе моей глупости!

Разбиралъ я надняхъ свой письменный столъ и наткнулся на интересное письмецо отъ чудака

И*** К*** къ... неизвѣстно кому. Вѣдь вотъ до чего, подумаешь, мыслящій человѣкъ дойти можетъ съ голодухи! Честное слово, тутъ каждая строка сумасшедшимъ домомъ пахнетъ. И какимъ нѣжнымъ тономъ написано... Фу, чортъ возьми, неужели это былъ я три года тому назадъ!? Не можетъ быть, меня или тогда, или теперь подмѣнили. Признаться, я успѣлъ забыть о прошломъ. Оно, это самое мое прошлое, весьма отвратительно, и не стоитъ его помнить. Что было—то сплыло. Отъ грязи и бѣдности меня избавилъ случай. Но теперь меня бѣситъ, какъ я могъ именно въ трудную жизни минуту быть такой тряпкой, нытикомъ, мизераблемъ? Ишь вѣдь какъ выражался я тогда,—просто стыдно перечитывать... И какъ я лгалъ! Просто, велъ себя, какъ идеалистъ-гимназистъ, который въ университетѣ уже думаетъ по-другому, а кончивъ курсъ—мыслитъ на чиновный манеръ. Право, можно подумать, что эти ничтожные листы бумаги писаны двадцать лѣтъ позже, а отнюдь не только за три года... И чему я, дуракъ, умилялся? Собственному недомыслію? Изобрѣсти какую-то мечту, женскаго пола, однако, писать ему письма безъ адреса... удивительно!

Уфъ! Всю дребедень перечиталъ. Сжечь ее развѣ? Нѣтъ, пусть валяется... ради курьеза. Мало того, я попробую потолковать отъ скуки—съ тѣмъ безъимяннымъ созданіемъ, въ которое былъ, во всякомъ случаѣ, сильно, хотя и глупо влюбленъ.

Кстати, я сегодня раздраженъ, хотя съ другой стороны—когда же я бываю не раздраженъ? Ну, такъ, чтобы сорвать злость, напишу нѣсколько глупыхъ фразъ. Чѣмъ бы мою старинную пріятельницу уязвить получше, побольше? Она стоитъ того. А только все это пошло до крайности... Впрочемъ, къ свиньямъ анализъ. Надоѣло. Ужъ лучше позабавиться.

Ну-съ, милостивая государыня (не Анна Непомнящая ли?), поговоримъ. Во-первыхъ, съ прискорбіемъ извѣщаю васъ, что я женатъ. Что-съ, не ожидали этакого реприманда отъ вѣрнаго-то друга? Такъ точно, женатъ самымъ законнымъ бракомъ, женатъ на богатой старой вѣдьмѣ. Подробности слишкомъ шаблонны, чтобы ихъ разсказывать. Да и не хочу: я брезгливъ. Во-вторыхъ, можете себѣ представить, я—Шейлокъ. Въ самомъ дѣлѣ, я занимаюсь учетомъ векселей, чѣмъ занимался первый мужъ моей теперешней супруги, московскій купецъ Кулешниковъ. Разумѣется, я не сосу кровь, какъ другіе процентщики, но въ принципѣ я все-таки занимаюсь подлымъ дѣломъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ про это увѣдомляю васъ и даже маленькій вопросецъ даю: гдѣ же вы тогда были, безцѣнная? Что бы догадаться, спасти друга, направить его на благое дѣло? Впрочемъ, не послушалъ бы я тогда васъ. Ужъ очень денежная лихорадка мной завладѣла. То не было ни гроша—то триста тысячъ сверкнули. Ну, и озвѣ-

рѣлъ. Только вотъ этотъ годъ солонъ мнѣ пришелся: опять самоанализъ замучилъ, ну, и деньги примелькались... Сначала я думалъ, что спокойствіе духа зависитъ отъ полнаго кармана. Оказывается, чистѣйшій вздоръ такая копѣечная теорія.

Какъ я жилъ, сдѣлавшись богатымъ? Сейчасъ скажу. Это васъ оскорбитъ, замажетъ грязью, а я буду радъ. Нѣтъ мести лучшей—какъ замарать то чистое, которое отъ насъ убѣжало и теперь недосягаемо... Заполучивъ кушъ, я пустился въ чревоугодіе и развратъ. Это самое первое. Я ѣлъ, нѣтъ—жралъ. Я пилъ, нѣтъ — пьянствовалъ. Я наслаждался женщинами, нѣтъ—дѣлался сладострастнымъ, гадкимъ насѣкомымъ, окунался въ самый утонченно-мерзѣйшій развратъ. Когда же здоровье пошатнулось, я ударился въ другое: въ хищеніе. Я вдругъ ожидовѣлъ, сдѣлался Плюшкинымъ, трясся надъ копѣйкой. Я попрекалъ свою жену за то, что она тратила собственныя деньги, я принимался за разныя комерческіе обороты, если чуялъ хотя грошевую выгоду, я покупалъ и перепродавалъ дома, я хотѣлъ пріобрѣтать все больше, больше... Но это продолжалось недолго. Скоро насталъ мой третій періодъ: сознаніе своей гнусности, глупости, безполезной мелочности. И явилась ужасная злоба, разлилась желчь, обуяло человѣконенавистничество безмѣрное... Я вдругъ созналъ, что все на свѣтѣ гадко: я самъ, всѣ люди, все... И въ то же время у меня была испуганная,

но никогда непокидающая меня думка: это о томъ, что есть же, есть что-то въ жизни, что достойно хвалы и желаній. Что же это такое? Совѣсть безъ упрека, любовный и кроткій складъ сердца? А ихъ-то у меня и нѣтъ! Я мучу себя упреками, я презираю себя, ненавижу... но еще больше кипитъ моя злоба противъ моего прошлаго, когда я былъ глупъ и... (сознаюсь съ трудомъ) все-таки честенъ... Даже въ то время—всего три года назадъ—я не былъ старикомъ въ душѣ. Я даже любилъ! Пусть я любилъ, какъ идіотъ, какую-то мечту, но... теперь и этого нѣтъ. Мнѣ грустно, скучно, больно. Я ненавижу мою жизнь—и страшно боюсь смерти. А она неизбѣжна, она, быть можетъ, близка! И застанетъ меня эта смерть не въ счастьи, а среди самыхъ горестныхъ соображеній, терзаній и физическихъ болѣзней...

Я вхожу во вкусъ, продолжая писать вамъ, бывшая подруга безденежнаго И*** К***. Вы, быть можетъ, думаете, что я и сейчасъ шучу? Нѣтъ, ей-Богу. Мнѣ пріятно подурачиться. Я не ожидалъ, что такъ стану писать. Что-то другое водитъ моей рукой: болѣзненное, дикое, неопредѣленное... И если бы ты, курьезная мечта, была человѣкомъ, то, я увѣренъ, между нами произошелъ бы слѣдующій діалогъ:

Я. Ну-съ, безъимянная женщина съ бѣлокурыми волосами, о чемъ вы думаете? Отчего ваше лицо покрыто слезами?

Вы. Я плачу о моемъ другѣ.

Я. Да развѣ онъ умеръ? Помилуйте, онъ передъ вами. Только, какъ ящерица, онъ кожу свою перемѣнилъ.

Вы. Неправда, мой другъ умеръ. Тотъ, кого я вижу сейчасъ, другой, ужасный для меня, человѣкъ. Но, можетъ быть, онъ оживетъ... духъ его воскреснетъ, сердце смягчится, душа заноетъ обо мнѣ и...

Я. И полетитъ къ вамъ въ объятія? Какъ бы не такъ! Дожидайтесь.

Вы. Что-жъ, я подожду. Его возвращеніе ко мнѣ будетъ его смертью. Я погляжу ему въ лицо, улыбнусь ему знакомой улыбкой, закрою рукой его глаза... и онъ заснетъ, чтобы никогда не просыпаться!

. . . .

Прочиталъ «діалогъ» и все письмо. Я изумленъ. Что это? Я становлюсь глупѣе, чѣмъ три года назадъ? Впрочемъ, сначала подумаю. Гм... Я подумалъ. Мало того, я рѣшилъ задачу.

Вотъ что: подруга безъ имени здѣсь съ боку припека. Я началъ писать, потому что нельзя всю жизнь молчать. И если некому разсказать о своей тоскѣ, некому довѣриться, то поневолѣ создашь мечту или просто схватишься за бумагу, перо и чернила. Оба мои письма — старое и настоящее — крикъ изстрадавшагося сердца (Какъ это мнѣ раньше въ голову не пришло?). Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ же цирюльникъ дереву объ ослиныхъ

ушахъ Мидаса! Поэтому человѣку XIX столѣтія вполнѣ возможно и простительно, даже логично, не имѣя ни друга, ни жены, ни вѣрной любовницы, повѣрять свою скорбь бумагѣ, мечтѣ, безъимянному созданію, etc.

Да, мнѣ тяжко. Я изнываю... я одинъ. Женщина, на которой я женатъ, невыносима для меня. Я, положимъ, могу жить, какъ и съ кѣмъ хочу... Но вѣдь у меня есть такой уголокъ души, въ которомъ прячется моя живучая, ничѣмъ не заглушимая совѣсть. Она считается со мной, она меня точитъ, какъ невидимый червь. Ея упреки справедливы, но отъ этого мнѣ не легче. Да и жить тяжело, и пѣсня моя пропѣта. Вотъ зеркало: что за старикъ глядитъ въ него? Это—я. Морщины, безцвѣтные глаза, сѣдые волосы, начинающія дрожать руки... Стучатъ? Кто еще тамъ? Войдите...

Какой странный сейчасъ вышелъ случай... Такъ и быть, запишу и его въ это «курьезное» письмо...

Вошелъ мой лакей, похожій на дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и притомъ не въ отставкѣ, а при важномъ посту. Такая у моего Федора чиновная мина... Вошелъ и докладываетъ бархатнымъ баритономъ:

— Господинъ Иволгинъ. Прикажете принять-съ?

— Гм! Ну, пожалуй, зови его... Какъ онъ надоѣдливъ...

Лакея смѣняетъ человѣкъ однихъ лѣтъ со мной, даже постарше нѣсколько. У него разбѣгающіеся глаза, красное лицо, мѣшки подъ глазами (видно, тоже хорошо жилъ баринъ!), но очень порядочныя манеры и одежда. Человѣкъ этотъ трясется отъ волненія и старается это скрыть.

— Что скажете? говорю я, указывая ему на кресло.

— Я къ вамъ... говоритъ онъ дребезжащимъ и словно мокрымъ голосомъ.—Съ прежней просьбой...

— Отсрочить продажу вашего дома? Не могу.

— Ради Бога...

— Ахъ, какъ это скучно! Изъ-за чего вы хлопочете? Все равно, поздно ли, рано ли, а домъ продать придется. Вѣдь денегъ у васъ не будетъ.

— Почемъ знать... Если вы повремените мѣсяца два, то я... я надѣюсь получить изъ Казани девять тысячъ, которыя...

— Которыя вы ожидаете получить уже четвертый годъ?

— Да... но теперь... я надѣюсь, я хлопочу...

Старикъ вынулъ платокъ и обмахнулся.

— Я бы могъ, въ случаѣ вашего согласія, имѣть пристанище съ семьей... могъ усиленно хлопотать... съѣздить...

Онъ опять пустилъ въ ходъ платокъ. Я вперилъ въ просителя мой болѣзненный, злобный взглядъ. Онъ почувствовалъ это и весь пожался.

«Ишь, старый глупецъ!» подумалъ я.—«Разорилъ дѣтей, не сберегъ ихъ родовое гнѣздо и сидитъ теперь, какъ передъ висѣлицей... и, небойсь, ругаетъ меня, ненавидитъ рабски... О, какъ всѣ мнѣ противны! А вѣдь въ моихъ рукахъ это лягушечье сердце... захочу—и жить ему дамъ!»

— Послушайте... спросилъ я и замолчалъ, колеблясь.

Въ это время я увидалъ мое старое письмо къ безъимянной женщинѣ. Что-то укололо меня. Я усмѣхнулся и сказалъ должнику:

— Я знаю, у васъ пять человѣкъ дѣтей, дочь больная, еще кто-то изъ родни у васъ на шеѣ сидитъ... Хотите я позволю вамъ жить въ вашемъ домѣ всегда, но съ условіемъ: платить мнѣ по 500 рублей въ годъ? Такимъ образомъ, вы будете погашать долгъ постепенно...

Иволгинъ поблѣднѣлъ, потомъ побагровѣлъ.

— Не... нехорошо... пролепеталъ онъ. — Негодится... смѣяться...

Его душило.

— Я не шучу, торопливо сказалъ я. — Мнѣ жаль вашу семью, я дѣлаю доброе дѣло для вашихъ дѣтей и ради... одного созданія безъ имени. Садитесь, пишите... я продиктую вамъ другое условіе, а вексель вашъ разорву.

И когда я привелъ въ исполненіе обѣщанное, Иволгинъ, не вѣрившій до послѣдняго момента, вдругъ заплакалъ, задрожалъ, схватилъ мою руку

и поцѣловалъ ее... Я не успѣлъ отнять пальцы. Меня просто ударило по сердцу: стыдно и противно сдѣлалось...

— Пожалуйста, безъ всякихъ благодарностей... Не надо мнѣ ничего... уходите... стиснувъ зубы, сказалъ я.—Радъ, что помогъ вамъ...

Онъ еще прошепелявилъ какую-то фразу, поглядѣлъ на меня слезящимися, безумно-радостными глазами и вышелъ изъ кабинета походкой пьянаго...

Созданіе безъ имени, довольно ли ты мной?

И*** К***

P. S. Я больше не буду писать... Я какъ-то вдругъ ослабѣлъ. И все мнѣ кажется дикимъ: мои злобныя рѣчи, мой неожиданный филантропическій дебютъ, этотъ постскриптумъ...

Эхъ, напиться, что ли!

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Село N, Московской губерніи,
1874 года, мая 9 дня.

Несуществовавшій другъ!

Я разбираю и привожу въ порядокъ мои документы, счета, письма, записки, векселя. Многое необходимо уничтожить. Затѣмъ, на прощаніи, черкну тебѣ эту записку (по старой памяти) и буду готовиться къ смерти. Я угасаю. Болѣзнь моя, кажется, неизлечима. Я теперь похожъ на скелетъ. Невольно я задумался надъ двумя письмами, ко-

торыя писаны мною въ разные періоды моей жизни. Какимъ чудакомъ уродился я! Ну, это еще ничего — писать мечтѣ, но браниться съ мечтой, желать ее унизить, какъ это было во второмъ письмѣ, это просто безобразно. Впрочемъ, я только теперь ясно гляжу вокругъ себя. А прежде все было въ туманѣ. При этомъ, мой характеръ виноватъ. Я родился, какъ мнѣ кажется, «запертымъ» человѣкомъ, т. е. очень скрытнымъ, недовѣрчивымъ. А жизнь постаралась возростить эти особенности, и получилось въ итогѣ что-то странное и ненормальное. Я вышелъ до того скептикомъ, что могъ довѣриться — одной мечтѣ, созданію собственной больной фантазіи. Вотъ почему я не нашелъ живого друга, а сочинилъ его, и онъ явился ко мнѣ, сотканный изъ сновидѣній, изъ моихъ чистыхъ желаній.... Теперь, я думаю, что моя безъимянная подруга не есть причина и предлогъ для жалобъ, для писемъ о своихъ горестныхъ дняхъ; это, напротивъ, слѣдствіе скрытности, верхъ недовѣрчивости, это стремленіе къ типу, который, какъ мнѣ думалось, не существовалъ и не могъ существовать. Я ничего не встрѣтилъ въ жизни свѣтлаго и вѣрнаго, и я рѣшилъ, что подобнаго нѣтъ въ жизни; тогда я его вообразилъ, идеализировалъ...

Но разсужденія мои—скучная матерія. Лучше я поговорю съ моимъ не жившимъ другомъ попрежнему, съ любовью, тихо, кротко и прощусь съ нимъ...

Два слова о себѣ — и ужъ въ послѣдній разъ.

Я теперь живу на дачѣ. У меня отличный садъ: въ немъ много цвѣтовъ, зелени. Я открылъ мое окно и дышу деревенскимъ воздухомъ, слушаю пѣніе птицъ, ощущаю запахъ весенняго прекраснаго утра — а тѣло мое болитъ, болитъ... Скоро все кончится!

Прощай же, моя дорогая мечта! Я радъ, что последнее мое къ тебѣ письмо писано не для курьеза и не въ бреду. Я сознательно, съ грустной усмѣшкой вожу рукой по бумагѣ и вспоминаю другое утро, когда я писалъ тебѣ гдѣ-то въ избѣ крестьянина, и тогда точно такая же была теплая, солнечная погода, также пѣли птицы, зеленѣла трава...

Я не знаю, что будетъ съ этими листками бумаги? Сначала я хотѣлъ ихъ сжечь... Но опять стало жаль! Нѣтъ, я не уничтожу нашъ маленькій романъ... Пусть онъ попадется въ другія руки, пусть не будетъ или будетъ прочтенъ, пусть онъ будетъ осмѣянъ... Когда я умру—умретъ и моя «мечта». И тогда намъ будетъ все равно... А чтобы мнѣ самому бросить въ огонь столько собственныхъ слезъ, столько моей искренней любви и страсти, — нѣтъ, нѣтъ! Нельзя на это рѣшиться... невозможно.

Что бы еще сказать мнѣ? Нѣтъ силъ писать, нѣтъ энергіи думать... Съѣла меня болѣзнь! Я совсѣмъ пропадаю отъ ужаса, я вижу пугающіе меня сны, я тоскую во время безсонницы, я боюсь темныхъ комнатъ, лунныхъ ночей, облачнаго неба, далекаго зарева. Иногда я увижу себя въ зеркалѣ—и сей-

часъ же начинаю плакать. Бываетъ, что я, проснувшись одинъ среди ночи, вдругъ боюсь, что смерть сію минуту отворитъ мои двери и, вся желтая, войдетъ ко мнѣ... И я, рыдая, ищу словъ, молитвъ, я хватаюсь безсильными руками за подушки, одѣяло, спинку кровати, пробуя и страстно желая хоть ненадолго удержаться на этомъ свѣтѣ. А когда наступитъ день, я охваченъ новыми тяжелыми думами, вижу другія ужасающія картины. И въ этихъ картинахъ постоянно представляю себѣ себя же. Безумныя галлюцинаціи тревожатъ мой больной духъ. Вотъ что я думаю, и вотъ какія сцены носятся передъ моими глазами. Будто бы я, напримѣръ, на балу, среди веселаго общества здоровыхъ людей. Раздается музыка, шумъ, говоръ. А я вижу самъ себя такимъ: представь, мой милый другъ, человѣка, который сидитъ и ходитъ, какъ другіе, а вокругъ него обвился, облапилъ его страшный, невидимый звѣрь. Онъ великъ, черенъ, зубастъ. Онъ безъ отдыха терзаетъ тѣло того, въ кого впился. Онъ грызетъ, ѣстъ, царапаетъ когтями, мучитъ, давитъ, душитъ — и нѣтъ оружія, чтобы убить этого звѣря, сбросить его съ болящей, изъѣденной груди...

Господи, какъ мнѣ вдругъ страшно стало! Мой другъ! Прости... холодѣютъ мои руки, мнѣ дышать очень трудно... Прощай, свѣтлая мечта!

Твой умирающій И*** К***

P. S. Какая странная мысль пришла въ голову:

не была ли ты, дорогая подруга, моимъ ангеломъ-хранителемъ, въ существованіе котораго я имѣлъ дерзость не вѣрить... до этой предсмертной минуты??

(Эти письма найдены мною въ письменномъ столѣ, купленномъ гдѣ-то на аукціонѣ. Они лежали въ секретномъ ящикѣ и были завернуты въ бумагу съ надписью: «Безъ адреса». Я сократилъ кое-что въ этихъ странныхъ письмахъ, замѣнилъ фамилію писавшаго начальными буквами и рѣшаюсь ихъ напечатать, такъ какъ, по наведеннымъ мною справкамъ, оказалось, что г. И. К. давно умеръ, именно въ 1874 году).

БОЖІЙ БИЧЪ.

I.

— Позовите ко мнѣ Владислава! громко сказалъ панъ Каменецкій, выглянувъ изъ окна на задній дворъ, гдѣ толпились его челядинцы и ржали заводскія кровныя лошади.—Эй, люди! Кому я говорю? Гдѣ этотъ пьяный песъ? Отчего не бѣжитъ онъ, мизерный, на кличку пана? Эге-ге! Да вы что же, красивые панычи, въ ротъ воды съ кукурузой набрали? Бжесько, держи отвѣтъ.

— Не доброе дѣло, панъ, послышался голосъ Бжесько.—Легъ Владиславъ и корчится, какъ змѣя подъ пяткой.

— А нѣмецъ что? Дѣйствуетъ?

— Поитъ снадобьемъ.

— Ежели его лютеранскіе мученики не вразумятъ, ежели нѣмецъ моего Владислава не выпользуетъ,—спущу съ него ученую кожу подъ пле-

тями... Мать Пресвятая! Вотъ и самъ нѣмецъ идетъ, и голова у него на обѣ стороны качается... это недобрый знакъ! Эй, панъ лекарь! Говори, не мучь! Что съ Владиславомъ?

— Могущественный господинъ и воевода! отвѣчалъ и по-польски, и по-нѣмецки явившійся передъ окнами старикъ. — Что Господь не захочетъ, того наука сдѣлать не можетъ...

— Не вылечишь — застегаю!

— Поздно лечить, господинъ. Вашъ Владиславъ умеръ.

— Такъ будь же ты проклятъ, нѣмецкій шарлатанъ, гадкій выходецъ, іудейскій жидъ! Провяцкій и Бжесько, берите, берите его и на конюшнѣ бейте плетями до смерти...

— Панъ! Панъ! Смилуйся!.. заговорилъ на плохомъ польскомъ языкѣ докторъ. — Не вели меня бить...

— Хлопцы! вопилъ между тѣмъ панъ Каменецкій, — ведите меня къ Владиславу! Ой, погибъ мой вѣрный слуга, мой приближенный и любимый! А нѣмца порите, на раны соли посыпьте, и чтобы живой изъ конюшни не вышелъ...

Панъ, весь растерзанный послѣ недавняго сна, выбѣжалъ на дворъ и оттуда устремился въ службы, совершенно не обращая вниманія и даже не слыша рыданій и просьбъ увлекаемаго въ конюшню нѣмца.

Владиславъ — огромнаго роста полякъ лѣтъ пяти-

десяти — лежалъ въ своей хатѣ на постели изъ соломеннаго тюфяка; онъ весь скрючился, посинѣлъ. Въ комнатѣ пахло уксусомъ. Панъ Каменецкій остановился передъ неподвижнымъ слугой, теребя свои длинные, съ просѣдью рыжіе усы, и долго молчалъ.

— Измѣнилъ, вражій сынъ! наконецъ сказалъ онъ, а голосъ дрожалъ, и прыгали на губѣ усы. — Измѣнилъ, да не по своей волѣ! Шляхта! Люди! Черти! Похоронить Владислава въ моемъ красномъ полукафтанѣ и бить въ самые большіе колокола, да сказать ксендзу, чтобы понадѣвалъ всѣ свои лучшія тряпки и прислужекъ своихъ нарядилъ въ новое, а не то я ему вставлю въ лобъ тѣ дорогіе камни, которые онъ просилъ на иконы! Охъ, закатилась моя луна! Темно будетъ мнѣ середи ночи безъ вѣрнаго пса, безъ неподкупнаго холопа! Бжесько, дай мнѣ полкварты меду...

Панъ вышелъ на широкій дворъ и выпилъ поданную кружку. Выпивъ, онъ оглядѣлъ густую толпу своихъ слугъ, которые по виду и одеждѣ смотрѣли разбойниками съ глухой краковской дороги, и громко свиснулъ:

— Ого-го! Еще хворь васъ, хлопы, не сдѣлала бабней? Еще вы у меня молодцы? А что, писчикъ, доноси, сколько храбраго войска съѣлъ чортъ, на котораго нѣтъ ни ножа, ни сабли, ни мушкета съ доброй пулей?

Выступилъ сѣдой полякъ и началъ доносить по

списку, нацарапанному на шелковой лентѣ, за неимѣніемъ бумаги или пергамента подъ рукой. И посыпались разныя имена: Игнатій Черевный, Грицъ Оборскій, Мечеславъ Дзюба, Оргонтій Мигальскій, Викентій Соловчійко, Марьянъ Акила и много другихъ. Всего набралось до шестидесяти. Послѣднимъ былъ записанъ Владиславъ Шишло, съ прибавленіемъ названія Первыня. Послѣ этого чтенія, которое панъ Каменецкій прерывалъ чертями и дьяволами, сѣдой полякъ перевернулъ ленту и сталъ читать имена женскія: Елена Моцько, Констанція Липская, Килина...

— Постой! возразилъ панъ. — Ты что это читаешь?

— Про женщинъ, ясный панъ, которыхъ хворь поѣла...

— Стоитъ вписывать и читать про всякую падаль! Брось, Феликсъ, записывать этотъ дрязгъ... Ты у меня веди счетъ только храброму войску!

Сдѣлавъ паузу, панъ Каменецкій покрутилъ оба уса и прибавилъ:

— Сколько рыцарей, да все молодыхъ и крѣпкихъ, теперь въ землю похоронилось! Да когда же ты, зубастая хворь, уйдешь отъ насъ? Когда тебя ангелы Божьи возьмутъ въ копья и пламенные мечи!? Бжесько, любимецъ, бѣги въ конюшню и вели отпустить глупаго нѣмца; все же онъ насъ лечитъ, а засѣкутъ, гдѣ тогда врача искать? Въ Краковъ намъ не дорога.

Бжесько бросился исполнять приказаніе, а шляхта зашушукалась о томъ, что Бжесько, который еще молокососъ, названъ любимцемъ.

— А что, Феликсъ, продолжалъ панъ Каменецкій, крутя усы,—много мужичья и жидовъ щиплетъ болѣзнь?

— Много, пане! Ховать въ землю не поспѣваютъ. Изъ Невяровскаго воеводства всѣ жители разбѣжались, а померло такъ много, что и сосчитать невозможно... По дорогѣ въ Варшаву всѣ ямы въ человѣчьихъ тѣлахъ...

— Такъ то, можетъ быть, ножевая потѣха накрошила?

— Нѣтъ, любимый панъ! Все отъ болѣзни нападало... Которые бѣжали, по дорогѣ ихъ захватывало и жизни лишало.

— Такъ и надо трусамъ! Собакѣ собачья смерть. А вотъ больно, дѣти, когда храбрые валятся, какъ пшеничный колосъ или гнилая черешня! Охъ, Владиславъ, Владиславъ! Нѣтъ у меня тебѣ замѣны! Нѣтъ и не будетъ!

Панъ дернулъ себя за оба уса и пошелъ въ зàмокъ, а шляхта опять тихонько заговорила между собой, что еще рано Бжесько праздновать фаворъ, что самъ панъ сказалъ: нѣтъ Владиславу замѣны!

— Уѣзжаю! Уѣзжаю! вопилъ на конюшнѣ нѣмецъ, надѣвая брюки и прикладываясь къ кружкѣ съ виномъ.—Скажи своему мерзкому пану, мерзкій хлопъ, что я вамъ больше не докторъ! Завтра

же уѣду домой и плюю на ваши разбойничьи края!

— Дурень ты, панъ докторъ! возражалъ съ улыбкой Бжесько. — Куда тебѣ ѣхать? Кто тебя отпуститъ? И гдѣ тебѣ, басурману, такъ будутъ хорошо платить, какъ у нашего могучаго пана?

— Подлый рабъ! отвѣчалъ гордо нѣмецъ, хмѣлѣя отъ крѣпкаго вина. — Никакимъ золотомъ не смоется оскорбленіе... Вы меня били плетьми!

Бжесько съ трудомъ понималъ польско-нѣмецкую рѣчь доктора, но, услыхавъ про плети, усмѣхнулся.

— Есть о чемъ толковать, панъ докторъ! Тебя всего разъ десять ударили и сейчасъ выпустили. А за Владислава, это тебѣ еще мало. Зачѣмъ не выпользовалъ, проклятый знахарь!

Но нѣмецъ все тянулъ свое: грозилъ пану Каменецкому, всей его сворѣ, дому, воеводству и цѣлой Польшѣ отъ Минска до Кракова и Лемберга. Бжесько подождалъ, пока врачъ допилъ кварту, и, взявъ его подъ мышки, увелъ въ хату. Тамъ нѣмца положили на его кровать, накрыли выдубленнымъ медвѣдемъ и, ради потѣхи, пустили подъ мѣховую шкуру большого ежа, которому связали ноги, чтобъ не уползъ. Но нѣмецъ, погрузившись въ пьяно-болѣзненный сонъ, ничего не слышалъ, только въ бреду онъ все еще продолжалъ грозить своимъ истязателямъ и ругалъ ихъ самыми отчаянными нѣмецкими ругательствами...

II.

Дня черезъ два въ за̀мкѣ пана Каменецкаго шли огромныя приготовленія: мели запущенный паркъ, чистили комнаты, вставляли разноцвѣтныя стекла въ итальянскихъ окнахъ—новинка тогдашняго времени—и заготовляли вина, меду, пива, припасовъ и всякихъ яствій. Панъ Каменецкій ждалъ въ гости пана Нечайко, мелкаго помѣщика, но ѣдущаго съ великимъ кладомъ — двадцатилѣтней дочкой Брониславой. Ихъ пріѣздъ не былъ простымъ: мелкій шляхтичъ везъ свое дитя въ жены пану Каменецкому, который вдовѣлъ уже седьмую зиму.

— Ендрусь! говорилъ панъ Каменецкій своему единственному сыну тринадцати лѣтъ, маленькому существу въ полтора аршина росту и съ большимъ горбомъ между узенькихъ плечъ. — Ендрусь, моя кровь! Беру я себѣ въ жены голую шляхтянку... ничего нѣтъ за нею, кромѣ ея русой косы и глазъ голубыхъ. Но я оторву эту косу и выколю ей прекрасные глаза, если она тебя обидитъ, мой несчастный первенецъ-сынъ!

Горбатый мальчикъ покачалъ головой отрицательно.

— Она меня не обидитъ, у меня есть ружье и борзой «Фольваркъ», сказалъ онъ. — Я ее тогда застрѣлю!

Глаза мальчика сверкнули, но тѣло было такъ жалко, весь его видъ такъ мало соотвѣтствовалъ

рѣчи, что застоналъ грузный панъ Каменецкій и рванулъ себя за длинные усы.

— Былинка моя! измѣнившимся голосомъ проговорилъ онъ. — Моя въ тебѣ душа, мое храброе сердце, а вотъ силы-то и нѣтъ! и нѣтъ! Охъ, дурень я былъ, не доглядѣлъ: сглазили моего сына, околдовали, горбъ ему бѣсовскимъ зельемъ вырастили... Ну, Ендрусь, ничего! Бодрись: выпишу я тебѣ, разыщу костоправа, и будешь ты у меня рыцаремъ!

Панъ обнялъ горбатаго сына и позвалъ старуху, которая ходила за мальчикомъ, а самъ пошелъ въ свои палаты и по дорогѣ роздалъ много пощечинъ служкамъ за то, что попадались въ лютую панскому сердцу минуту.

— Ѣдутъ, ѣдутъ гости! неслись уже со двора крики.—Го-го! Слава нашему пану! Ѣдетъ его дорогая люба! Слава паннѣ Брониславѣ, бѣлой красавицѣ и нашей будущей госпожѣ!

Весь штатъ пана Каменецкаго, разодѣтый въ золото и серебро, всѣ почетные гости и мелкая шляхта, да и самъ панъ Каменецкій, одѣтый въ красный жупанъ, высыпали на круглое крыльцо, куда подъѣхалъ экипажъ съ панной Брониславой и ея отцомъ Марьяномъ Нечайко, тонконосымъ полячкомъ съ хитрыми глазами, въ которыхъ, однако, гостилъ также испугъ и легкая печаль. Сама невѣста глядѣла покойнѣе, хотя заплаканныя щеки плохо скрывали пудра и бѣлила. Она была совсѣмъ

красавица: брови собольи, губы красныя и маленькія, глаза синіе и большіе, грудь высокая, плечи мраморныя. Панъ Каменецкій какъ увидалъ ее, сейчасъ же подскочилъ къ подножкѣ и вывелъ дѣвушку, разсыпаясь въ комплиментахъ, но очень своеобразныхъ.

— Присоха моя, паненка розовая! сказалъ онъ, алчно оглядывая ее всю.—Посмотрѣлъ я, и все позабылъ: этикетъ французскій, всѣхъ гостей моихъ и даже твоего старикашку-отца... Ну, входи же въ зàмокъ! Скоро онъ будетъ твой, и всѣ мои рабы, лижущіе мою шпору, будутъ лизать и твой хрусталь-башмачокъ! Музыканты, бейте же въ цимпалы и дудите въ трубы, ослѣпли вы, что ли, жидовское племя?

Грянула музыка, гаркнуло нѣсколько сотъ глотокъ привѣтствіе въ честь панны Брониславы, а она шла въ комнаты, какъ на висѣлицу, едва передвигая ноги и глядя уныло въ землю. Видно, на хуторѣ Нечайки нашлись усы лучше рыжихъ панскихъ, слышались рѣчи любовнѣе и пріятнѣе только что сказанныхъ.

— Хвала нашему пану! орала на дворѣ прислуга и воины изъ шайки пана Каменецкаго.

Тамъ уже всѣ успѣли и поѣсть, и наклюкаться старымъ медомъ.

А въ столовой залѣ, едва всѣ усѣлись за столъ, причемъ панъ Каменецкій посадилъ по правую сторону сына Ендруся, а по лѣвую панну Брони-

славу, въ тотъ же часъ всталъ домашній стихотворецъ и шутъ Ромейко; поклонившись, онъ прочелъ вирши въ честь невѣсты и жениха, котораго онъ съ самаго начала наименовалъ крѣпкимъ вѣтвистымъ грабомъ, а невѣсту—червонной калиной.

— Довольно! махнулъ рукой панъ Каменецкій.— Люди, уберите Ромейку на задній столъ и дайте ему баранины! Гости дорогіе, прошу ѣсть и пить, кто чего хочетъ! Да пейте больше за мое здоровье, за здоровье сына моего Андрея и за мою невѣсту!..

Опять раздались вопли, а музыка заиграла во всѣ свои хриплыя трубы и тонкія дудки.

— За здоровье жениха и невѣсты! возглашалъ то тотъ, то другой почетный гость, а ксендзъ сейчасъ же говорилъ какой нибудь подходящій латинскій текстъ и благословлялъ налитое вино.

— Завтра же будетъ свадьба моя! сообщилъ вдругъ захмѣлѣвшій панъ Каменецкій, глядя на невѣсту умильнымъ волкомъ.—Слышишь, Нечайка? Ксендже, приготовься! А ты, моя прозрачная панночка, не хмурься, гляди на меня веселѣе... Въ парчѣ ты у меня будешь и въ разныхъ дорогихъ каменьяхъ! Сто городовъ и селъ съ моими псами ограблю, а тебя наряжу, какъ королеву! Не рви отъ меня руку, ясная! Горю я возлѣ тебя, пташка!

Онъ не могъ владѣть собой и положилъ огромную руку на ея бѣлое плечо, притянулъ къ себѣ поближе, потомъ обхватилъ загорѣлыми пальцами

шею дѣвушки и поцѣловалъ прямо въ горячія губы.

— Браво, браво! крикнули гости. — Дай вамъ Боже кохаться во вѣки!

Долго тянулся панскій пиръ; вѣроятно, онъ былъ бы еще длиннѣе, но тутъ случилась бѣда. Сначала на дворѣ подрались ножами Капуцинскій и Бжесько, но это происшествіе кончилось пустяками и вызвало приказъ пана посадить обоихъ пьяницъ въ земляной погребъ, чтобы остыли въ прохладѣ. Но едва почетные гости—изъ которыхъ очень многіе уже едва шевелили языкомъ—успѣли забыть ссору слугъ и начали опрокидывать въ горло кубки, какъ вдругъ панна Бронислава запрокинулась на спинку бархатнаго кресла и застонала. Панъ Каменецкій былъ очень пьянъ, но удивился поведенію невѣсты.

— Слезы! нѣжно пробормоталъ онъ, тиская руку панны Брониславы.—Объ чемъ это? Скажи, скажи намъ всѣмъ...

Но отецъ панны Брониславы испугался и кинулся къ дочери.

— Что ты, что ты, Броня!? крикнулъ онъ.— Радость ты моя, что приключилось, что тебя перекинуло!?

Но панна Бронислава не отвѣчала. Она сдѣлалась блѣднѣе своихъ перламутровыхъ плечъ, ее кривило, а сквозь стиснутые зубы вырывался только больной стонъ.

— Захворала, захворала! стали шумѣть гости.

— Глядите, добрые люди, съ ней злая хворь... ее корчитъ, какъ ивовую вѣтку!

Панъ Каменецкій услыхалъ эти рѣчи и быстро отрезвѣлъ.

— Нѣмецъ!! громоподобнымъ ревомъ наполнилъ онъ столовую комнату.—Ученый лекарь, гдѣ онъ!? Ведите его сюда... да скорѣй, будьте вы всѣ трижды прокляты!

Нѣмца тащили и подгоняли въ пятьдесятъ кулаковъ. Онъ перевелъ духъ только возлѣ панны Брониславы, которую держалъ обѣими руками отецъ. Увидя доктора, панъ Каменецкій схватилъ его за воротникъ жупана и прохрипѣлъ:

— Видишь? Пользуй! Сто червонцевъ, если ничего не будетъ худого съ нею!

— Что съ ней, панъ-докторъ, скажи, если любишь Бога!? умолялъ нѣмца Нечайко.

— Болѣзнь... какъ и у всѣхъ... отвѣчалъ нѣмецъ, щупая руки и голову панны Брониславы.— Несите ее въ спальню... Вели, панъ, подать горячей воды и мою кубышку...

— Бѣгите же! завопилъ панъ Каменецкій на гостей и кого-то ударилъ въ спину. — Слушать нѣмца! Женщины, прислуга зàмковая, повиноваться доктору! А ее я самъ отнесу...

Онъ подхватилъ больную невѣсту и, тяжело ступая ногами, какъ огромный медвѣдь, потащилъ изъ столовой свою цѣнную ношу.

— Слава паннѣ Брониславѣ!! орала пьяная орда на дворѣ, ничего не подозрѣвая.—Да здравствуетъ нашъ могучій панъ!

— Замолчите, демонъ вамъ въ горло! зашипѣли на нихъ гости, высунувшись изъ оконъ.—Съ невѣстой бѣда: хворь ее взяла; нѣмецъ отхаживаетъ и за своими зельями служку нарядилъ... Молчите!

На дворѣ стало тихо. Даже мертвецки пьяный Бжесько пересталъ лопотать непонятныя рѣчи и затихъ подъ столомъ, куда онъ свалился на пьяное тѣло своего недавняго врага Капуцинскаго; оба они только десять минутъ просидѣли въ погребѣ и вышли оттуда, заплативъ писчику Феликсу по десяти мѣдныхъ грошей.

— Ну, нѣмецъ, ну, что же? Говори, что же? твердилъ хриплымъ шопотомъ панъ Каменецкій, стоя у кровати больной, гдѣ хлопоталъ докторъ и женская прислуга.

— Злая болѣзнь, панъ! Та же самая, отъ которой сгибъ вашъ Владиславъ и столько тысячъ народу.

— Не говори мнѣ этого, нѣмецкая обезьяна! Смотри, не другое ли что? Не вино ли панночку свалило?

— Смотрите сами, панъ: лицо ужъ чернѣетъ, руки въ кулакѣ, и не разжать эти кулаки никакими клещами... Божья власть...

— Нѣмецъ! Я кожу съ тебя сдеру и утоплю тебя въ поганой лужѣ! Спаси ее, проклятый! Не

ее вылечишь, себя отходишь, антихристовъ предтеча!!

— Ваша воля, панъ... лепеталъ перепуганный докторъ.—Не въ силахъ я... Богъ это бьетъ своимъ ужаснымъ бичомъ... Съ Богомъ нельзя говорить, нельзя спорить...

— Пробуй всѣ свои заморскія средства, песъ! Спасай чѣмъ хочешь и знаешь! Еще она жива! жива!

— Съ помощью Бога... если только Онъ соизволитъ... бормоталъ нѣмецъ.—Я все ужъ перепробовалъ... Тяжелъ злой бичъ...

— Лечи, змѣя, или я расколю твою голову объ стѣны замка!

Прошло нѣсколько времени — томительнаго для всѣхъ. Панъ Каменецкій не спускалъ глазъ съ панны Брониславы и съ ужасомъ видѣлъ, какъ измѣнялось ея прекрасное лицо. Нѣмецъ поилъ больную до тѣхъ поръ, пока пульсъ ея пересталъ биться.

— Конецъ! тихо шепнулъ онъ и отнялъ пузырекъ.

Панъ его услышалъ. Онъ вдругъ нагнулся къ паннѣ Брониславѣ и припалъ лицомъ къ ея груди. А еще черезъ минуту на голову нѣмца опустился огромный кулакъ пана. Нѣмецъ взвизгнулъ и повалился навзничь; кровь такъ и брызнула изъ его проломленной головы...

III.

— Вонъ отсюда! Прочь съ глазъ моихъ, праздная сволочь! Маршъ по хуторамъ или хоть къ чорту въ адъ, мнѣ все равно!

Такъ кричалъ на своихъ гостей панъ Каменецкій, возвращаясь съ похоронъ панны Брониславы. Но, увидя покрытые столы, онъ перемѣнилъ приказъ:

— Назадъ! Садитесь всѣ и правьте тризну! Поминайте мою прилуку, мою ясочку... А послѣ — въ одну секунду, чтобы васъ всѣхъ не было... И чтобы тебя, стараго пса, не было! обрушился грозный панъ на отца покойной. — Ненавистенъ ты мнѣ! Не могъ, проклятый, доглядѣть за дочкой: по дорогѣ ее, можетъ быть, оговорили и лихо напустили мои вороги! Не гляди же на меня гончей собакой, не дожидайся милости! Не вижу я въ твоей гнусной рожѣ лика свѣтлаго моей бѣлой панночки, моей потѣхи, и голубыхъ глазъ! Отворотись, гадина.

— Милостивый панъ! пропищалъ отецъ панны Брониславы. — Бойся Бога! Что я тутъ могъ сдѣлать? Господь попустилъ бѣду... Развѣ мнѣ-то легко потерять свое единственное дитя?

— Такъ ты хочешь, чтобы я съ тобой расправился по-свойски? Изволь! Собаки, зажмите ему глотку пощечиной!

Всѣ даже ахнуть не успѣли, какъ съ одной

стороны Бжесько, а съ другой Капуцинскій закатили въ лицо Нечайки двѣ здоровеннѣйшія оплеухи. Тощій панъ Нечайко опрокинулся на полъ, а когда всталъ, то выплюнулъ цѣлый потокъ крови. Онъ былъ бѣлъ, какъ глина, и дрожалъ.

— Разбойникъ! завизжалъ онъ.—Гайдамакъ! Это тебѣ не пройдетъ даромъ, мучитель! Я къ королю поѣду, я дворянинъ и рыцарь, а ты грабитель въ своемъ воровскомъ замкѣ! Проклятый! За твои дѣла на тебя судьба возстала! Тебя Богъ караетъ! Ты хотѣлъ мою дочь силой въ жены взять, а Господь на тебя злую болѣзнь наслалъ! И самъ ты подохнешь, подохнешь...

Ему не дали кончить. Разсвирѣпѣвшій панъ Каменецкій не могъ говорить отъ гнѣва и только рукой подалъ знакъ. Нечайку схватили и унесли, награждая пинками ногъ и кулаковъ.

— Вотъ кто мой погубитель! наконецъ могъ вымолвить разбѣсившійся панъ.—Это Нечайко извелъ дочь, чтобы мнѣ не доставалась! Ну, и я отдарю предателя по-злодѣйски! Гдѣ писчикъ Феликсъ? Пусть впишетъ въ ленту, что умеръ отъ злой хвори шляхтичъ Нечайко... А вы, хлопцы, киньте его, да не въ могилу, а прямо въ яръ, въ бучило, въ оврагъ съ водой и тиной... Гдѣ же Феликсъ?

Выступилъ Бжесько и еще одинъ приземистый полякъ.

— Ясный панъ! услышали гости.—Злая бо-

лѣзнь свалила вашего писчика Феликса. И много другихъ ужъ зарыты въ землю: скотникъ Понуръ, дворецкій Янъ, два шляхтича Пшесиньскій и Рудзько, старый панъ Игнатій Первобяльскій, семь лакеевъ и до тридцати изъ мелкихъ гостей, что ѣли черешни и пили пиво на кухонномъ дворѣ. А про женскій полъ, какъ ты, ясный панъ, повелѣлъ, не вписывали, а умерло достаточно.

— И это въ два дня! шептались гости.—Горе намъ! Панъ Іисусъ, пани Матерь, помилуй насъ!

— Такъ теперь Юлій Бирскій писчикомъ? спросилъ хмуро и послѣ паузы панъ Каменецкій.— Добро! Пиши же, хлопецъ, что я приказалъ...

Писчикъ Бирскій стоялъ и хлопалъ глазами.

— Про собаку-Нечайку! подсказалъ ему Бжесько, сверкая глазами и пьянымъ краснымъ лицомъ.— Что издохъ онъ отъ лютой хворьбы... Слышишь, Бирскій?

Но тотъ, къ кому обращался и панъ, и неистовый холопъ, вдругъ ухватился за сердце, застоналъ и грянулся ничкомъ на полъ.

— Тошно! Тошно! услыхали среди его стоновъ.

— Божій бичъ! шептали и крестились въ то же время гости.—Богъ наказываетъ и насылаетъ проклятую смерть...

— Такъ нѣтъ же, нѣтъ!! возвысилъ голосъ панъ Каменецкій. — Не Божья здѣсь чуется власть, а злой глазъ и лихой умыселъ! Бжесько, вели тащить къ нѣмцу Бирскаго, а съ Нечайкой дѣлать

то, что я сказалъ. И пусть хоть самъ чортъ прійдетъ ко мнѣ, а я отомщу погубителю моей невѣсты! А вы чего носы повѣсили? Эта болѣзнь только трусовъ ѣстъ! Трусовъ, да бабъ! Не боюсь я ея, плюю на нее! Пусть то Божій бичъ! А я сильнѣе... Не покорюсь!

— Отпусти Нечайку, хоромъ отвѣтили гости.— Нельзя дворянина убить, какъ казака или подлаго холопа!

— Не отпущу! Да ужъ и поздно вамъ ныть: Нечайку, сдается, давно загрызли мои вѣрные псы... Что, Бжесько? Справили дѣло?

— Померъ Нечайко... отвѣчалъ, ухмыляясь, Бжесько.—Такая вдругъ, честный панъ, хвороба его взяла, что просто и не видано! Посмотрѣлъ на него нашъ нѣмецкій знахарь и говоритъ: зарывайте въ землю.

— Ага! Видно, съ болѣзнью-то не поговоришь, какъ съ человѣкомъ! сказалъ панъ Каменецкій.— Видно, Богъ знаетъ, кого за наговоръ и присуху смертью наказать... Музыканты! Играйте свою жидовскую музыку! Пусть были похороны! Все равно! У меня теперь другія мысли... да и плохо, если храбрый рыцарь забудетъ все изъ-за красивой бабы! Играйте за мое здоровье и за здоровье моего единственнаго сына Андрея... Гдѣ Ендрусь?

Мальчика не было. Онъ, по обыкновенію, уходилъ въ верхній этажъ и тамъ игралъ съ нянькой въ свои воинственныя игрушки.

— Послать за Ендрусемъ! распорядился панъ Каменецкій.

Два мелкихъ штяхтича побѣжали и скоро воротились.

— Пане! робко сказали они.— А вѣдь съ твоимъ сыномъ что-то нехорошо... Лежитъ хлопчикъ и пить все проситъ. Няньки его поятъ свѣжей водой, а онъ проситъ, чтобы еще была похолоднѣе...

Съ громомъ сорвался съ своего мѣста панъ Каменецкій и побѣжалъ черезъ всѣ комнаты, ухвативъ себя уже не за усы, а за рыжій чубъ и чуть не выдравъ его изъ головы своей. Войдя къ сыну, онъ увидалъ, что женщины ахаютъ и суетятся, а его Андрей лежитъ навзничь и тяжело дышетъ.

— А нѣмецъ гдѣ? задавленнымъ голосомъ спросилъ у няньки панъ Каменецкій и ударилъ старуху кованымъ сапогомъ.

Нянька только охнула и выкатилась изъ спальни горошкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ привели нѣмца.

— Видишь? указалъ ему на сына панъ и больше ничего не прибавилъ, но одно это слово было краснорѣчивѣе цѣлаго монолога.

Нѣмецъ, у котораго отъ безпутной жизни, преклонныхъ лѣтъ и недавней раны совсѣмъ мутилась голова, съ ужасомъ возрился на мальчика.

— Она! сказалъ онъ.—Та же хворь окаянная...

— Лечи, проревѣлъ глухо панъ Каменецкій и умолкъ.

Между тѣмъ, гости ждали за столомъ и не понимали, какъ лучше сдѣлать: уѣхать во-свояси или ждать хозяина. Часа два пришлось ждать гостямъ; впрочемъ, питья и кушаньевъ было вволю, и всѣ пили и ѣли, стараясь хоть этимъ возмѣстить ужасы печальнаго времени.

А панъ Каменецкій ушелъ въ комнату, гдѣ висѣли образа, и сталъ молиться.

— Боже! въ глубинѣ души завопилъ онъ. — Великій и сильный Господи! Неужели Ты возьмешь моего хлопца? Ну, на что онъ тебѣ? Мальчикъ малъ и горбатъ, и грѣшное еще его не касалось: ни пьянство, ни женскій соблазнъ, ни зависть, ни предательство! За что же его берешь? Вѣдь я только для сына живу, могучій Богъ! О, панъ Богъ! Ужъ Тобою обиженъ Андрей, обдѣлилъ Ты его видомъ, безвинно далъ ему горбъ и карличій ростъ... Такъ хоть жизнь возврати моему вороненку... Пусть мнѣ будетъ лихо! Пусть я лишусь и славы моей, и силы, и королевскихъ милостей, и этого зàмка, но оставь Ты, Боже, меня съ моимъ сыномъ! Ахъ, вѣрь же мнѣ, вѣрь: дамъ я въ костелъ много новыхъ и дорогихъ ризъ, отслужу сто обѣденъ, повѣшу сколько хочешь жидовъ и порублю много кацаповъ! И самъ я сожмусь: прощу ворогамъ обиды и долги, отрину отъ себя распутство и пьянство! Буду я помнить Тебя, панъ Богъ, буду Тебѣ молиться, кланяться, лбомъ въ землю стучать до раны съ кровью, только

спаси отъ злой хвори моего горбунца, моего любимца и отрады единой!!

Между тѣмъ, гости успѣли напиться и ужъ начинали бушевать. Раздавались воинственные крики, пѣсни; отъ каламбуровъ рыцарей женщины зажимали уши, хотя многія изъ паннъ сами еле ворочали языкомъ и липли къ нравящимся мужчинамъ. Нѣкоторые изъ гостей пробовали проникнуть наверхъ, чтобы узнать, какъ идутъ тамъ дѣла, но поцѣловались съ кулакомъ Бжесько и другихъ холоповъ. Мало того, двери оказались запертыми. Слуги объяснили это тѣмъ, что панъ еще, можетъ быть, придетъ выпить чару вина, такъ чтобъ не было ему скучно безъ гостей. Тогда гости отъ нечего дѣлать продолжали пить и ѣсть и скоро всѣ сдѣлались безобразно-пьяны и безцеремонны. Чтобы не глядѣть на явный соблазнъ, ксендзъ, выпившій тоже порядкомъ, юркнулъ подъ столъ, чтобы заснуть хоть тамъ, но наткнулся на тѣла другихъ кандидатовъ. Скоро пѣсни и хохотъ сдѣлались такъ громки, что не сразу услыхали оранье и проклятія Бжесько.

— Панъ идетъ! кричалъ онъ.—Тише, дьяволы! Зачините ваши рты!

— А, что? Панъ идетъ? спрашивали пьяные гости.—Браво хозяину! Браво пану Каменецкому!

— Тише, тише!! останавливали слуги. — Не орите, а не то худо вамъ будетъ, подлымъ пьяницамъ!

Дверь широко распахнулась, и въ комнату медленно вошелъ высокій панъ Каменецкій. Онъ держалъ на могучихъ рукахъ крохотное тѣло съ посинѣвшимъ и худымъ лицомъ. Это былъ Ендрусь, но не живой, а быстро убитый общей ужасной, мало вѣдомой даже тогдашнимъ лекарямъ болѣзнью. Лицо пана Каменецкаго было тоже синее и безумное. Онъ вошелъ—и стало въ гнусной залѣ тише, чѣмъ въ пустынной левадѣ или въ костелѣ ночью. Долго молчалъ панъ и безумными глазами глядѣлъ на мертваго сына.

— Вы видите? наконецъ проговорилъ онъ. — Онъ умеръ, мой Ендрусь... И не встанетъ! И не улыбнется! И не дернетъ, играючись, отца за усы! И не скажетъ отцу: добрый день! И не дыхнетъ! Сынокъ, сынокъ! Не родился ты сильнымъ и ражимъ, горбъ у тебя сѣлъ въ плечахъ, руки были что сѣрныя спичечки, ноги шагали не быстрѣе молодого когута,—но ты былъ мой единственный сынъ и наслѣдникъ! Я бы тебя выростилъ! Я бы свелъ твой срамный горбъ! Я бы отходилъ тебя, выучилъ рубить мечомъ, стрѣлять изъ мушкета, командовать войскомъ, женилъ на первѣйшей красавицѣ для твоей утѣхи, я бы для тебя выжегъ весь Волынскій край, чтобы только добыть тебѣ золота и помѣстьевъ! Сынокъ! Слышишь ли ты своего проклятаго отца? Нѣтъ: онъ не дышетъ... Дьяволы!! Напасти всего свѣта!! Нечистая сила ада!! Слетайтесь теперь — и берите меня всего, и

дѣлайте со мной, что хотите! Божій бичъ, поразившій моихъ дорогихъ и безцѣнныхъ, гдѣ же ты? Налетай! Бей меня въ самое сердце, въ душу, въ мою боль и слезы! Я хочу тебя и зову! Но ты, злой бичъ, глухъ... Ты меня милуешь и щадишь, словно я тебя о томъ умоляю! Такъ будь же ты, вѣдьма-болѣзнь, проклята мною навѣки! И будь ты, болѣзнь лютая, нѣчто живое, видимое, я бы тебя, убійцу сына моего, нашелъ и разорвалъ на куски своими руками: вырвалъ волосы, вытянулъ языкъ, выткнулъ оба красные глаза, расцарапалъ въ кровь, сталъ бы терзать, грызть, мучить, топтать, издѣваться... И никто не спасъ бы тебя, злое нѣчто! Самъ Богъ не отнялъ бы тебя изъ моихъ лапъ! Да, могучій панъ-Богъ, я теперь противъ Тебя! Не будетъ на моихъ устахъ молитва, будетъ богохульство! А захочешь поразить меня своимъ бичомъ—рази! Я встрѣчу Твой бичъ! Я распахну жупанъ, открою грудь, выставлю сердце: бей, бей!!

Панъ Каменецкій побагровѣлъ отъ натуги и вдругъ, сорвавшись на высокой и могучей нотѣ крика, шатнулся изъ стороны въ сторону и упалъ на столъ съ обѣденными кушаньями, упалъ внизъ головой, вмѣстѣ съ трупомъ крѣпко прижатаго къ груди сына.

ПЫТКА.

(Впечатлѣнія подсудимаго).

...Вошелъ я въ залу и вижу: длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ позументомъ, за столомъ—трое судей и прокуроръ въ мундирахъ съ золотомъ. Немного пониже—два ряда стульевъ съ присяжными засѣдателями. Сбоку еще двое засѣдателей, запасныхъ, еще ниже секретарь суда. Налѣво отъ меня, внизу—рѣшетка, за рѣшеткой—публика. И сколько ее набралось, просто удивительно! Глаза, глаза, лица, усы, бороды, бинокли, женскія шляпки... Неужто ради моего дѣла съѣхалось столько народу? Полагать надо, что такъ.

Сначала мнѣ стало и жутко, и стыдно, и горько. За сердце задѣло. Привели, какъ вора, подъ конвоемъ, въ сѣромъ халатѣ и посадили на позорную скамью! Сколько разъ представлялъ я себя въ тюрьмѣ въ эту минуту, готовился къ ней, и все-таки она меня по ногамъ такъ и ударила. Задрожалъ я, сѣлъ. Въ глазахъ затуманило. Я даже вопроса предсѣда-

теля не услыхалъ. Опомнился только тогда, какъ секретарь мнѣ воды въ стаканѣ принесъ и сказалъ:

— Выпейте...

Я отвелъ его рукой. Ни пища, ни питье не шли въ горло.

— Подсудимый, можете вы отвѣчать на вопросы? раздался громкій голосъ сверху.

— Могу...

Въ самомъ дѣлѣ, собрался я съ духомъ. Думаю себѣ: пусть стыдно, пусть гнусно, а я вѣдь на великій судъ пришелъ! Авось, Богъ поможетъ, и справедливые люди меня оправдаютъ. И сказалъ, что могу отвѣчать. Душу мнѣ вдругъ на хорошее настроило. Торжественнымъ чѣмъ-то пахнуло, святымъ, правымъ. Такъ вотъ слезы въ горлѣ и защекотали. Правое мое дѣло, не виноватъ, а запутанъ я! Держись же, бѣдный Иванъ Власовъ, судьи тебя разспросятъ, выслушаютъ, присяжные засѣдатели изъ бѣды выручатъ. Неужто въ такомъ святомъ мѣстѣ, какъ гласный судъ, невинный погибнетъ? Не вѣрю, хоть и смущаютъ злыя мысли. Разумъ про осторожность напоминаетъ, необходимость плана защиты предписываетъ, а сердце плачетъ, горько-блаженнымъ трепетомъ бьется, и хочется тутъ, на судѣ, разрыдаться и сразу все сказать: такъ и такъ, вотъ вся суть дѣла моего, я невиноватъ, Богъ тому свидѣтель, дѣтьми своими, двумя дѣвочками-сиротками, клянусь, вотъ почему

я приведенъ сюда, вотъ главный секретъ уголовнаго дѣла, вѣрьте, господа судьи, господа присяжные засѣдатели! Видите вы меня, возьмите же меня, грудь мнѣ разрѣжьте, сердце и душу разглядите— чисты они и полны къ вамъ довѣрія и любви...

И я сталъ отвѣчать дрожащимъ голосомъ, но съ свѣтлымъ лицомъ. И точно я былъ въ церкви, и спрашивали меня духовники, а слушалъ самъ Господь. Такъ показалось мнѣ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Иванъ Петровичъ Власовъ.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— 42 года.

— Чей вы сынъ?

Свѣтъ съ моего лица вдругъ схлынулъ. Тѣнь на него набѣжала. Я потупился и замолчалъ. Предсѣдатель повторилъ свой вопросъ.

И тутъ я въ первый разъ почувствовалъ публику не какъ слушателя-Бога, а какъ толпу праздныхъ и любопытныхъ людей. Припомнилъ я, что тамъ, въ этой самой толпѣ, десятки моихъ знакомыхъ, друзей и враговъ, и всѣ меня слушаютъ, подмѣчаютъ, видятъ. Гдѣ ты, моя церковь, пріютъ правды, уголокъ для исповѣди? Ужъ мнѣ стыдно, а то ли еще придется разсказать...

— Да, что съ вами, вы опять чувствуете себя дурно? слышенъ голосъ предсѣдателя. — Если вы больны, то я отложу разборъ вашего дѣла.

— Нѣтъ... я не боленъ.

— Тогда потрудитесь отвѣчать на вопросы. — Чей вы сынъ?

— Въ моихъ документахъ сказано...

— Г. секретарь, потрудитесь прочесть.

— Изъ документовъ видно, раздается скрипучій теноръ снизу,—что подсудимый Иванъ Власовъ— воспитанникъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома.

Въ публикѣ сдержанный говоръ. Ухо мое насторожено: оно его улавливаетъ, чуетъ. Никто не зналъ этой моей, тяжелой для меня, тайны. И вотъ она вылѣзла наружу. А еще сколько впереди признаній! Охъ, вѣра моя въ правду, отчего же ты теперь не поддержала меня? Что за нужда, что мое происхожденіе досконально въ гласномъ судѣ обнаружено, лишь бы имя честное спаслось! Только неужто эти самыя подробности необходимы даже при такомъ положеніи подсудимыхъ, какъ мое? Какъ, однако, меня ушибло. Сижу весь холодный, въ поту. Господи Іисусе Христе! Да вѣдь и дочки мои съ нянькой здѣсь! И онѣ слышали!! Охъ, несчастье!! А, впрочемъ, малы еще дѣвочки-то... Экій я глупый человѣкъ, развѣ-жъ десятилѣтнія крошки поймутъ? Слава тебѣ Господи, немножко пополегчало. А знакомые, друзья, вороги? Э, да Богъ съ ними! Пусть ихъ... Я ужъ скрѣпился. Опять моя церковь со мной и я въ ней. Опять меня Господь и судитъ, и слушаетъ. И отвѣчаю я на вопросъ о моихъ занятіяхъ:

— Занимался я службой въ фабричной конторѣ торговаго дома Гиллертъ и К°.

— Вы были управляющимъ конторы?

— Да-съ.

— Сколько получали жалованья?

— 1,500 рублей въ годъ и квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

— Признаете вы себя виновнымъ въ преступленіи?

— Клянусь Господомъ Богомъ, моими дѣтуш...

— Подсудимый, удержитесь пока отъ изліяній и говорите короче: да, или нѣтъ, признаете себя виновнымъ или не признаете?

— Нѣтъ... не признаю...

Опять ударило. Слабѣе, но ударило. Оборвалъ меня предсѣдатель, а у меня сердце оборвалось. Господи, помоги выдержать! Ну, да авось я приду въ себя, поуспокоюсь, ровнѣе отвѣты поведу. Надо помнить ежеминутно, что для ребятокъ моихъ я долженъ спастись даже отъ легкаго наказанія. Посадятъ меня въ тюрьму, кто накормитъ двухъ сиротъ? И какое мѣсто найду я потомъ, ежели репутація моя будетъ въ этакой грязи? Утихъ я сердцемъ, сижу, отвѣчаю. Но тутъ скоро меня посадили и пока за свидѣтелей взялись. Къ присягѣ сначала привели, убѣждали говорить правду именемъ Божіимъ и грозили за ложь Сибирью. И странно мнѣ это было послушать. Нужно ли, умѣстно ли послѣднее, ежели помянуто первое? Этакъ съ пол-

часика побылъ я безъ разспросовъ, пріободрился, поогляд ѣлся, свидѣтелей — все мнѣ очень коротко знакомыхъ—разсмотрѣлъ и выслушалъ, и на присяжныхъ покосился, только вотъ на судей неловко еще было прямо взглянуть, да на публику не повертывалъ я головы, чтобы не увидѣть моихъ дѣвочекъ...

Разные сошлись по моему дѣлу свидѣтели. И фабричные, и конторщики, и хозяинъ, и кредиторы, и прислуга, и пайщики... Большинство держало себя серьезно и молчаливо. Кое-кто изъ бѣдныхъ, въ особенности фабричные, уже получившіе разсчетъ и вызванные въ судъ изъ деревень,—всѣ они заявляли о томъ, чтобы имъ прогоны выдали. Одинъ такой свидѣтель Мартынъ Конопатовъ, выйдя на середину залы и поклонившись въ поясъ, робко сказалъ:

— Ваше превосходительство, верните мнѣ мои убытки.

— Какіе убытки? спросилъ голосъ сверху. — Здѣсь ни убытковъ, ни прибыли не выдаютъ, а разрѣшаютъ только суточныя, да прогонныя.

— Убытки, ваше превосходительство... потому, какъ мы въ дорогѣ...

— Я вамъ сказалъ, убытки — не наше дѣло. Прогоны—заплатимъ, Садитесь.

— И бабѣ моей, ваше превосходительство...

— То есть что вы подразумѣваете подъ словомъ «баба»? Если свою жену, то да, и ей выдадутъ.

Этотъ разговоръ предсѣдателя со свидѣтелемъ прошелъ незамѣтенъ. А меня опять имъ толкнуло. Что это такое? Неужто насмѣшка? Не можетъ быть, не допускаю, не смѣю допустить...

— Подсудимый, говоритъ предсѣдатель: — что-жъ вы все помалчиваете? Если хотите, спрашивайте свидѣтелей. Судъ даетъ вамъ это право, тѣмъ болѣе потому, что у васъ нѣтъ защитника. Вы слышали, что сказалъ про васъ свидѣтель Молотиловъ?

Признаться, я не слыхалъ ни слова. Все думы мои горестныя мѣшали.

— Я... не разслышалъ... запинаясь, бормочу я.

— Вы, можетъ быть, глухи? Тогда я могу говорить съ вами посредствомъ трубы.

— Я не глухъ... (Охъ, ударило!)

— Свидѣтель Корсиковъ и свидѣтель Молотиловъ подъ присягой показали, что вы носили конторскія книги изъ конторы въ свои комнаты и ужъ тамъ, на свободѣ, подсчитывали итоги прихода и расхода. Правда ли это?

— Нѣтъ... то есть, да... Я книги пряталъ у себя, но итоги подсчитывалъ всегда въ конторѣ.

— Но вы не имѣли права уносить книги на свою квартиру, не правда ли? Зачѣмъ же вы это дѣлали?

— Боялся, чтобы книги изъ конторы не украли.

— Могли класть ихъ въ желѣзную кассу.

Товарищъ прокурора попросилъ разрѣшенія у предсѣдателя и спросилъ у Молотилова:

— Скажите, свидѣтель, вѣренъ ли слухъ, что подсудимый не только уносилъ конторскія книги къ себѣ, но даже забиралъ ихъ на квартиру Нецвѣтаевой, съ которой онъ, какъ показала свидѣтельница Федорова, находился въ интимныхъ отношеніяхъ?

— Не знаю-съ. Говорятъ. Толки и я слышалъ, будто бы господинъ Власовъ съ госпожей Нецвѣтаевой очень коротко знакомъ. А про книги я ничего не могу сказать вѣрнаго...

Забилось опять мое сердце, заныло, а гнѣвъ вогналъ въ краску. Еще оскорбленіе, и даже незаслуженное.

— Это сплетня, возвысилъ я голосъ.—Нецвѣтаева женщина честная; я клянусь, что я не носилъ къ ней книгъ изъ конторы, клянусь, что отношенія наши были самыя чистыя...

— Подсудимый, давайте факты, доказывайте, но не клянитесь. Это лишнее. Опровергайте, если можете.

— Опровергать? Доказывать? А чѣмъ доказано это самое свидѣтельское показаніе? Гдѣ у него факты, господинъ предсѣдатель? Я могу твердо заявить...

— Позвольте-съ. Это, кажется, рѣчь? Не время еще. Ваше слово будетъ потомъ. Впрочемъ, вмѣсто горячности проявите внимательность. Свидѣтель передаетъ о васъ слухи, а не факты.

— Слухи ложные, я клянусь въ этомъ...

— Какой вы охотникъ клясться! Но будетъ,

достаточно. Господинъ приставъ, введите свидѣтеля Обуховскаго.

Ахъ, горе мое! Опять я съ облаковъ падаю, снова чувствую ударъ по самому болящему мѣсту души... Миръ сердечный отлетѣлъ, и я озлобился, раздражился. Началъ я тутъ къ свидѣтелямъ придираться, вопрошать ихъ, сбивалъ даже, помнится, нѣкоторыхъ. Но очень скоро подобное занятіе опротивѣло. И поглядѣлъ я тогда пристально вверхъ, туда, въ юридическій алтарь, откуда долеталъ до меня холодный и словно насмѣшливый голосъ.

Посрединѣ сидѣлъ предсѣдатель, такъ, плюгавый и маленькій—это сразу было видно—человѣчекъ съ краснымъ, какъ печеное яблоко, лицомъ, съ краснымъ въ волдыряхъ носомъ, бритый и съ очень проницательными черными глазами. Говорилъ онъ громко, и такъ отчетливо, сидѣлъ растегнувшись и часто поводилъ плечами, ежели кто его раздражалъ. Мастеръ былъ онъ выражаться. Въ каждой фразѣ что нибудь тонкое пряталъ. Задастъ вопросъ—и сразу видно, что проще и яснѣе не спросишь. Но выходитъ у предсѣдателя все какъ-то сухо, не по-душевному, точно врагъ тебя въ допросъ поставилъ, а не человѣкъ безпристрастный. Тяжело мнѣ сдѣлалось, но тутъ же я оговорку себѣ сказалъ: полно, братъ, можетъ быть этакія мысли—крупная ошибка съ твоей стороны! Оговорился, а чувствую, что гляжу на предсѣдателя не попрежнему, а съ критикой. И все онъ

ерзаетъ по стулу, вертится, плечами шевелитъ, носомъ краснымъ какъ-то особенно нюхаетъ... Нехорошо, непріятно смотрѣть.

Членъ суда съ правой стороны—унылая блѣднолицая фигура съ совершенно равнодушными, сонными глазами. У него точно мертвая голова на плечахъ. Молчитъ, не шевелится, волосы прилизаны. Не то живой человѣкъ, не то изъ воску. Поглядѣлъ на него и отчего-то о лягушкахъ вспомнилъ.

За то налѣво—третій мой судья, сѣдой старикъ съ бакенбардами, этотъ былъ совсѣмъ по другому и скроенъ, и сшитъ. Признаться, онъ мало слушалъ ходъ дѣла, у меня даже мелькала мысль, что онъ совсѣмъ не понимаетъ, умышленно не слѣдитъ за процессомъ, что онъ—человѣкъ очень праздный и нескучающій только за винтомъ. Этотъ членъ суда или разсматривалъ публику, или устремлялъ свои взгляды на свидѣтеля: тутъ стеклышко изъ глазу вдругъ у него падало на колѣни, онъ бралъ его, протиралъ платкомъ и въ одну секунду, съ ловкостью отъ долгой практики, съ этакой гримасой, вставлялъ опять въ глазъ.

Товарищъ прокурора мнѣ почему-то показался очень неинтереснымъ. Я даже его не боялся. Онъ высматривалъ очень молодо. Съ бородкой, въ очкахъ, говоритъ баритономъ, ногти длинные, мундиръ новенькій и растегнутъ, на жилетѣ цѣпочка съ брелоками, и этакое снѣжно-бѣлое бѣлье. Говоря,

онъ растягивалъ слова и какъ-то придыхалъ. Въ выраженіяхъ искалъ фразы пофигурнѣе. Вообще, до предсѣдателя въ этомъ отношеніи ему было далеко, но все же спрашивалъ съ пользой для себя. И часто своими разспросами угнеталъ онъ меня, мучилъ, пыталъ, какъ въ показаніи о г-жѣ Нецвѣтаевой. А то вдругъ за моихъ дочекъ взялся.

— Скажите, свидѣтельница, спрашиваетъ онъ мою кухарку: — подсудимый не обращался ли жестоко съ своими дѣтьми?

— Чего-съ?

— Не билъ онъ дѣтей, не бранилъ ихъ?

— Это Настеньку-то съ Катенькой?

— Ну, да, своихъ дочерей.

— Совсѣмъ, ваше благородіе, напротивъ, оченно они ихъ любили и не токма бить, слова дурного не сказывали...

— Такъ. А гдѣ учились дѣти подсудимаго?

— Въ училищѣ, господинъ.

— Въ простомъ городскомъ училищѣ или въ гимназіи?

— А ужъ этого я не могу доподлинно... У самихъ, ваше благородіе, спросите...

Я не понимаю, куда гнетъ обвинитель и, вставъ, говорю:

— Дѣти мои, господа судьи, учатся въ пансіонѣ госпожи Семеновой, платилъ я за нихъ по сто рублей въ годъ за каждую.

— Такъ-съ. Скажите, свидѣтельница, хорошо ли

онѣ, эти дѣвочки, были одѣты, вообще, были ли онѣ предметомъ отцовской заботливости, или, напротивъ, оказывались въ забросѣ, хотя бы отецъ и любилъ ихъ? Вы поняли меня, свидѣтельница?

— Такъ точно-съ, съ недоумѣніемъ отвѣчаетъ кухарка.—Поняли. Какъ одѣмшись были? Завсегда какъ слѣдуетъ. Да вонъ онѣ, сердешныя, тутотка, въ энтой комнатѣ. Можно ихъ оглядѣть, ежели...

— Позвольте. Отвѣчайте на вопросъ: хорошо одѣвались дѣти, хорошо за ними ухаживали или нѣтъ?

— Такъ ухаживали, что лучше не надо. Харчи тоже были добрые. Оно, конечно, разносоловъ, господинъ, не было...

— Довольно, садитесь, говоритъ предсѣдатель.

Между тѣмъ, въ публикѣ шопотъ. Это про моихъ дѣтей. Слезы у меня въ глаза запросились, горько мнѣ стало. Но вижу прокуроръ губы кусаетъ, недоволенъ. А мнѣ все невдомекъ. Чего ему надо? Но вотъ вызвана г-жа Нецвѣтаева. Обвинитель такъ въ нее и вцѣпился.

— Давно вы знаете подсудимаго?

— Лѣтъ пять.

— Какого вы мнѣнія о немъ?

— Я васъ плохо понимаю...

— Хорошій человѣкъ подсудимый?

— Да, по-моему хорошій.

— Такъ, такъ. Я зналъ, что вы это скажете. Но мнѣ вотъ что любопытно знать, свидѣтельница,

нѣтъ ли у васъ на подсудимаго какихъ нибудь векселей? Вы можете не отвѣтить на этотъ вопросъ, если хотите. Предупреждаю.

— Мнѣ нечего утаивать. Никакихъ векселей на подсудимаго у меня нѣтъ.

— Гм. Теперь относительно настоящаго дѣла. Извѣстно, что подсудимый бывалъ у васъ часто въ гостяхъ, даже ночевалъ въ вашей квартирѣ. Скажите, приносилъ онъ туда конторскія книги?

— Не помню такого случая.

— То есть, можетъ быть, приносилъ, можетъ быть—нѣтъ. Такъ?

— Совсѣмъ не въ томъ я смыслѣ сказала. Подсудимый никогда не приносилъ ко мнѣ на квартиру конторскихъ книгъ.

— Гм. А бывалъ часто?

— Часто.

— Очень часто?

— Да... это тоже относится къ дѣлу?

— Несомнѣнно, свидѣтельница! ехидно отвѣчаетъ прокуроръ и говоритъ предсѣдателю. — Больше я ничего не имѣю предложить...

Я началъ понимать. Госпожу Нецвѣтаеву считали моей любовницей, на которую мнѣ, можетъ быть, приходилось сильно тратиться. Поэтому могло выйти такъ, что я и дѣтей забросилъ, и содержу ихъ плохо, и не одѣваю, не кормлю, всѣ денежки на Нецвѣтаеву ухлопываю и даже, въ обезпеченіе, векселя ей выдалъ! Вотъ куда гнули-то...

Все грязное на меня старались навертѣть. А все оттого, что явныхъ уликъ по дѣлу не было...

Дальше за прислугу Нецвѣтаевой взялись, и тутъ еще хуже разспросы и отвѣты посыпались. Горничная — разухабистая дѣвица — подъ присягой показала, что я «дневалъ и ночевалъ» у барыни, и что книги она тоже видѣла, этакія большущія, толстыя... Ужъ прокуроръ успѣлъ попунцовѣть отъ радости, какъ глупая дѣвица тутъ же сама себя изобличила.

— Принесутъ они эти книги, а барыня ихъ смотрятъ и читаютъ, все ихъ разглядываютъ.

— Разглядываетъ? И что же говоритъ объ этихъ книгахъ?

— Да насчетъ картинокъ...

— Какихъ картинокъ!?

— А которыя въ книгѣ пропечатаны. Я тоже глядѣла: этакіе портреты, личности, деревья...

Въ публикѣ смѣхъ, а когда я встаю и говорю: «Это, господинъ прокуроръ, я «Всемірную Иллюстрацію» приносилъ, то смѣхъ усиливается, даже присяжные засѣдатели—кое-кто—ухмыльнулись въ бороды. Прокуроръ разбѣсился.

— Ну, а такихъ книгъ, закричалъ онъ, — гдѣ цифры, цифры, палочки, нолики были? Видѣли? Нѣтъ? Да?

— Не могу знать.

— Да вы грамотная или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Я больше ничего не имѣю... Впрочемъ... Свидѣтельница, скажите мнѣ, въ какихъ отношеніяхъ состоялъ подсудимый съ вашей барыней?

Горничная глупо вращала глазами.

— Не понимаете? Ну, такъ я вамъ скажу проще: слыхали вы, какъ они одни были, на вы или на ты?

— Не могу знать-съ.

Очевидно, глупая дѣвица струсила, но мнѣ оттого не легче. Я вижу моего хорошаго друга чуть не въ слезахъ. Намекъ обвинителя такъ и рѣзнулъ меня по сердцу, да и на всѣхъ онъ, сдается, произвелъ впечатлѣніе не въ пользу допроса. Но опять скажу: не легче мнѣ отъ этого. Вѣдь меня враги, сплетники, барабошки всякіе слушаютъ, все это поддѣпятъ, процыганятъ, ну—меня ужъ такъ и быть, а за что же репутація честной женщины пострадала? Охъ, стыдно вамъ такъ спрашивать, молодой товарищъ прокурора! Понимаю я, сгоряча это у васъ вышло, съ языка сорвалось и сами вы послѣ устыдитесь, но самолюбіе васъ увлекло... Этакая у васъ роль отвѣтственная, а вы увлекаетесь... Ну, да Богъ съ вами! Прощаю я васъ, только пощадите другихъ-то въ будущій разъ.

Раздается звонокъ предсѣдателя: перерывъ на полчаса. Всѣ уходятъ: судъ, присяжные, свидѣтели. Зрительная зала пустѣетъ, но изъ коридоровъ несется шумъ разговора и шаговъ. А я все сижу, не ѣвши съ утра, и гляжу на дѣтей: вонъ они, на заднихъ скамейкахъ, въ сѣренькихъ коф-

точкахъ, двѣ этакія маленькія мышки... Милочки вы мои, голубушки, крошки! Вотъ когда слеза-то прошибла... Охъ, боюсь я подозвать моихъ милыхъ, боюсь обнять, да и не знаю, можно ли?

Вѣдь меня стерегутъ солдаты съ ружьями. Вижу, нянька хочетъ подвести дѣтей поближе, но я, собравшись съ силами, махаю рукой: не надо, дескать, повремени, старая! Вотъ когда ужъ конецъ будетъ... или передъ тюрьмой, или передъ радостнымъ выходомъ изъ душнаго суда... Этакая большая комната, а какъ здѣсь душно и нудно! Или это меня одного укачало? Ахъ, великій угодникъ Николай! Матерь Божія, не оставь меня! Чернота въ голову полѣзла, ужъ не церковь чувствую я, а гробъ, ящикъ безъ воздуха... А эти разспросы-то? Темень, одна темень, ненависть, ловля. И весь я опозоренъ, весь разрѣзанъ на куски и обнаруженъ. И судимость моя прочтена, и происхожденіе грустное дознано, и жизнь съ покойной женой раскрыта, и настоящія симпатіи наизнанку выворочены; потрепали, въ грязь окунули, на всеобщее слушаніе и глядѣніе отдали... Ахъ, тяжело это, ужасно тяжело! Эхъ, конецъ бы скорѣе, а то, пожалуй, помрешь отъ тоски на этой скамейкѣ...

— Судъ идетъ! раздается голосъ пристава.

Вошли судьи, ввели присяжныхъ засѣдателей, и дѣло возобновилось. Предсѣдатель объявилъ допросъ свидѣтелей оконченнымъ и перешелъ къ преніямъ. Всталъ товарищъ прокурора—этотъ увлекающійся

молодой человѣкъ — и заговорилъ. Съ три короба нагородилъ. Да это ничего бы; если это требуется, то и ладно. А онъ все насчетъ гадостей прохаживался. Все насчетъ моихъ развратностей толковалъ, насчетъ того, что я прежде пилъ, указалъ, что я два раза судился у мирового судьи за скандалы; вообще, такъ меня раскрасилъ, что одно легкое знакомство со мной женщины уже становилось рискованнымъ, а короткія отношенія г-жи Нецвѣтаевой прямо сообщничествомъ пахли. Въ концѣ концовъ, онъ заявилъ, что я укралъ деньги, ловко замазавъ итоги счетами, которые теперь оспорить, за давностью времени, невозможно, и что я эти деньги, должно быть, куда либо спряталъ, напримѣръ, у кого нибудь изъ очень-очень-очень хорошихъ знакомыхъ... Грубо онъ говорилъ, этотъ юный юристъ въ золоченомъ мундирѣ! Это все въ немъ сытость да кровь молодая сдѣлали. Не поразмыслилъ. А намъ, которыхъ онъ билъ, становилось такъ хорошо, что хоть въ петлю. Терзался я, глядя на Анну Николаевну Нецвѣтаеву: чего она не ушла, думаю? Сидитъ, слушаетъ, блѣднѣетъ, краснѣетъ... Кто это съ ней? Господи, дочурки... дѣтокъ моихъ рядомъ она посадила... цѣлуетъ... на меня глядитъ... Понялъ я, понялъ! Хочетъ до конца претерпѣть и узнать... Вотъ онъ, другъ-то! Въ бѣдѣ онъ только познается! Ахъ, драгоцѣнныя вы мои. Какъ вы отъ меня близки — и какъ я, въ то же время, далекъ отъ васъ! И вдругъ, че-

резъ часъ, буду еще дальше... отосланъ въ тюрьму или въ Сибирь! Господи, не допусти! Видишь Ты, Всесильный и Всевидящій, что я невиненъ! Просвѣти моихъ судей... Дѣти, молитесь... у меня голова болитъ... мысли мѣшаются...

— Подсудимый, ваше слово! обращается ко мнѣ предсѣдатель.—Встаньте и говорите. Да подумайте, чтобы ничего но позабыть. Послѣ ужъ поздно будетъ объяснять и доказывать...

Я встаю и шатаюсь. Съ мольбой я гляжу, но не на судей и не на присяжныхъ, а выше, на образа. Въ залѣ очень тихо. Опускаю я глаза на присяжныхъ засѣдателей, которые держали въ сердцахъ мою участь. О, я ихъ давно разсмотрѣлъ. Половина высматривала безучастными лицами, сонно и равнодушно слѣдила за ходомъ дѣла. У нѣкоторыхъ другихъ было вниманіе, но такое холодное, суровое, пугающее... И только одинъ присяжный засѣдатель, молодой человѣкъ, лѣтъ 26, должно быть первый разъ попавшій въ судьи, сидѣлъ, не шевелясь, и слушалъ всѣ рѣчи съ страстнымъ участіемъ. Дивное у него лицо было,—худенькое, блѣдное, съ прекрасными голубыми глазами, нѣжное, вдумчивое... Онъ даже губы сложилъ какъ-то особенно серьезно, а подконецъ рѣчи прокурора сжалъ виски руками. Я отдохнулъ на его лицѣ. Да и его глаза устремились въ меня съ такой ободряющей нѣжностью, что я весь всполохнулся, затрепеталъ птицей. Голубчикъ, до гробовой доски не забуду тебя,

твоего лица и взгляда! Спасибо, спасибо тебѣ! Богъ пошли тебѣ счастья! Можетъ быть, твой тихій голосъ былъ въ моемъ дѣлѣ рѣшающимъ... очень можетъ быть!

Я всплеснулъ руками и прорыдалъ:

— Не виноватъ я... не бралъ я денегъ... Ничего больше сказать не выдумаю...

И сѣлъ. Зашушукались. Должно быть, всѣ ждали отъ меня цѣлой рѣчи. Даже прокуроръ недоумѣвающе поглядѣлъ на меня черезъ очки. Заговорилъ предсѣдатель. И въ его резюме опять продернулась моя жизнь сквозь всякія за и противъ. И другу моему опять досталось. Предсѣдатель дѣлалъ оцѣнку показаніямъ и ловко уклонялся отъ вывода. Ничего не выпустилъ. Самые грязные намеки онъ обсмаковалъ и указалъ на нихъ присяжнымъ. Пришлось намъ постонать, но за то это было ужъ послѣднее мученье. Кончилъ предсѣдатель. Взяли присяжные вопросные листы и удалились. Долго сидѣли они подъ замкомъ, часа четыре, если только я не ошибаюсь... Что я чувствовалъ? Помню, что была боль не въ одномъ тѣлѣ, но во всемъ моемъ «я». Казалось еще, будто бы какая-то сильная рука держала меня за спинной столбъ и давила до нестерпимой боли. Сердце ныло, легкія болѣли, руки-ноги тряслись, а въ головѣ было пусто и больно. Этакое томленіе испытывалъ, галюцинація болѣзни совершалась, а во рту горечь ощущалъ, вкусъ мѣди словно... Но держался я прямо и ждалъ.

Вотъ вышли. Читаютъ:

— *Нѣтъ, не виновенъ.*

— Дѣтушки... дѣтушки... охъ, темно, не вижу я васъ... помогите . . . .

. . . .

Очнулся ужъ я въ земской больницѣ. У кровати сидѣли мои дочки и Анна Николаевна. Всѣ онѣ плакали. Это радость бѣдняковъ въ слезахъ выражается... Спасенъ я, спасенъ! Господи, слава Тебѣ!

УГОЛОКЪ.

— Зачѣмъ ты пришелъ въ классъ? спрашивалъ учитель у взрослаго ученика Соломона Бермана, парня съ пейсами и полуприкрытымъ лѣвымъ глазомъ.

— Учиться, господинъ учитель! отвѣчалъ Берманъ.

— Учись гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, возразилъ учитель. — А изъ нашего училища ты уволенъ. Понялъ?

— Господинъ учитель, мой отецъ хочетъ на васъ жаловаться господину инспектору.

— Пусть жалуется хоть самому попечителю. Забирай свои книги, тетради, шапку и ступай вонъ.

— Мой отецъ поѣдетъ до Кіева и будетъ на васъ жаловаться генералу.

— Ладно, ладно. Однако, ты уйдешь отсюда? Максимъ, возьми Соломона Бермана за ухо и выведи его изъ училища на Паненскую улицу.

Училищный сторожъ Максимъ подошелъ къ уволенному ученику и сказалъ:

— Поди, поди, нечего тутъ...

Берманъ взялъ свои пожитки и, уходя, прибавилъ:

— Мой отецъ и до Петербурга можетъ съѣздить. Да-съ.

— Вотъ и отлично. А ты теперь все-таки ступай да не смѣй, болванъ, коситься на меня своими разными глазами! И если я тебя еще когда увижу...

Учитель сдѣлалъ паузу, побарабанилъ пальцемъ по каѳедрѣ, потомъ, обведя свой классъ взглядомъ и видя, по большей части, лица съ локонами, вразумительно произнесъ:

— Такъ я поступлю со всѣми негодяями, которые осмѣлятся быть неприличными въ классѣ или на улицѣ.

— Готово, Миколай Петровичъ, доложилъ Максимъ.—Вытолкалъ и напужалъ.

— Хорошо, иди себѣ. А ты, Идолъ Рубинчикъ, разсказывай мнѣ урокъ.

Дня черезъ три, вечеромъ, учитель сидѣлъ въ своей квартирѣ. Домъ школы находился на въѣздѣ города, на горѣ, и былъ окруженъ садомъ, тянувшимся до рѣки и огородовъ хохла Трифона Лобко, мѣщанина и городского головы мѣстной думы прежняго образца, т. е. такой думы, гдѣ голова, услыхавъ замѣчаніе исправника, отвѣчалъ: «слушаю, ваше высокородіе!» Николай Петровичъ жилъ

одиноко, ему служилъ старый Максимъ, а кушанье готовила сторожева жена. Въ этотъ разъ педагогъ занимался скучнымъ дѣломъ: исправлялъ тетради учениковъ и среди ошибокъ попадалъ на такія: «Я утералъ свою чернетку», «Зачиво винъ не додерживаетъ свой слова?» и т. п. Долго черкалъ по тетрадямъ Николай Петровичъ, отыскивая смыслъ въ искаженныхъ фразахъ, какъ вдругъ въ ночной тишинѣ онъ услыхалъ звонокъ. Учитель вышелъ и отперъ парадную дверь: никого не было; улица казалась пустынной; луна горѣла посерединѣ темнаго неба, какъ свѣчка, садъ былъ черенъ и недвижимъ. Учитель посмотрѣлъ кругомъ, постоялъ, пожалъ плечами и вернулся къ себѣ. Но едва онъ прочиталъ еще одну тетрадку, какъ звонокъ — на этотъ разъ очень сильный — повторился. Николай Петровичъ выбѣжалъ на крыльцо, распахнулъ дверь и наткнулся на офицера въ мундирѣ поручика пѣхотнаго полка.

— Это вы, Шидловскій? сказалъ учитель. — Я васъ сегодня не ждалъ.

— Я, Николай Петровичъ, я. Почему вы меня сегодня не ждали?

— Да вѣдь вы подъ арестомъ сидѣли.

— Въ нашемъ уродскомъ углѣ ни одна гадость въ секретѣ не продержится! сказалъ съ досадой Шидловскій, входя въ комнату и отстегивая саблю.—Сущее рѣшето, а не уѣздный городъ.

— Значитъ, не сидѣли?

— Сидѣлъ, но не аридовы же вѣки мнѣ сидѣть! Сегодня выпустили. А знаете, батенька, за что я попалъ? Штрипки на разводъ забылъ надѣть. Съ этими формальностями, особенно въ парадные дни, я всегда вляпаюсь въ скандалъ.

— У меня тоже исторія случилась, на молебнѣ.

— Какая?

— Жиды въ шапкахъ стояли, съ нихъ примѣръ взяли нѣкоторые ученики. Я подошелъ и велѣлъ своимъ оголить затылки. А мерзавецъ Соломонъ Берманъ не снялъ картузъ и говоритъ: мы этого по закону дѣлать не обязаны! Я взялъ законника за виски и вытащилъ изъ пары. Потомъ и разсказываю это инспектору, такъ, къ слову. Услыхалъ, состроилъ мыслящую физіономію и говоритъ: уволить вреднаго ученика! Я уволилъ, а теперь, слышно, отецъ Бермана пишетъ на меня доносъ, будто бы я его сына въ кровь побилъ на площади...

— Да пусть его пишетъ, ваше дѣло сторона. Инспекторъ будетъ объясняться.

— Конечно. Послушайте, это вы ко мнѣ два раза позвонили?

— Нѣтъ, я одинъ разъ звонилъ. А что? Какъ честный человѣкъ, только разъ...

— Какой же чортъ...

Учитель не договорилъ: въ эту минуту стекло съ трескомъ разбилось, и на полъ, застучавъ, покатился довольно большой камень. Николай Петровичъ бросился на крыльцо, Шидловскій за нимъ.

Но все было тихо на улицѣ, тихо, пустынно и лѣниво освѣщено желтой луной. Попрежнему черно и тускло глядѣлъ садъ, не шевелились деревья, не дулъ съ рѣки вѣтеръ. Пріятели обошли ближнія аллеи, заглянули въ переулокъ и возвратились обратно.

— Что вы на это скажете? спросилъ Николай Петровичъ.

— Неужто еврейская месть?

— Спорить буду, что Соломонъ Берманъ старается. Вотъ тутъ и послужи, «согласно инструкціямъ начальства», какъ любитъ выражаться нашъ инспекторъ! Сегодня стекло вышибли, завтра подожгутъ домъ.

— Ну, ужъ вы скажете! Эхъ, поймать бы этого бросалу, да хорошимъ его арапникомъ! Какъ вы его называли? Берманъ... гм... Позвольте, это не кабатчика ли Бермана сынъ? Процентщика Бермана?

— Да, его. Помните, мы у него молоко парное пили, т. е. вы-то пили бессарабское вино, а я молоко.

— И тамъ еще была хорошенькая жидовка Михалина?

— Это дочь Бермана. Да будетъ вамъ, баринъ, притворяться! И теперь вы туда бѣгаете въ сумеркахъ, не знаю только, чего ради.

Поручикъ засмѣялся.

— Ну, городъ! Ничего въ тайнѣ сохранить нельзя! Впрочемъ, это не городъ, а уголокъ. Кашлянешь во снѣ—на другомъ концѣ слышно. Вѣрно, Николай

Петровичъ, я туда хожу, только не проболтайтесь вы у Грабовецкихъ... А Михалина—прелесть!

Учитель подобралъ стекла, поднялъ камень и, положивъ его на письменный столъ, взглянулъ на часы, взялъ съ гвоздя поярковую шляпу и надѣлъ ее на голову.

— До свиданія, сказалъ онъ поручику.—Пейте безъ меня чай, если хотите.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Я даже у васъ ночую. А вы къ своей, полагать надо?

— Нѣтъ, купаться.

— Разговаривайте еще! Купаться!

Николай Петровичъ подалъ Шидловскому руку, засвисталъ и вышелъ на улицу. Поручикъ проводилъ его на крыльцо, видѣлъ, какъ учитель потонулъ въ золотистой мглѣ теплой осенней ночи, посмотрѣлъ на мѣсяцъ, вернулся въ комнату и сказалъ вслухъ:

— Везетъ ему въ любви, какъ чортъ знаетъ кому! Гм... да не пойти ли и мнѣ туда? Нечего здѣсь сырость кипяченую глотать... Максимъ, запри за мной двери!

Въ это время въ домѣ богатаго и весь городъ держащаго на векселяхъ еврея Бермана, въ чистой половинѣ для благородныхъ гостей, гдѣ пили вино, сидѣла Михалина и вышивала красными нитками суровое полотенце. Не смотря на 16 лѣтъ, еврейка была такъ развита, что плечи ея были круглы, въ родѣ чешскихъ крутыхъ булокъ, грудь распирала

корсетъ. Михалина была блѣдна; но ея губы краснѣли ярче свѣжей крови. Ея лицо имѣло два выраженія: ребенка, занятаго узоромъ шитья, и женщины, которая любитъ грѣшныя мысли. Одѣвалась она пестро, маленькіе пальцы рукъ портила колечками, а уши серьгами съ фальшивыми рубинами; только волосы еврейки, черные, какъ деготь, еще не были покрыты парикомъ и дѣлали рѣзкую рамку вокругъ ея блѣднаго, чуть тронутаго желтизной, лица. Михалина вышивала и не особенно пріятнымъ голосомъ пѣла:

«Ахъ, нельзя мужчинамъ вѣрить,
Правду люди говорятъ...»

— Э, да вы еще и пѣвица! Никакъ романсъ напѣваете? неожиданно сказалъ входящій въ комнату Шидловскій. —Что вы испугались, это я!

— Охъ, какъ же вы меня изловили! отвѣчала Михалина.—Вы подкрались, словно котъ. Прошу садиться, господинъ Шидловскій. Чѣмъ васъ угощать?

— Обыкновенно ужъ... Велите дать красненькаго...

— Въ тридцать или въ сорокъ копѣекъ?

— Въ сорокъ.

Михалина принесла изъ сѣней бутылку вина, стаканъ и поставила ихъ передъ поручикомъ.

— А у насъ въ домѣ никого нѣтъ. Мать спитъ, отецъ съ Соломономъ ушли, служанка куда-то пропала...

— Значитъ, мы теперь одни, Михалина Моисеевна?

— Одни.

Поручикъ кашлянулъ и подсѣлъ къ дѣвушкѣ поближе.

— Вы когда же придете ко мнѣ въ гости? шопотомъ спросилъ онъ.

— Никогда. Чтобы про меня въ городѣ говорили всякія глупости и чортъ знаетъ что? Спасибо вамъ.

— Но, Михалиночка, какая вы странная! Кто же узнаетъ?

— У насъ про каждаго все узнаютъ. Ходите сюда, довольно съ васъ. По крайней мѣрѣ, если что подумаютъ, такъ на отца: будто бы вы у него деньги занимаете.

— Я и то хочу занять.

— Уже?

— Въ карты продулся, платить надо.

— У Станкевича? Слышала.

— Фу, чортъ! Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все знаютъ. Но если вы ко мнѣ придете, ни одинъ бѣсъ не догадается... Придете?

— Чего я буду у васъ дѣлать? Не приду.

— Поймите, что мнѣ надобно поговорить съ вами по душѣ.

— Говорите здѣсь, покуда не вэошли.

— Мать спитъ?

— Спитъ.

Шидловскій подвинулся къ Михалинѣ, обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Ну, чего же еще вамъ хочется? Развѣ же вы не счастливый человѣкъ? спросила, усмѣхаясь и блестя черными глазами, Михалина.

Стукъ шаговъ отодвинулъ поручика отъ дѣвушки къ бутылкѣ. Вошелъ Соломонъ и поклонился поручику.

— Это васъ уволили изъ училища? спросилъ Шидловскій, вспомнивъ разговоръ съ учителемъ.

— Меня, господинъ поручикъ, отвѣчалъ Соломонъ. — Учитель требовалъ съ отца сто рублей, отецъ не далъ, учитель на меня пожаловался инспектору, и меня уволили.

— Да неужели Николай Петровичъ хотѣлъ взять взятку?

— А кто же нынче не хочетъ взять взятку? удивилась Михалина.—Всѣ хотятъ.

— Но я увѣренъ, что Николай Петровичъ честный человѣкъ. Вы, Берманъ, вѣроятно, шалили очень?

— Кто, я шалилъ? Извините, господинъ поручикъ, я никогда не шалилъ. Мнѣ слѣдовало курсъ доканчивать, потому что черезъ два года съ половиной мнѣ нужно жребій потянуть. И я хотѣлъ учиться, а не шалилъ. А вашъ знакомый учитель большой подлецъ, извините.

— Послушай, братецъ... вспыхнулъ поручикъ.

— Ужасно большой подлецъ! повторила Михалина

и строго взглянула на Шидловскаго.—Вы еще его мало знаете.

— Гм... Конечно, это нехорошо, если правда, только... пробормоталъ поручикъ и смущенно взялся за красное вино.

А учитель шелъ къ дому городского головы, къ дожидавшейся его женѣ Лобко, Аннѣ Фортунатовнѣ. Самъ голова — невѣжественный, глупый и походившій на опаленную свинью человѣкъ—торговалъ колбасами, свининой, саломъ и для этого ѣздилъ по всѣмъ ярмаркамъ околотка. Въ эти отлучки Николай Петровичъ являлся къ Аннѣ Фортунатовнѣ и проводилъ время не безъ пріятности. Въ городѣ— или въ уголкѣ, какъ назвалъ Шидловскій—ничего не знали о романѣ учителя и головихи. Впрочемъ, послѣдняя не была принята въ «интеллигентныхъ» гостиныхъ уголка, а домъ головы стоялъ на выѣздѣ, около польскаго кладбища. И пока все шло у нихъ шито да крыто. Николай Петровичъ пылилъ высокими сапогами и думалъ:

— Сегодня жарища, словно въ іюнѣ мѣсяцѣ... Завтра я долженъ пойти на именины къ Вердеревскому... Любопытно, скоро ли произведутъ въ офицеры Андрейчука? Слѣдуетъ выругать Анюту: у нихъ кололи свиней и мнѣ не прислали даже колечка колбасы...

Тутъ мирныя думы учителя прервались. Какая-то сѣрая тѣнь шмыгнула черезъ улицу, преобрази-

лась въ сѣраго еврея въ лапсердакѣ, подошла къ Николаю Петровичу и прогнусавила:

— Пане-учителю, здравствуйте вамъ.

Учитель обернулся и узналъ стараго Бермана.

— До головы идете, пане? осклабился еврей.

— Что вамъ нужно? спросилъ учитель.

— Я насчетъ моего сына васъ хотѣлъ спрашивать. Полегчайте ему, господинъ учитель, примите опять въ школу.

— Я не могу принять: инспекторъ вашего сына уволилъ, а не я.

— А вы напишите до инспектора, оправьте моего Соломона.

— Вашъ Соломонъ нанесъ мнѣ дерзость на молебнѣ.

— Ребенокъ, не стоитъ обращать вниманія, господинъ учитель.

— Хорошъ ребенокъ семнадцати лѣтъ! До свиданія...

— Постойте, пане. Я вамъ заплачу десять рублей, ежели это такъ слѣдуетъ.

— Нѣтъ, не слѣдуетъ. Прощайте!

— Вы, можетъ быть, думаете себѣ, что я до попечителя кіевскаго учебнаго округа поѣхать не могу? Нѣтъ, я это сдѣлаю.

— Совѣтую поѣхать. Вотъ тамъ вамъ и скажутъ, что слѣдуетъ.

Учитель направился черезъ улицу, но Берманъ ухватилъ его за рукавъ кончиками своихъ длинныхъ пальцевъ.

— Я дамъ тридцать рублей, сказалъ онъ рѣшительно.—Сейчасъ денежки.

— Подъ вексель и по двадцать четыре годовыхъ? Нѣтъ, купецъ, не нужно. Я въ Кіевъ къ попечителю не собираюсь. Отцѣпитесь вы отъ меня. Купите лучше хорошій батогъ да дерите своего Соломона по пятницамъ...

Еврей остался на улицѣ, а учитель быстро вошелъ въ домъ головы и хлопнулъ тяжелой калиткой. Въ гостиной его ждалъ сюрпризъ: за столомъ сидѣлъ голова и пилъ водку. Николай Петровичъ растерялся и наивно спросилъ:

— А вы развѣ не на Тетіевской ярмаркѣ?

— Нѣтъ, я не на Тетіевской ярмаркѣ, Николай Петровичъ! отвѣчалъ пьянымъ голосомъ голова.— А дозвольте спытаться, Николай Петровичъ, вы теперь въ полномъ здоровьицѣ и ноги у васъ цѣлы?

Учитель вытаращилъ глаза.

— Вы, надо полагать, саломъ объѣлись, Трифонъ Кузьмичъ? сказалъ онъ шутливо, но уже чуя неладное.

— Нѣтъ-съ, Николай Петровичъ, я саломъ не объѣлся-съ. А только, Николай Петровичъ, я сейчасъ женѣ вотъ такого фонаря подъ глазъ наклеевалъ, да и вамъ, Николай Петровичъ, наклюю! Да, ей-Богу! Вотъ будь я собачій сынъ, ежели я вамъ вотъ этимъ мѣстомъ да по этому мѣсту...

— Вы пьяны, голова!

— А можетъ быть, что и пьянъ. Но свинью я

вамъ, Николай Петровичъ, во всякомъ случаѣ, подложу!

Сказавъ эти слова, Трифонъ Кузьмичъ всталъ и поплевалъ въ кулаки.

— Я васъ научу, какъ ходить къ чужимъ бабамъ, Николай Петровичъ!

Учитель оправился отъ смущенія, засмѣялся и отвѣтилъ съ досадой:

— Если ты, дурачина, посмѣешь меня ударить, я тебѣ оба уса оторву.

— Оторвете? Оба уса оторвете?

— Ну, да, оторву! Пошелъ прочь!

Учитель всталъ со стула и шагнулъ къ головѣ. Тотъ вдругъ испугался, хотя раньше выпилъ для храбрости цѣлую бутылку водки; онъ отступилъ и даже закрылъ красное лицо обѣими ладонями.

— Уходи! прохрипѣлъ онъ.—Только не бей, нечистая сила!..

Николай Петровичъ плюнулъ и вышелъ. Злость его душила. Теперь визиты къ головихѣ улыбнулись. Пожалуй, всѣ узнаютъ про скандалъ съ головой, да еще сочинятъ, будто бы Лобко отколотилъ учителя. Но вотъ вопросъ, кто могъ увѣдомить глупаго голову? Кто этотъ скрытый врагъ? Не вышла ли эта кляуза изъ того же мѣшка, откуда вылетѣлъ камень и разбилъ учительское окно?

— Неужели Берманъ? думалъ Николай Петровичъ и вдругъ вспомнилъ слова стараго жида, спрашивавшаго, не къ головѣ ли идетъ панъ учи-

тель.—Да, это онъ, предатель, дѣйствуетъ... Ну, погоди же, сосчитаюсь я съ тобой!

Подозрительность Николая Петровича выросла чрезвычайно. Ему представлялось, что вотъ-вотъ вспыхнетъ зарево, что это загорится его домъ и школа, подожженные мстительными Берманами. А то сейчасъ, возлѣ сада, выскочатъ и оглушатъ дубиной... Край здѣсь былъ разбойничій, глухой, злобный, разноплеменный. Можно было всего дождаться... Но бѣлое зданіе училища ярко блестѣло подъ лучами мѣсяца, все было тихо, спокойно, садъ чернѣлъ—огромный и неподвижный, съ недалекой рѣки поднимался легкій и чуть замѣтный туманъ...

Прошло мѣсяца четыре. Какъ-то разъ къ Николаю Петровичу заглянулъ въ новой николаевской шинели и новой фуражкѣ Шидловскій. Онъ поздоровался, закурилъ папироску, показалъ извнѣ и снаружи свою шинель, потомъ, помолчавъ, сказалъ:

— Вообразите, Михалина сочиняетъ стихи!

— Какая Михалина? спросилъ учитель, мрачный, какъ самая непогожая ночь.

— Ну, вотъ еще, онъ не знаетъ! Дочка Бермана. Честное слово, сочиняетъ, и, знаете, недурно. Вотъ, послушайте:

«Разстались мы, но твой портретъ
Я на груди своей храню»...

— Да развѣ это сама Михалина сочиняла? Это стихотвореніе Лермонтова.

— Въ самомъ дѣлѣ? Значитъ, она меня за носъ провела, подшутила.

— А вы, поручикъ, все еще киснете въ бермановскомъ кабакѣ, возлѣ жидовкиной юбки?

— Кисну, дружище, кисну...

— Не понимаю я васъ, какого чорта вы добиваетесь? Любви у васъ съ ней настоящей выйти не можетъ, а такъ воспользоваться дѣвчонкой — свинство! Бросьте, Шидловскій.

Поручикъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Не могу я бросить, Николай Петровичъ, сказалъ онъ, заминаясь. — Слишкомъ далеко у васъ зашло... Вѣдь Михалина у меня на квартирѣ бываетъ...

— А, вотъ оно что! Ну, батюшка, это совсѣмъ подло съ вашей стороны.

— Знаю, что подло. Но поймите, я влюбленъ, какъ баранъ, не выдержалъ характера... Просто, голубчикъ, дьявольское положеніе!

— Отчего же дьявольское? Любитесь на здоровье. Только вотъ какъ она потомъ замужъ выйдетъ! Да и вамъ какъ бы не было скандала... Отъ души вамъ совѣтую, разойдитесь съ Михалиной, пока еще время есть...

Шидловскій остановился противъ Николая Петровича, покраснѣлъ и сказалъ, что Михалина беременна.

Учитель присвиснулъ.

— Бѣдная дура! сказалъ онъ, хмурясь.—Теперь ей солоно попадетъ. У жидовъ съ такими не церемонятся. Что же вы, сударь, намѣрены предпринять?

— Голубчикъ, не знаю! Я просто ревѣть готовъ, я не подлецъ, я честный человѣкъ! Скажите, какъ быть?

— Не знаю, что и выдумать. Увезите Михалину въ Петербургъ.

— Невозможно! У меня тамъ родня, да и ѣхать не на что, я весь въ долгу, какъ въ шелку, тому же Берману до восьмисотъ долженъ...

— Въ такомъ случаѣ, возьмите веревку и повѣсьтесь вонъ на томъ гвоздѣ...

— Николай Петровичъ, шутки теперь неумѣстны! Я думалъ встрѣтить отъ васъ дружескій совѣтъ, помощь...

— Отстаньте вы отъ меня! Я самъ растерялся и не знаю, что будетъ. У васъ свое горе, у меня свое. Меня, должно быть, уволятъ отъ должности.

— Какъ!?

— Да такъ. Или уволятъ, или переведутъ. У меня была съ инспекторомъ ссора. Какой-то чортъ извѣстилъ его про всѣ мои художества: скандалъ съ головихой, мою игру въ карты съ подполковникомъ Петрулевичемъ, наше общее пьянство на свадьбѣ Гусарева... Сталъ мнѣ мораль читать, учить, оскорблять, я ему въ отвѣтъ и выругайся.

Онъ сію же минуту уѣхалъ и, вѣроятно, теперь дѣйствуетъ...

Собесѣдники помолчали. Поручикъ повздыхалъ о положеніи учителя, помянулъ, что не знаетъ, какъ быть насчетъ Михалины и, наконецъ, ушелъ. Учитель простился съ нимъ довольно сухо, сѣлъ-было за ученическія тетрадки, но эта работа вдругъ показалась ему ужасно противной. Николай Петровичъ всталъ, одѣлся и пошелъ бродить по улицамъ пустыннаго и грязнаго уголка. Стоялъ декабрь, но снѣгу почти не замѣчалось на землѣ. Было тепло, сыро, туманно и пахло какимъ-то гнильемъ. Учитель сначала вышелъ безъ цѣли, потомъ вспомнилъ, что ему необходимо достать денегъ, а такъ какъ въ уголкѣ занять было можно у одного Бермана, то Николай Петровичъ, послѣ нѣкотораго раздумья, отправился къ процентщику. Войдя на половину, гдѣ благородные гости пили бессарабское вино, учитель увидалъ самого Бермана и сидящаго въ фуражкѣ капитана Лопатина. Николай Петровичъ протянулъ капитану руку, тотъ ее потрясъ, не глядя на учителя, и продолжалъ свой разговоръ:

— Сказалъ свое слово, такъ держи его, Берманъ! хрипѣлъ капитанъ, мутно глядя на еврея.—Вѣдь ты обѣщалъ, обѣщалъ!

— Да ежели нема, пане-капитане! Здравствуйте вамъ, господинъ учитель! Вотъ не ждалъ я такого рѣдкаго гостя... Чѣмъ васъ угощать, пане?

— Дайте краснаго вина, сказалъ Николай Пе-

тровичъ, не желая толковать о займѣ при капитанѣ.

А капитанъ твердилъ свое:

— Вѣдь ты обѣщалъ, Мошко, обѣщалъ?

— Не Мошко я, пане-капитане, а Моисей.

— Ну, Моисей, ну, все равно... Выручай, Моисей!

— Моисей Абрамовичъ, поправилъ Берманъ.

— Ну, Абрамовичъ, ну, чортъ съ тобой! Понимаешь, такая штука... до-тла... солдаты претензію заявятъ... Я какіе хочешь проценты заплачу...

— Вексельной бумагой всѣ хорошо платятъ...

— Такъ ты мнѣ не вѣришь, не вѣришь?

— Не вѣрю, пане-капитане.

— Пархъ! Вѣдь ты меня высосалъ, до костей высосалъ! Пархъ! Я у тебя прошу всего триста, слышишь—прошу!

— Просите, а ругаетесь. Развѣ это хорошо?

— Ругаюсь? Развѣ я ругаюсь? Ну, прости меня. Я не буду ругаться. Дай мнѣ триста рублей.

— Завтра заходите, господинъ Лопатинъ, завтра потолкуемъ...

— Какъ тебя еще просить? Въ поясъ тебѣ, канальѣ, кланяться, что ли? Ну, изволь, я готовъ, я готовъ... вотъ!

Лопатинъ всталъ, пошатнулся и поклонился Берману въ поясъ. Капитанъ былъ сильно взволнованъ и мертвецки пьянъ. Онъ совсѣмъ забылъ объ учителѣ, да врядъ ли и замѣтилъ его. Николай Петровичъ съ удивленіемъ наблюдалъ за этой сце-

ной. Онъ зналъ Лопатина и его большую семью, зналъ, что Лопатинъ картежникъ, пьяница, дурной мужъ и отецъ, но такое униженіе онъ видѣлъ въ немъ въ первый разъ.

— Сначала изругали, теперечка въ поясъ кланяетесь? сказалъ, смѣясь, Берманъ.—Ну, идите себѣ, къ завтраму я поищу денегъ. Тогда и объ условіяхъ сговоримся. Только не навѣрное, панė капитане, не навѣрное...

— Завтра? Смотри же, держи свое слово, Шмуль, то бишь, Моисей, чортъ тебя возьми! Не погуби меня, слышишь, не погуби, анаѳема! Ну, прощай! Такъ завтра? Триста. Не погуби.

Капитанъ едва всталъ и, колотясь боками и локтями объ стѣны, вылѣзъ изъ душной еврейской комнаты.

— Что угодно господину учителю? освѣдомился вернувшійся Берманъ.

— Угодно подъ вексель пятьдесятъ рублей.

— Хе-хе-хе! До Кіева хотите ѣхать? Можетъ быть, до попечителя?

— Можетъ быть. Вашъ отвѣтъ.

— Не могу я дать пану-учителю. Потому что пана-учителя могутъ перевести или, чего Боже сохрани, совсѣмъ увольнить, кто тогда будетъ мнѣ по векселю платить?

— А вы ужъ знаете, что меня могутъ перевести или даже уволить? съ злобнымъ изумленіемъ спросилъ Николай Петровичъ.—Ну, теперь я понимаю

всю механику. Это вы написали инспектору о моихъ дѣлахъ?

— О какихъ дѣлахъ? Нѣтъ, пане, я ничего не писалъ инспектору, храни меня Богъ. Я на васъ зла не имѣю. Правда, вы моего Соломона обидѣли, но пусть такъ и будетъ.

— А кто головѣ про жену насплетничалъ? Вѣдь вы!

— Дай Богъ, чтобъ я лопнулъ. Я ничего не знаю. Я васъ, господинъ учитель, очень даже люблю и считаю васъ, что вы благородный человѣкъ, не то что эти офицеры!

Тутъ еврей произнесъ очень бранное существительное и съ презрѣніемъ выпятилъ свои блѣдныя, толстыя губы.

Учитель вспыхнулъ. Ужъ давно имъ овладѣлъ гнѣвъ. Николай Петровичъ былъ вспыльчивъ и золъ. Рѣшивъ, что доносчикъ Берманъ и что Берманъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гадкій паукъ, разорившій въ уголкѣ многихъ безпутныхъ или довѣрчивыхъ людей, и вдругъ этотъ негодяй осмѣливается еще поносить офицеровъ! Учитель оглянулся, сообразилъ, что свидѣтелей нѣтъ, можно прекрасно воспользоваться случаемъ и свести съ предателемъ счеты, подошелъ къ Берману и вдругъ, размахнувшись, ударилъ его по лицу.

— Вотъ тебѣ, не ругайся! сказалъ Николай Петровичъ и быстро пошелъ къ выходу.

Берманъ упалъ черезъ стулъ, надѣлалъ шуму,

закричалъ на весь домъ. Сбѣжалась его семья, стала звать на помощь. Но учитель былъ уже далеко. Онъ шелъ и думалъ:

— Пусть попробуетъ въ судъ подать! Свидѣтелей не было, я ото всего отопрусь...

Но Николай Петровичъ не разсчиталъ удара. У Бермана вздулась изъ щеки цѣлая подушка. Кромѣ того, еврей отыскалъ постороннихъ свидѣтелей и притянулъ врага въ камеру мирового судьи. Скоро весь уголокъ, что называется, вскипѣлъ. Давно жизнь стыла и кисла, и вдругъ «дѣло Николая Петровича», какъ назвали дамы. Берманъ все выложилъ на судебное блюдечко: притѣсненія учителя его сыну и требованіе взятки, исторію съ головихой и т. д. Николай Петровичъ былъ обвиненъ и отсидѣлъ двѣ недѣли при полиціи. Сейчасъ же послѣ судбища пришла казенная бумага: учителя переводили изъ уголка въ другой городъ...

Поручикъ Шидловскій зашелъ проститься съ пріятелемъ.

— Какъ ваши дѣла? спросилъ онъ.

— Завтра ѣду. А какъ ваши дѣла съ Михалиной?

Поручикъ покрутилъ усъ.

— Вообразите, промямлилъ онъ.—Михалина пропала... Отецъ куда-то ее сплавилъ... Я ждалъ письма, вѣсточки—ничего... Наконецъ, я ходилъ, справлялся на сторонѣ—ни слуху и ни духу... Я ужъ рукой махнулъ.

— Дѣло понятное: замѣтили и упрятали. Бѣдная дура!

— Мнѣ теперь, голубчикъ, не до Михалины, продолжалъ поручикъ, глядя на лампу съ абажуромъ.—Зарѣзали долги съ нашимъ полковникомъ! Вѣроятно, Николай Петровичъ, и меня вслѣдъ за вами турнутъ. Или переводъ, или прямо въ запасъ...

— Вотъ тогда разыщите свою Михалину и живите съ ней на свободѣ.

— До тѣхъ поръ, голубчикъ, она успѣетъ пять разъ замужъ выйти.

— Ну, это едва ли... Евреи такими женами гнушаются. Ей, батенька, теперь одна дорожка...

— Какая? спросилъ поручикъ, блѣднѣя.—Какая дорожка?

— Ахъ, воробушекъ! съ презрѣніемъ протянулъ учитель.—Онъ не понимаетъ! Невинность, подумаешь.

— Ну, что же тутъ я могу сдѣлать, Николай Петровичъ? уныло спросилъ Шидловскій. — Что? Ну, скажите?

Отъ учителя поручикъ пошелъ въ клубъ и въ этотъ вечеръ, увлекшись билліардной игрой, съ азартомъ выкрикивалъ:

— Желтаго въ уголъ! Вотъ у насъ какъ! Съ нами не шутите! Краснаго въ среднюю! Н-да-съ. Московская, батенька, игра.

А учитель тоже недолго помнилъ о Михалинѣ. Онъ собирался уѣзжать, продалъ мебель, упако-

валъ чемоданы и на другой день, сдавъ училищные документы новому учителю, выѣхалъ въ бричкѣ на вокзалъ. Наканунѣ онъ заходилъ къ головихѣ, которая уже отдавала предпочтенiе всегда пьяному акцизному чиновнику Швачкѣ, услыхалъ отъ нея упреки за скандалъ въ судѣ, самъ сказалъ что-то рѣзкое, и такимъ образомъ въ день отъѣзда тащилъ въ глубинѣ души порядочный запасъ желчи и грусти.

На краю уголка, возлѣ старой брамы (ворота) кто-то позвалъ учителя. Николай Петровичъ отвернулъ башлыкъ и увидалъ возлѣ брички Бермана, который, по случаю еврейскаго праздника, гулялъ въ хорьковой шубѣ съ бобровымъ воротникомъ и въ бархатномъ картузѣ съ пуговкой.

— Господинъ учитель, здравствуйте вамъ! сказалъ еврей и оскалилъ желтые зубы.—Подождите, я вамъ что-то хочу сказывать.

— Что такое? сурово спросилъ учитель.

— Я вамъ хотѣлъ говорить про моего Соломона. Вотъ вы его погубить хотѣли, меня обидѣли, а вышло такъ, что вотъ вы уѣзжаете, а мой Соломонъ въ мѣстечкѣ Шпиковѣ на сахарномъ заводѣ бухгалтеромъ служитъ и сорокъ рублей получаетъ въ мѣсяцъ, а будетъ скоро получать восемьдесятъ.

Николай Петровичъ понялъ Бермана и, пристально уставившись на цыплячье лицо еврея съ красными, зараженными трахомой глазами, но полное торжества, выслушалъ и сказалъ съ разстановкой:

— Такъ твой Соломонъ въ Шпиковѣ бухгалтеромъ. Ну, а гдѣ твоя дочка Михалина?

Еврей вздрогнулъ, опустилъ глаза, быстро заморгалъ вѣками и пролепеталъ:

— Она у тетки... въ гостяхъ...

— Пора тебѣ ее замужъ выдавать! Или еще рано? Куда же ты, господинъ Берманъ? Постой! Говоришь, Михалина у тетки? А можетъ быть, у повивальной бабушки?

Берманъ уже ковылялъ по грязному тротуару, присѣдая и по-жидовски сѣменя ногами. Онъ торопился, словно его хотѣли второй разъ побить по щекѣ. А Николай Петровичъ, откинувшись на подушку брички, глядѣлъ вослѣдъ врагу и даже засмѣялся отъ злобнаго наслажденія.

— Ну, теперь, ямщикъ, трогай!

Бричка покатилась по предмѣстью уголка, выѣхала на ухабистое шоссе и стала постепенно подниматься въ гору. Николай Петровичъ оглянулся назадъ и увидалъ свой уголокъ, покрытый сырымъ туманомъ, невзрачный, грязный, словно придавленный къ лощинѣ, маленькій, жалкій...

— Слава Богу! подумалъ учитель.—Наконецъ-то я выкарабкался изъ болота!

Скоро пошелъ мокрый снѣгъ и уголокъ скрылся въ побѣлѣвшемъ пространствѣ; но и самъ учитель и его бричка—тоже потонули въ снѣгу. Только бубенчики еще нѣсколько времени звенѣли съ проѣзжей дороги...

ПОПОВСКОЕ ГОРЕ.

Во всѣхъ комнатахъ разостланы коврики, половички, соломенныя дорожки, рядна; пахнетъ карболовой кислотой и мятой; прислуга ходитъ босикомъ, шепчется. Въ темной спальнѣ, на высокой постели, съ множествомъ подушекъ разной величины, лежитъ больная попадья Александра Іоновна; ея голова обвязана холодными компрессами; возлѣ кровати стоитъ тазъ со льдомъ; на табуреткѣ сидитъ старуха Настя, сельская повитуха, и готовитъ въ стаканѣ кислое питье. День праздничный и ужъ довольно поздно—10 часовъ, только что окончилась обѣдня, слышенъ подъ окнами хохотъ бѣгущихъ ребятишекъ, голоса дѣвокъ и тяжелые шаги мужиковъ.

— Митька! Слышь, Митька-гладкій чортъ! раздается звонкій голосъ кухарки.—Гони свиней-то, не видишь, кабаны въ садъ полѣзли? Митька!!.

— Ахъ, волдырь тебѣ на языкъ! пугается по-

витуха и, выглянувъ изъ спальни, грозитъ пальцемъ въ кухню.—Чего ты ротъ разинула?

— Мотри, мотри, бабка: свинья цвѣты объѣла, каторжная!.. Родимые, да и лошади тутотка!

— Да не ори ты, труба фабричная!

— Матушки вы мои, изъ ума вонъ...

Баба вспоминаетъ про больную хозяйку и, не дождавшись Митьки, сама идетъ, но не въ садъ, а на конюшню, гдѣ возлѣ овса, на недавно скошенной травѣ, спитъ сладкимъ сномъ кучеръ Митька.

— Ты что же это!? накидывается на него кухарка.—Дѣловъ своихъ не знаешь?

— Ну?

— Кони въ садъ забѣгли, рябая форма!

— Ступай ты отседова, пока я тебѣ синякъ не подставилъ... брысь!

— Да ты что, пьянъ, ругатель? Говори, пьянъ?

Но Митька въ отвѣтъ только сопитъ носомъ.

— Пьяница! кричитъ кухарка и возвращается опять на кухню, уже позабывъ, что по саду бродятъ свиньи съ лошадями...

Между тѣмъ, горничная Паранька подаетъ въ столовую нечищенный самоваръ, ставитъ чашки, стаканы, бѣлый и крутой, какъ просвира, хлѣбъ, молочникъ съ молокомъ и свѣжее кольцо колбасы; это — церковная лепта батюшкѣ изъ числа сегодняшнихъ приношеній. Паранька одѣта въ пестрое платье, на головѣ у нея пучокъ яркихъ цвѣтовъ,

и много лентъ вплетено въ рѣденькую косу. Она сама завариваетъ чай, колетъ сахаръ, причемъ нѣсколько кусковъ прячетъ въ пазуху.

— А вотъ я папашѣ скажу! раздается сердитый голосъ, и дѣвочка лѣтъ шести входитъ въ столовую.—Ей-Богу, скажу!

— Что же вы скажете? спрашиваетъ Паранька.

— Что ты сахаръ украла...

— Говорите. А я скажу, что вы лампу разбили, и васъ драть будутъ, какъ, помните, когда вы на вишенью залѣзли и сырыми ягодами объѣлись!

На лицѣ дѣвочки выражается опасеніе. Потомъ она вдругъ ехидно улыбается, что-то соображаетъ и со злостью говоритъ Паранькѣ:

— Говори. А я скажу, что ты меня на лампу толкнула, а я отъ этого локоть порѣзала! Что, съѣла?

— Да говорите, песъ съ вами.

— Дура!

— Отъ дуры слышу! Вотъ какъ возьму васъ за уши...

— Попробуй! Попробуй!!!

Паранька наскакиваетъ на барышню, хочетъ схватить ее за волосы, но та прячется за стулъ и плюется. Въ ту же минуту раздается звонкій подзатыльникъ, и цвѣты Параньки летятъ на полъ. Около горничной стоитъ повитуха и шипитъ:

— Разыгралась, телка?

— Ты что дерешься-то?

— Кто въ горницѣ-то лежитъ, идолъ безчувственный, ась?

— Такъ ты словами скажи, а не...

— Пошла, пошла на куфню! А вамъ, Липочка, стыдно: маменька ваша больная, а вы съ дѣвкой драку затѣяли. Вотъ я сейчасъ отцу Ильѣ скажу...

Липочка стоитъ за стуломъ ни жива, ни мертва: она боится повитухи; кухарка Домаха, Паранька и всѣ деревенскія дѣвчонки сказываютъ, что старая Настя — вѣдьма. Что такое вѣдьма, Липочка вполнѣ не понимаетъ, но отъ этого боится еще пуще.

— Садитесь, я вамъ чаю налью, предлагаетъ Настя.—Вотъ вамъ булка, вотъ молоко... только сидите смирно.

Повитуха наливаетъ чаю, сажаетъ Липу за столъ и, неслышно ступая корявыми босыми ногами, уходитъ къ больной попадьѣ. Въ комнатахъ дѣлается очень тихо. Липа ѣстъ булку и слышитъ, какъ въ спальнѣ глухо стонетъ ея мама. Что такое съ мамой? Папа говорилъ, что у мамы головка болитъ. Что значитъ — болитъ? У Липы никогда головка не болѣла; правда, разъ она ушиблась о дверь, но это очень скоро прошло, только синякъ на лбу виднѣлся дня четыре...

— Папа! вдругъ взвизгиваетъ она, видя передъ собой тихо вошедшаго отца.

— Господи помилуй, молится о. Илья въ пе-

редній уголъ и затѣмъ, поставивъ круглую просвиру на столъ съ вынутой частицей о здравіи, подходитъ къ дочкѣ.

— Ну, здравствуй, Липа! Богъ милости прислалъ... Ты-то была ли въ храмѣ?

— Была, папа, я съ Аришкой стояла.

— Ну, вотъ и хорошо, это умно, дѣвочка...

О. Илья—небольшого роста блондинъ лѣтъ 32, съ бородкой, худощавый, съ какимъ-то испуганнымъ, выжидательнымъ лицомъ и приподнятыми бровями — мнется возлѣ стола, косится на дверь въ спальню и кашляетъ въ ладонь.

— Ну, Липа... какъ тамъ, не знаешь?

— Что, папа?

— Мама наша какъ?

— Она спитъ, папочка.

О. Илья вздыхаетъ, беретъ стаканъ и подходитъ къ самовару, который уже успѣлъ сбѣжать и залить весь подносъ.

— Грѣхи наши! опять вздыхаетъ о. Илья.— Ты, дѣвочка, не сиди много въ комнатахъ, а лучше гуляй... Проходку себѣ дѣлай, цвѣты съ Парашкой поли.

— Она, папочка, ругается.

— Ругается? Какъ такъ? Съ чего?

— И даже меня хотѣла за уши трепать.

— Ахъ, дерзкая! Надо ей внушить... Можетъ быть, ты сама первая съ ней сварку начала?

— Нѣтъ, папочка, ей-Богу, нѣтъ!

— А божба ради какой пользы? Не божись, дочка, это великій грѣхъ. Буди твое слово — да или нѣтъ, а божиться не слѣдуетъ. И съ прислугой ты не ссорься. Что хорошаго, ежели ты постоянно съ жалобами будешь ко мнѣ приходить. Ну, что, что, Настасья? Какъ тамъ у васъ?

Послѣднія слова батюшки обращены къ вошедшей повитухѣ. Лицо старухи озабочено.

— Мечется... говоритъ она, кивая на спальню.

Отъ одного этого слова о. Илья блѣднѣетъ, моргаетъ глазами, заикается.

— Мо... можетъ быть, переломъ? Какъ скажешь, а?

— Кто его знаетъ, батюшка. Ровно жаръ-то сильнѣй наддалъ. Взгляните.

О. Илья вскакиваетъ, торопливо запахиваетъ рясу и спѣшитъ на цыпочкахъ за старухой.

— А ты, Липа, въ садикъ поди... говоритъ онъ дочери.—Слышишь, поди, порѣзвись...

— Я тоже къ мамѣ хочу...

— Ни-ни-ни! Нельзя, дѣвочка. Мамаша нездорова...

— Я потихонечку...

— Нѣтъ, Липа! Ступай въ садикъ. А къ мамѣ мы скоро вмѣстѣ... ступай себѣ...

О. Илья осторожно проходитъ въ темную спальню, гдѣ лежитъ Александра Іоновна. Онъ видитъ и не узнаетъ лица жены. Оно искажено, красно, безсмысленно; глаза совсѣмъ чужіе — широко откры-

тые, никого не узнающіе; черные волосы выбились на лобъ изъ-подъ пузыря со льдомъ. Больная стонетъ, скрипитъ зубами, ворочается на постели, подноситъ къ лицу руки, бредитъ... У Александры Іоновны, должно быть, тифъ... О. Илья всѣ лечебники переглядѣлъ, покуда за докторомъ послалъ. Былъ и докторъ. Велѣлъ класть ледъ, сдѣлать ванну.

— Что съ женой, докторъ?

— Сыпной тифъ, кажется... Только вы не волнуйтесь, батюшка. Богъ милостивъ... Я завтра опять буду. Пожалуйста, не безпокойтесь.

О. Илья не можетъ не безпокоиться. Мало того, онъ малодушествуетъ. Семь лѣтъ онъ выжилъ съ своей попадьей въ мирѣ, въ любви, въ добромъ согласіи. Что, ежели она умретъ? Но это невозможно! Господь не допуститъ такого ужаснаго несчастія, такой казни! Нѣтъ, нѣтъ! Этого не можетъ быть! О. Ильѣ это представляется немыслимымъ. Но почему же, однако, немыслимымъ? Сколько своихъ прихожанъ похоронилъ о. Илья? Сколько молодыхъ крестьянскихъ женъ проводилъ онъ съ кадиломъ на кладбище? Сколько горькихъ слезъ онъ видѣлъ пролитыми на могилы? Вотъ и его чередъ—плакать на могилѣ. Господи, но какъ рано-то! Больной всего 26 лѣтъ. Онъ и самъ еще молодой человѣкъ. Они любятъ другъ друга. Они и поженились-то по любви, что рѣдко бываетъ въ ихъ быту. Господи, за что же эта чаша!

— Боже правый! молился о. Илья передъ алта-

ремъ.—Спаси ее! Грѣшникъ я, празднословъ, человѣкъ забывшійся! Я виноватъ, Господи. Я молюсь Тебѣ—и сознаю, что только теперь я истинно молюсь! Не текли такъ мои слезы о ближнихъ, не скорбѣла такъ моя душа за мою паству, какъ плачу и скорблю я теперь о своей бѣдѣ! Горе мнѣ, малодушному рабу, ничтожному, прилѣпившемуся всѣмъ сердцемъ къ земному! Нѣтъ воли у меня, нѣтъ силы, нѣтъ мужества! Я упалъ духомъ, обнищалъ, затмился! Не оттолкни меня, Милосердый! Знаю, что не за что мнѣ ждать великія милости, но ради младенца моего пощади мать! О, Заступница всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ, Матерь Божія, чистая Дѣва, нашъ покровъ пресвятой! Молю Тебя, сжалься!

И онъ склонялся во прахъ передъ престоломъ, цѣлуя холодный коверъ и обливая себѣ руки слезами...

Вотъ ужъ недѣлю лежитъ Александра Іоновна, но надежды все еще нѣтъ. Докторъ ѣздитъ, утѣшаетъ, а на сердцѣ бѣднаго іерея растетъ камень. Недѣля одна прошла, а ужъ на всемъ сказывается отсутствіе хозяйки. Прислуга ничего не дѣлаетъ, домъ не выметенъ, грязенъ, мебель въ пыли, обѣдъ плохой, птица, свиньи, стадо и прочая живность не въ порядкѣ, огородъ заброшенъ, припасы въ кладовой расходуются зря, денегъ выходитъ больше, лошади стоятъ безъ овса, кучеръ пьянствуетъ, и даже шестилѣтняя Липа бѣгаетъ безъ дѣла, не

учится, заводить знакомство съ деревенскими озарницами и ходить неумытая, въ разорванномъ платьицѣ...

И это—въ одну недѣлю!

— Господи, что же это?! думаетъ о. Илья.

Онъ замѣчаетъ, что въ домашней жизни все врозь поѣхало, что на него и его хозяйство во всѣ окна глядитъ сѣрое горе, глядитъ оно и на его милую дѣвочку...

— Саша, моя ненаглядная жена! думаетъ онъ у постели больной.—Встань, встряхнись, покинь эту хворобу, улыбнись намъ, какъ прежде, успокой ты мою душу... Господи помилуй, Господи помилуй...

Онъ ломаетъ руки и тихо плачетъ у изголовья.

— Подите, о. Илья, отдохните, совѣтуетъ повитуха.—Вы себѣ зло сдѣлаете. Нешто можно недѣлю не спамши... Сами этакъ заболѣете...

О. Илья запахиваетъ рясу и торопится къ себѣ въ рабочую комнату. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, усталъ, обезсилѣлъ. Глаза его опухли отъ слезъ и безсонницы, лицо выглядитъ похудѣвшимъ, больнымъ.

— Батюшка! слышитъ онъ зовъ Параньки.— Трохимъ съ кумовьями пришли, младенца крестить.

О. Илья срывается съ дивана, на которомъ ужъ было прикорнулъ, беретъ со стола ящикъ съ крестомъ и мvромъ, беретъ эпитрахиль и рясу, похожую болѣе на тряпицу съ блестками мишуры, и

идетъ въ кухню. Тамъ ужъ попискиваетъ что-то живое на рукахъ у толстой, краснощекой бабы. Въ кухню набились кумовья, бабы. Паранька уже поставила мѣдный тазикъ, дьячокъ Игнатій раздуваетъ кадило и учитъ кумовьевъ, какъ стоять. О. Илья зажигаетъ три желтаго воску свѣчки, прилѣпляетъ ихъ къ тазу, надѣваетъ ветхое облаченіе, беретъ служебную книгу и начинаетъ совершать таинство...

Въ кухнѣ дѣлается очень тихо, только пищатъ и бѣгаютъ среди ногъ цыплята, съ трескомъ горитъ въ печи хворостъ и шипитъ вода въ котелкѣ. Какой-то бродяга-кабанъ пробуетъ засунуть круглый носъ въ кухню, но уже явившаяся изъ сада Липочка гонитъ его вѣникомъ...

— Крещается рабъ Божій Митрофанъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа! говоритъ о. Илья, поднимая и погружая въ воду темно-краснаго, орущаго на весь домъ ребенка.

О. Илья читаетъ слова молитвы, а думы его, сердце, весь онъ—влиты въ одну безпредѣльную, горячую просьбу...

— Батюшка, батюшка... раздается вокругъ него шопотъ.

Въ дверяхъ стоитъ Настасья и манитъ его рукой! О. Илья холодѣетъ отъ ужасной мысли, отъ этого шопота, отъ вида манящей его руки, — но дѣлаетъ знакъ и продолжаетъ крещеніе. Но только оно кончено, бѣдный священникъ, едва снявъ рясу

и отдавъ ее дьячку, бѣжитъ за Настей въ спальню. Вся прислуга и кумовья шепчутся и качаютъ головами. Одна Липа ловитъ котенка и начинаетъ съ нимъ играть. И вдругъ изъ спальни доносится громкій вопль, и что-то глухо ударяется объ полъ. Всѣ бѣгутъ изъ кухни, а за прислугой и Липа съ котенкомъ на рукахъ.

— Охъ! Саша! Ангелъ ты мой!! кричитъ о. Илья, стоя на колѣняхъ и колотясь головой о кровать.— Саша!!

Повитуха и дьячокъ берутъ батюшку подъ мышки и пробуютъ отвести отъ кровати. Но онъ не дается и плачетъ тонкимъ, женскимъ голосомъ, иногда переходящимъ въ хрипѣніе. Плачетъ кухарка, Настя, Паранька, бабы. Липа видитъ общія слезы и начинаетъ тоже хныкать...

Но вотъ о. Илью выводятъ изъ спальни и даютъ ему выпить воды. Онъ рветъ себѣ волосы, онъ хочетъ снова идти въ спальню, шатается, какъ пьяный или больной человѣкъ.

— Липа! вскрикиваетъ онъ, увидя дочку.—Липа!

Настя подталкиваетъ къ нему дѣвочку, и о. Илья цѣлуетъ плачущую Липу...

— Одни мы съ тобой... крошка моя! еле выговариваетъ о. Илья и, обезсилѣвъ, падаетъ на скамейку.—Господи! Да будетъ Твоя святая воля...

Полжизни умерло у о. Ильи.

УТРО ПЕРВОЙ ВАЖНОСТИ.

(Пам. Л.).

— Ахъ, ты, Господи! Да неужели еще самоваръ не подогрѣли?

— Угольевъ въ печкѣ нѣтъ.

— Пустите, я подую въ печку... Какъ нѣтъ угольевъ?! А сзади-то, вонъ они... Катя, дай кочережку!

— Возьми самъ, я корытце уставляю...

— Мама, Алексаша спитъ?

— Нѣтъ, проснулся...

— Проснулся!? Катя, готовь тазикъ... Батюшки мои, самоваришка-то совсѣмъ еще холодный... Ффу-фу-ф-у! Гдѣ щипцы!? Ахъ Господи,—десять часовъ!!

— Да что ты кричишь? Уходилъ бы лучше... Мы безъ тебя Сашу вымоемъ.

— Ну, ужъ это извините. Безъ меня вы такъ не вымоете...

Два раза въ недѣлю, въ четвергъ и въ воскре-

сенье, у Колобковыхъ бываютъ суетливыя, огромной важности утра. Особенно въ воскресенье, когда дома молодой хозяинъ квартиры, Иванъ Семеновичъ Колобковъ. Топится усиленно печка, ставится самоваръ, приготовляется средней величины корыто (за неимѣніемъ ванны), въ корыто кладется подушка изъ лоскутьевъ и простыня. Жена Колобкова, бѣлокурая Катя, наливаетъ въ корыто воду, а Колобковъ съ другой стороны готовитъ каменный тазикъ съ губкой и мочалкой. Оба пробуютъ воду руками и всегда спорятъ:

— Еще горяченькой.

— Куда же еще-то? Ты его сваришь.

— Помилуй, Катя, онъ замерзнетъ... вотъ попробуй здѣсь... Ну, что?

— Горячая.

— Холодная... ну, хоть капельку прибавь...

— Ваня, ей-Богу, я тебя протурю!

— Ну, ужъ это вы извините.

— То-ли дѣло въ четвергъ безъ тебя, тихо, великолѣпно...

— То-то въ четвергъ прихожу со службы, взглянулъ — Санька черный, какъ арабъ!

— Слышите! Черный! Да онъ всегда бѣленькій, какъ зайчикъ... Ты вотъ поди да догадайся самоваръ долить. Въ одну минуту распаяется...

— Сейчасъ долью. Мамаша! Да несите его, несите! Вода стынетъ!

— Ничего не стынетъ, какъ разъ.

Наконецъ, дверь изъ маленькой дѣтской (вся квартира Колобковыхъ состоитъ изъ трехъ клѣткообразныхъ комнатъ), отворяется, и мать Колобкова, Марья Васильевна, съ величайшей осторожностью выноситъ виновника всей утренней кутермы—годовалаго мальчика Сашу съ уморительнымъ носомъ, свѣтлыми глазенками, толстаго и веселаго.

— Тля-тля! кричитъ онъ, махая обѣими руками.—А-тя-тя! В-в-ва!!

— А, мое почтеніе! Здравствуйте, Александръ Ивановичъ! раскланивается Колобковъ, не въ силахъ будучи скрыть сіяющаго удовольствія.—Какъ почивали, милостивый государь?

— Тля-тля!

— Саничка! Котенокъ! Толстикъ! говоритъ, тоже просіявъ, Катя.—Ахъ, ты мой бѣлый мальчикъ. А еще ты его арабомъ назвалъ?! Мама, вы слышали?

— То есть, онъ отъ природы бѣлый, говорилъ Колобковъ.—Но былъ въ грязи... слой грязи превратилъ его въ трубочиста.

Марья Васильевна пробуетъ рукой воду.

— Не правда ли, холодна? бросается къ корыту Иванъ Семеновичъ.

— Что ты, съума сошелъ!? изумляется Марья Васильевна.—Еще холодной воды прибавить надо по-моему...

— Я тебѣ говорила! Я тебѣ говорила! торжествуетъ Катя и льетъ воды.

Приступаютъ къ главному: съ бѣленькаго, большеголоваго Саши снимаютъ нагрудникъ, рубашку верхнюю изъ розоваго ситца и, наконецъ, рубашку нижнюю, бѣлую полотняную. Мать и бабушка обѣ несутъ его къ корытцу, которое поставлено на двухъ стульяхъ недалеко отъ голландки, и сажаютъ мальчика въ теплую воду.

— Не бойся, не бойся! Тюкъ-тюкъ-тюкъ! кричитъ ему Иванъ Семеновичъ, усердно намыливая мочалку.—Не робѣй! Учись плавать.

Но Саша, какъ видно, привыкъ къ водѣ или ужъ отъ природы храбраго десятка. Онъ начинаетъ хлопать ладошками по краямъ корыта, брызгается и пронзительно пищитъ свое: «тля-тля!» Это отнюдь не плачъ, а полнѣйшее удовольствіе. Онъ охотно позволяетъ мамашѣ тереть себѣ спинку, вытирать мыльной губкой подъ мышками и вообще ведетъ себя исправно. Бабушка моетъ ему ножки, мать—ручки (поочередно, обѣ сразу онъ не даетъ), а отецъ поливаетъ изъ большой губки цѣлые фонтаны на Сашино—весьма солидное—брюшко. Сначала купанье идетъ прекрасно. И вдругъ дѣлается переполохъ. Саша ловитъ въ водѣ какую-то тряпочку, вѣроятно, частицу своей подушки изъ лоскутьевъ,—и моментально хватаетъ эту тряпочку въ ротъ.

— Ѣстъ, ѣстъ! вскрикиваетъ, замѣтивъ проказу сына, Колобковъ.—Вынимайте ее!

— Что? Кто?

— Тряпку съѣлъ!

Катя улавливаетъ кончикъ лоскута и хочетъ вынуть его изо рта Саши. Но послѣдній крѣпко сжимаетъ молочные зубы и не отдаетъ. А когда видитъ, что сила солому ломитъ, въ одну секунду дѣлается краснымъ, превращается въ сморщенное печеное яблоко и неистово верезжитъ на всю квартиру:

— А-ля-ля-а-а-а!!!

Это ужъ въ серьезъ.

— Саничка! Крошка! Зайчикъ! сыплются уговоры.— Перестань, не плачь! Тра-та-та, тра-та-та.

— Тюкъ-тюкъ! Щелкъ-щелкъ! хлопаетъ пальцами Иванъ Семеновичъ.—Смотри, огонь въ печкѣ! Огоняшка! Мяу-мяу!

При этомъ онъ выжимаетъ надъ Сашей губку и гладитъ его по спинкѣ. Сашѣ все трынъ-трава, кромѣ отнятой тряпочки, но его занимаетъ огонь, извѣстный ему подъ названіемъ «огоняшки». Вообще у Саши на многіе предметы свои названія. Часы—тюкъ-тюкъ, молочная каша—пля, мячикъ—мокотикъ и т. п. Онъ смотритъ въ печурку и слѣдитъ, какъ бѣгаютъ искры. А тѣмъ временемъ папенька ужъ мылитъ ему головку. Головка у Саши слегка покрыта дѣтскимъ цвѣтомъ, и треніе по головкѣ очень нравится. Онъ хлопаетъ по водѣ руками, пронзительно пищитъ свое «тля-тля!» и... тряпочка забыта до новой встрѣчи.

— Осторожнѣе, Ваня! совѣтуетъ Колобкову мать.

— Смотри, чтобы въ глаза не попало! вторитъ Катя.

— Ахъ, да не учите вы меня, ради Христа! сердится Иванъ Семеновичъ.— Въ первый разъ я, что ли...

— А кто въ прошлое воскресенье его мочалкой съ мыломъ накормилъ?

— Кто накормилъ?

— Да?

— Никто не накормилъ... Не выдумывайте Богъ знаетъ что...

— А еще ты тоже ему головку мылилъ и носъ расшибъ?

— Такъ это у меня рука сорвалась. Меня, кажется, тогда маменька подтолкнула...

— Не ври, не ври, голубчикъ!

— Что выдумалъ! Никто тебя не подталкивалъ, а просто ты неуклюжій такой... И въ танцахъ неуклюжій, и здѣсь...

— Ну, ужъ это вы извините...

— Да тише ты его... смотри, мыло въ носъ полѣзло!

— Рѣшительно нигдѣ не полѣзло... Подайте воды! Катя, живѣй!

— Несу, несу... такъ и есть!

Пронзительный визгъ Саши, визгъ «въ серьезъ», далъ понять истину: оба глаза мальчика скрылись подъ мыльной пѣной.

— Отойди отъ корытца! вскипѣла на мужа Катя.—Отойди!

— Дай мнѣ, я самъ...

— Ваня, уйди!

Марья Васильевна схватила сына за руку и отвела отъ корыта.

— Грѣй молоко! сказала она.—Мы и безъ тебя домоемъ.

Иванъ Семеновичъ, разсерженный и смущенный, отходитъ къ столику, беретъ кувшинъ съ молокомъ и наливаетъ его въ бутылочку изъ-подъ водки, на горлышко которой насажена гуттаперчевая соска. Затѣмъ онъ, ворча и оглядываясь на женщинъ, ставитъ бутылочку въ кружку съ кипяткомъ и говоритъ:

— Наше молоко готово, а вотъ ваше мытье, должно быть, до второго пришествія не кончится!

— И мы готовы! откликивается весело Катя.— Вотъ мы ужъ и сухенькіе...

Саша вынутъ изъ корытца, обтертъ простынкой и положенъ навзничь на подушку. Тутъ бабушка дѣлаетъ съ нимъ нѣчто секретное: именно — присыпаетъ подъ мышечками и подъ колѣнками желтымъ порошкомъ. Порошокъ мягокъ и мелокъ, какъ пыль, но Саша чѣмъ-то недоволенъ и жалобно попискиваетъ:

— А-т-тя-а! А-вля-пля-тля!

Но Катя великолѣпно понимаетъ это нарѣчіе.

— Онъ ужъ молочка захотѣлъ! Ваня, гдѣ же твое молоко?

Колобковъ пробуетъ изъ бутылочки и качаетъ головой.

— Должно быть, въ квартирѣ холодно... бормочетъ онъ подъ носъ.—Никакъ не согрѣется молоко...

— А еще хвалился, что готово! Мы-то вотъ ужъ въ рубашечкѣ! Пристыдили мы, Саша, папу, отлично пристыдили!

— Удивительно пристыдили... А постелька переложена?

— А ты думалъ, нѣтъ?

Но вотъ и молоко согрѣто.

Сашу кладутъ въ корзинку, замѣняющую кроватку, укрываютъ одѣяльцемъ и начинаютъ поить теплымъ молокомъ. Въ чепчикѣ, бѣленькій, пухлый, онъ совсѣмъ похожъ на дѣвочку. Но отецъ находитъ, что у Саши замѣчательно-мужественное и умное лицо... Еще нѣсколько минутъ, и Саша сладко засыпаетъ, высосавъ до капли порцію своего напитка.

— Убираться, убираться! шепчетъ Катя.—Скоро Горѣловы къ намъ придутъ на блины. Сливай воду, Ваня!

— Знаю, знаю, не командуй... ворчитъ все еще недовольный Ваня.

Марья Васильевна ужъ въ кухнѣ и стряпаетъ

тамъ блины. Катя прибираетъ тряпки, губки, мыло, мететъ полъ и вытираетъ мокрые стулья.

Иванъ Семеновичъ осторожно сливаетъ мыльную воду въ большое ведро и выноситъ его съ корытцемъ на кухню. Скоро всѣ три комнаты прибраны, и хотя онѣ глядятъ довольно неказисто, но кажутся хозяевамъ прелестными. Еще бы не казаться: хозяева молодые, любятъ другъ друга, сейчасъ будутъ ѣсть блины съ семгой (Колобковъ для праздника разорился на цѣлыхъ 3 рубля!), сейчасъ къ нимъ придутъ Горѣловы — отличнѣйшіе ихъ знакомые, изъ кухни такъ вкусно пахнетъ, на улицѣ свѣтитъ солнце, а тутъ еще кстати въ корзинкѣ спитъ и улыбается маленькій, бѣлый бутузикъ... Славное утро, ей-Богу!

ВЪ ЛѢСУ.

Въ лѣсу была тихая и безлунная ночь. Деревья спали. Вѣтви плакучей березы опускались, какъ черныя змѣи, съ верхушки дерева къ самымъ корнямъ. Старые дубы походили на чудовищныхъ людей или на неподвижныхъ, громадныхъ птицъ. Каждый кустъ принялъ иную, странную форму. Все потемнѣло, притаилось, замерло. Тѣмъ не менѣе, заснувшій лѣсъ былъ полонъ звуковъ — особенныхъ, едва уловимыхъ, нѣжныхъ и разнообразныхъ. То чуть внятно звенѣлъ по стволамъ прямыхъ сосенъ падающій сучокъ, то пѣла ночная птица, то вдругъ что-то вздыхало и мягкимъ эхомъ разносилось во всѣ стороны. Даже когда обрывался съ высокой вѣтки красный отжившій листъ, — ухо могло разобрать его печальное шуршанье, его послѣднее тихое прости зеленымъ братьямъ... Большія летучія мыши угловато летали по воздуху и ударялись о кусты. Повременамъ дулъ вѣтеръ —

и глухой говоръ поднимался вверху лѣса, но сейчасъ же и падалъ, сонный и обезсиленный.

Въ глуши, среди бурелома и ямъ, похожихъ на старыя медвѣжьи берлоги, краснѣла яркая точка. Она, какъ трепетная звѣздочка или мигающая лампадка, пронизывала тьму и далеко давала о себѣ знать. Она вспыхивала, гасла, снова загоралась, и шагахъ въ десяти можно было разсмотрѣть, что это горитъ костеръ. Дѣйствительно, какая-то черная фигура подкладывала хворостъ, а двѣ другія фигуры сидѣли у огня, обнявъ руками колѣна и опустивъ головы. Обѣ фигуры дремали, а третья—по всѣмъ признакамъ баба—доставала изъ мѣшка что-то и совала въ горячую золу. Всѣ трое молчали; наконецъ, одна фигура, одѣтая въ оборванную поддевку, но безъ рубашки и босая, потянулась, подняла цыганскую голову съ черными усами, сверкнула огромными бѣлками глазъ и проговорила:

— Никакъ печешь, бабушка?

— Пеку, родимый. Полѣзла въ торбу—анъ тамъ съ десятокъ картофелинъ... Слава тебѣ, Господи, батюшка!

— Дѣло, бабка. А я, признаться, весь день не жралъ. Слышишь, сударь! Ваше благородіе? Старуха картошкой потчуетъ. Поклюешь?

Третья фигура взглянула на говорившаго и не поняла, въ чемъ дѣло.

— Идутъ? тревожно спросила она, озираясь.

— Типунъ тебѣ на языкъ! Вишь, заспался. Картофелю, говорю, бабка въ торбѣ нашла. Сейчасъ ѣсть будемъ... Готово, что ли, бабуня?

И цыганское лицо вытащило одну картошку изъ-подъ угольевъ и потыкало ее пальцемъ.

— Кажись, не упеклась? Ну, да ладно. Намъ и это по зубамъ. Ѣшь, баринъ. Эхъ, ма! Соли нѣтъ, съ души претъ...

— Есть у меня щепотка, есть, касатикъ, сказала старуха и опять полѣзла въ мѣшокъ.

— Ай-да старушка, Божій даръ! воскликнуло цыганское лицо. Съ ней нашему брату лучше, какъ съ молодухой. Пошли тебѣ Богъ женишка хорошаго!

— Балагуръ ты, парень... На̀ соль-то.

— Спасибо. Теперь одно: шкаликъ бы водочки — и я съ исправникомъ вровень!

— Вишь чего захотѣлъ! Напейся водицы, ежели кишки горятъ.

— Горятъ не горятъ, а какъ будто посасываютъ... Ну, да наплевать. Пущай сосутъ, песъ съ ними. Становому жалиться не пойдутъ. Важная картошка!

— А ты лобъ-то перекрести, отчаянный. За Божью пищею берешься, такъ...

— Ладно, помалкивай, бабуся. Эй, бариновъ! Чего пріуныль? Можетъ, и у тебя нутро сиволдайчику требоваетъ? Ау, братъ. Кабака здѣсь, на нашу бѣду, нѣтути, построить не догадались. Баринъ!

Третья фигура очнулась отъ дремоты и встала. Это былъ среднихъ лѣтъ человѣкъ въ рваномъ пальтишкѣ и въ опоркахъ. Одно ухо у него закрывалось повязкой, лицо было выпачкано въ грязи, а фуражка съ половиной козырька прятала всю его небольшую голову. Оборванецъ съ цыганскимъ лицомъ посмотрѣлъ на него и покатился со смѣху.

— Вотъ такъ переплетъ! воскликнулъ онъ.—Теперь тебя, баринъ, ни одинъ чортъ не узнаетъ. Ты теперь на манеръ пропоицы, изъ стрюцкихъ. Эва, рожа-то! Зеркала нѣтъ, а то самъ бы лопнулъ... А кто этому причиной? Все я!

— Спасибо, пробормоталъ баринъ.— Куда мы пойдемъ?

— Покеда вонъ за эти кустики, чтобы храпунца задать. А съ разсвѣтомъ на ноги—и пошла Андревна. Тебѣ куда надо-то?

— Самъ не знаю...

— Намъ, значитъ, по дорогѣ. Мы тоже не доходя прошедшаго трафимъ. Ты изъ пересыльной убёгъ?

— Изъ седьмой камеры...

— Ага. Понимаю. Изъ одиночной клѣточки. За какія художества попалъ?

Баринъ не отвѣчалъ.

— Фальшивыя бумажки дѣлалъ? Али, можетъ, укралъ незадачливо? Чего молчишь. Не церемонься. Мы тебѣ тоже по работѣ товарищи. Я лошадей тихимъ манеромъ пріобрѣтаю, гдѣ что плохо лежитъ

за компанію прихватываю... Ну, тоже и насчетъ грабежу на руки охулки не положу. И завтра я, другъ любезный, чисть бы выходилъ, одно меня дорѣзало: пашпорту нѣтути...

— Гдѣ-жъ онъ у тебя, сынокъ? спросила внимательно слушавшая старуха.

— Въ Архангельской губерніи, маменька, остался.

— Ты, значитъ, изъ бѣглыхъ?

— Такъ точно. Иванъ, Ивановъ сынъ, Непомнящій. Одначе, добрые люди завсегда Андреемъ Прохоровымъ кликали. А тебя, баринъ, какъ звать-то? Не таись, чего тутъ...

— Константинъ Петровичъ.

— Вотъ и чудесно. Поймаютъ ежели — сейчасъ отвѣтъ: старушка Божья Фекла съ двумя сыночками Андрюшкой, да Косенкиномъ. И больше никакихъ.

— Я тебѣ дамъ Феклу, озарникъ. Меня Василисой Наумовной зовутъ. Не овца безъ имени.

— Расчудесно. Мы такъ и запишемъ. Ты знаешь, баринъ, вѣдь меня Василиса Наумовна на умъ-разумъ наставила. Ей-Богу! Мы тоже въ пересыльной сидѣли. Въ больницѣ я съ ней снюхался, она и говоритъ:

— За кухней, парень, заборъ не плотенъ. Хошь, укажу.

— Идемъ, говорю.

— Только и меня бери съ собой, старуху.

— Ладно, говорю. — Вотъ и дернули. И ее не

обидѣлъ, прихватилъ. Андрюшка Цѣпуновъ товарищей отродясь не обдувалъ. Вотъ и тебя въ арестантскомъ балахонѣ встрѣтили, сейчасъ въ знакомомъ мѣстѣ обмѣнку сварганили и человѣка преобразили. Теперь ходи смѣло, признать нельзя. А то башка бритая, кожа бѣлая. Нешто можно такъ бѣгать? Мы съ бабушкой сразу себя на другой манеръ перекинули... Да, слышь, Василиса Наумовна: тебя-то за что на старости лѣтъ въ каменный сарай ухряли?

— Эхъ, Андреюшка! Вѣрь ты мнѣ, не вѣрь, безъ вины сижу. Оно правда, опосля перваго разу, какъ я бѣгала...

— Эге! Ты ужъ не впервой, значитъ?

— Считай, парень, въ четвертый. Такъ вотъ, говорю, опосля перваго разу воровала я съ голодухи, гдѣ курицу, гдѣ холстину, гдѣ что... И ловили меня, и били меня, и въ тюрьму сажали... Три раза бѣгала, Христовымъ именемъ питалась, вотъ и теперь придется съ ручкой идти...

— Да за что тебя взяли-то?

— По подозрѣнію, голубчикъ. Мужъ у меня чумой померъ, а родня и донеси, будто я извела... Понаѣхали свѣтлыя пуговицы, затормошили меня, затаскали, горшокъ съ варевомъ нашли, могилу раскопали... И такое постановили, что я мужа отравила. А я сейчасъ на плаху пойду, что нѣтъ. Не я это сдѣлала, и варева никакого не варила... Одначе, уликовъ на меня было много, а чтобы

оправдаться—разума не нашла. Такимъ манеромъ, парень, дѣло мое скопытилось. Двадцать годовъ мыкаюсь, бродягой шатающей шатаюсь, на родимое село взглянуть не могу. Слышь, дочка у меня осталась, по седьмому году, Аннушкой звать... Мужнина родня взяла на воспитаніе. И недавно я по сосѣдству бродила, справки навела. Дочь-то, слышь, замужъ вышла, живетъ хорошо, сытно, двухъ ребятокъ имѣетъ. А мнѣ на внучковъ и поглядѣть невозможно, головенки имъ расчесать единый разъ не придется, ласки родной оказать нельзя, пѣсенку не пропѣть, сказочку не сказать... Божья воля, крестъ Господень, касатикъ! Терплю, горе горькое терплю, а роптать удерживаюсь. Потому, родимый, помирать-то всѣ будемъ... Охъ, грѣхи тяжкіе!

Старуха замолчала. Много скорби слышалось въ этихъ словахъ. Оборванный и грязный баринъ сидѣлъ на травѣ, закрывъ лицо руками. Андрюшка Цѣпуновъ тоже, видимо, былъ тронутъ, но впечатлѣнія у него мѣнялись быстро.

— Плюнь и разотри ногой, бабушка! сказалъ онъ помолчавъ.—Легко ли, изъ-за внучатовъ тоску разводить. Одно тебѣ обидно, что задарма по острогамъ тебя волочили... Ну, что-жъ! Такое, значитъ, твое счастье, старая! А роптать, это, вѣрно, большой грѣхъ. Потому—планида. Таланъ-доля. Ничего не подѣлаешь.

— То-то и есть. Не въ томъ виноватъ человѣкъ, значитъ въ другомъ дыра протерлась. Не я мужа

извела — злые люди. Но и за мной есть грѣхъ. Не одержала я женской вѣрности, съ кузнецомъ нашего села путалась... И его-то, сердечнаго, со мной замаяли... Тоже въ тюрьму попалъ. Корешки къ нему въ кузницу подбросили, тѣ самые, изъ какихъ варево съ ядомъ наварили...

— Вишь ты! Дѣла... Баринъ, ты что это?

Баринъ сидѣлъ и плакалъ. Началъ онъ тихо, потомъ плачъ его перешелъ въ истерику. Старуха достала остродонный бурачокъ, Андрюшка сбѣгалъ за кусты, зачерпнулъ воды изъ болотнаго ручейка и далъ барину напиться.

— Чего ревешь? удивленно спрашивалъ Цѣпуновъ.—Али захворалъ?

— Вишь, ему, сердягѣ, взгрустнулось! замѣтила Василиса Наумовна. — Тоже, небойсь, не сласть. Мы съ тобой привычны въ ямахъ лежать, а господамъ въ диковинку.

— Пущай привыкаетъ! Ау, братъ! Господинъ-то въ окружномъ судѣ остался, въ лѣсу бродяга лежитъ. Слезы не помогутъ. Не мужчинское это дѣло—слюни пущать.

— Не трожь его... погоди, сказала тихо старуха. — Выплачется — спать захочетъ. Сномъ его мысля-то и перейдетъ...

Баринъ лежалъ и, пряча лицо въ травѣ и ладоняхъ, продолжалъ громко рыдать. Потомъ, напившись въ другой разъ, онъ сталъ умывать лицо.

— Что ты, что ты! всполошился Андрюшка.—

Не моги... Я тебя замалевалъ, а ты свою личность выказываешь...

Но баринъ не слушалъ. Смывъ грязь, онъ утерся ладонями и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Тяжело мнѣ...

— А вы Богу помолитесь, господинъ хорошій... Авось отъ сердца и отойдетъ.

— Вѣрно, подтвердилъ Цѣпуновъ.—А вотъ ужо мы въ знакомое село придемъ, я полштофикъ раздобуду, выпьешь—совсѣмъ туманомъ твое горе пройдетъ. Ты говори, что сдѣлалъ, зачѣмъ въ тюрьму вляпался? Убилъ кого грѣшнымъ манеромъ?

— Векселя фальшивые далъ... понимаешь, такія росписки съ чужой фамиліей...

— Понимаемъ въ лучшемъ видѣ.

— Завертѣла меня жизнь... заѣли долги... Растратилъ казенныя деньги... думалъ поправиться, векселя выдалъ, а тутъ вдругъ узнали...

— И на цугундеръ?

— Присудили въ Сибирь на поселеніе...

— Поди, жена и ребятенки есть? спросила старуха.

— Есть жена... молодая...

— Жена, что. Жена—плевать! рѣшительно заявилъ Андрюшка. — Отъ хорошей жизни господской въ Сибирь иттить, это точно скверно. А молодая жена—лишняя сухота. Не хнычь, баринъ. Завернешь со мной въ одно село, я тебѣ десять женъ достану... Только ты сознавайся: хочешь ко мнѣ въ товарищи, ай нѣтъ?

— Куда?

— Въ товарищи пойдешь? Ужъ одна тебѣ, братъ, дорога — чужой карманъ. Насъ съ тобой, безпашпортныхъ въ услуженіе не возьмутъ, въ работу тяжелую ты непривыченъ, значитъ судьба твоя быть мазурикомъ. Вонъ старухѣ нашей счастье: стала себѣ на трахту али подъ церковью, протянула граблю, заскулила, — сейчасъ ей кто грошъ, кто копѣйку, а кто, сердцемъ непаршавый, и цѣлый пятакъ! Живи не хочу, знай лишь уряднику не попадайся. А встрѣнется — такъ за двугривенный на всѣ четыре стороны выпуститъ. А мы, другъ единственный, ежели на паперть станемъ, всѣхъ богомольцевъ дикимъ видомъ распужаемъ и въ становую фатеру угодимъ. Вѣрно тебѣ говорю. И скажу я тебѣ: пойдешь со мной—не раскаешься. Переждемъ въ селѣ Перхаловкѣ у знакомаго дяди Панкрата, возьмемъ у него въ долгъ одежу и такими молодцами въ губернскій городъ маханемъ— лю-ли! Ты на билліардѣ мастакъ шары гонять?

Баринъ задумчиво глядѣлъ на огонь и, дрожа отъ ночной сырости, казалось, не слыхалъ словъ Андрея.

— Чудакъ-человѣкъ, ты, никакъ, оглохъ?

— Развѣ я виноватъ? вдругъ заговорилъ баринъ и началъ махать и всплескивать руками.—Какая несправедливость, какая злая насмѣшка судьбы! Для корыстныхъ цѣлей другихъ, нечестныхъ людей я сдѣлалъ свой проступокъ... Меня подвели и упрятали! И всѣ меня бросили, знакомые, друзья, и

она бросила... Конецъ! Конецъ! Полное уничтоженіе! Лишенный правъ состоянія... сосланный въ Сибирь... Присудили, взяли за ноги и вышвырнули... Ахъ, Оля! Что ты со мной сдѣлала!? И я долженъ уйти отъ родныхъ мѣстъ, изъ моего любимаго гнѣзда, оттуда, гдѣ я провелъ дѣтство, юность, гдѣ былъ единственный разъ счастливъ въ жизни! Я не преступникъ въ душѣ... Я ненавижу порокъ, распутство, предательство! Я врагъ лжи, лести... Я не помню обидъ, я никогда не забываю добра... Нѣтъ, я бы еще могъ стать человѣкомъ! Я не тотъ именно, кого называютъ вреднымъ членомъ общества... Я только несчастный, больной, глупый человѣкъ! Меня не пощадили, измучили, убили душу, истерзали, истомили и... удаляютъ, какъ отбросъ, негодную траву, падаль... Господи! Это невыносимо! Добрые люди, гдѣ вы!? Защитите меня! Простите! Я нѣжно, я кротко прошу вашего прощенія... умоляю! Не трогайте меня... оставьте меня на родинѣ! Не ловите меня, какъ звѣря! Мнѣ недолго жить... я хочу умереть тамъ, гдѣ былъ недолго счастливъ! Лишайте меня какихъ хотите правъ, но... не трогайте! Покойница-матушка! Знаешь ли ты, что теперь съ твоимъ Костей? Любимая жена, безцѣнная Оля! Мои родные! Спасите меня! Мнѣ больно... Всѣ, всѣ люди, всѣ добрыя сердца: сжальтесь!!

Онъ кончилъ воплемъ и, снова рыдая, упалъ на траву. Онъ былъ, какъ въ бреду, не помнилъ

себя, ломалъ руки, билъ себя по груди, а старуха и притихнувшій Цѣпуновъ съ жалостливымъ страхомъ глядѣли на своего чудного спутника. Наконецъ, Василиса Наумовна, морща и безъ того морщинистое лицо, утерла фартукомъ глаза и стала уговаривать.

— Не плачьте, баринъ, не плачьте, не дѣлайте себѣ печаль на сердцѣ! Что было—не воротишь. Авось и вамъ Богъ пошлетъ спокой. Не все попадаться, можетъ Андрей вамъ оборудуетъ, пашпортъ раздобудете, и все пойдетъ ладно...

— Очень просто, вставилъ Цѣпуновъ.—Какъ заработаемъ рублей съ двадцать, сейчасъ къ одному жидку, а тотъ къ своему брату, который виды дѣлаетъ... Графами выпупимся, коли ежели въ задоръ войдемъ!

— Вы перетерпите, не давайте ходу своей тоскѣ, продолжала старуха.—Это вамъ спервоначалу очень къ сердцу подкатываетъ, а после того много легче станетъ. Вы еще человѣкъ молодой, вамъ нечего убиваться... Оно, конечно, хозяйку молодую жаль, должно крѣпко она васъ любила...

Баринъ поднялъ блѣдное лицо и сверкнулъ глазами.

— Нѣтъ... прохрипѣлъ онъ. — Не любила она меня... никогда не любила!

— А не любила — такъ и песъ съ ней! обрадовался Андрюшка. — Оно, дѣйствительно, обидно, ежели законная жена отъ рукъ отбиваться начала.

Плохо училъ ее, знать, мало за косы теребилъ. А ты плюнь на все. Бабка тебѣ правду говорила, это тебѣ впервой такъ солоно. Погоди, стерпится—слюбится. Ты мнѣ, баринъ, на руку. Ты грамотный человѣкъ, въ чернильныхъ душахъ, говоришь, служилъ, промежду денежнаго дѣла нюхалъ, а я, вишь ты, ни аза не понимаю по печатному. Учили меня въ школѣ, да видно мало драли. За то я на другое мастеръ. Вотъ мы, братъ, вмѣстѣ механику и заведемъ. Чуть что не такъ — ты у насъ будешь аблакатомъ, всякую жилу распознаешь, всякую центру разберешь...

Но баринъ плохо понималъ Андрея. Переставъ плакать, онъ уставился на огонь и тупо глядѣлъ на красные угли. Картофелина лежала возлѣ него нетронутой, также и кусокъ черстваго хлѣба, который подсунула барину сердобольная Василиса Наумовна. Передъ осужденнымъ быстро пробѣгали картины и сцены недалекаго и далекаго прошлаго. Онъ то вспоминалъ свое дѣтство, то нылъ душой о первой любви, то ужасался послѣднихъ и будущихъ испытаній. А въ глубинѣ его бѣдной души, не смотря на тысячи доводовъ собственной обиженности, пряталась, какъ ядовитая змѣйка, злая мысль, что хотя онъ приведенъ къ преступленію преступными людьми, тѣмъ не менѣе—онъ виноватъ и самъ. Всетаки, какъ ни верти, онъ сдѣлалъ мошенничество, сдѣлалъ сознательно... Вѣдь мало только ненавидѣть зло, нужно и бороться съ нимъ. Слова хо-

роши, дѣла скверны. Это ли онъ думалъ вынесть изъ внушеній его матери, изъ университетскаго образованія, изъ принциповъ чести?

— «Не я первый?» думалось бѣглецу.—«Сколько живетъ на свѣтѣ недоказанныхъ ужасныхъ преступниковъ... Они доживаютъ до послѣдняго дня, умираютъ при общихъ сожалѣніяхъ, хоронятся съ почетомъ... А я вотъ попался... они всѣ живутъ въ полномъ удовольствіи, а я терпи!.. Но, однако, что же изъ того, что другіе преступники не открыты? Вся подлость міра не убавитъ сотой доли моей собственной подлости! Все это—старая истина... Господи, что же, что мнѣ дѣлать? Пострадать, получить возмездіе, отбыть наказаніе? Нѣтъ, нѣтъ... не могу. Я боюсь тюрьмы... я разобью себѣ черепъ, если меня опять бросятъ въ каменную, темную комнату и оставятъ одного! Я не могу идти въ Сибирь, я умру на дорогѣ, на первой застывшей тундрѣ, сойду съ ума отъ ужаса и отчаянія. Я шага не сдѣлаю изъ милаго, родного края. Иначе—смерть! Нѣтъ мнѣ въ моемъ краю ни радости, ни покоя, ничего свѣтлаго... и все-таки я не могу его покинуть! Каждый клочокъ земли, камень, трава, деревья, городъ—это моя жизнь... Господи, я ли не наказанъ? Я лишенъ чести, семьи, безцѣнной жены... ея любовь меня обманула! Но я люблю мою Олю! Я люблю нашъ домикъ, люблю могилку брата и матери на нашемъ старомъ кладбищѣ... Я тамъ часто плакалъ, чему-то вѣрилъ, пробовалъ

молиться... Я негодяй, мерзавецъ, сознаю это — но нѣтъ у меня силы, мужества, перенести свой крестъ! Я убѣжалъ... Научи же, Господи, что мнѣ дѣлать, куда идти, куда бѣжать, чѣмъ убить свою тоску, чѣмъ накормить вѣчно голоднаго червяка совѣсти и стыда!?»

Костеръ погасалъ. Андрюшка и Василиса Наумовна, рѣшивъ дать покой барину, легли возлѣ самой золы и крѣпко заснули. Ночныя тѣни рѣдѣли, темные стволы деревьевъ яснѣе обозначались въ сѣрой мглѣ, туманъ поднимался изъ сосѣдняго болотца и роса сѣла на листья деревьевъ, на кусты, на траву и на рваное платье трехъ бродягъ. Константинъ Петровичъ продолжалъ сидѣть и глядѣлъ на золу. Сонъ не приходилъ къ нему на помощь, а ознобъ смѣнился такимъ сильнымъ жаромъ, что онъ разстегнулъ свое пальтишко и всѣми легкими вдыхалъ росистый воздухъ... Много образовъ видѣлъ онъ передъ собою, много лицъ глядѣло на него изъ потухающаго костра, а одно — красивое и румяное — горѣло, какъ огонь, жгло и вызывало на распухшіе глаза горькія слезы...

ЖЕНЩИНА.

— Ты хорошо сдѣлалъ, Казиміръ, что окопалъ огородъ. Теперь наши помидоры и тыквы будутъ отличные...

— То-то, женщина! У меня все хорошо будетъ. Не одинъ твой огородъ, а и что-то другое...

— Охъ, Казиміръ, знаю я, что у тебя на умѣ! Болитъ моя душа, сердце кровью обливается... Поймаютъ тебя, въ тюрьму посадятъ, или, того хуже, застрѣлятъ на границѣ.

— Такого дядю, какъ я, поймать не очень легко. А насчетъ пули я молитву мученику Августину знаю, имѣй въ виду, женщина.

Говоря это, Казиміръ—высокій полякъ съ рыжими усами, одѣтый въ крестьянскую свиту и грубые сапоги — свернулъ папироску и закурилъ ее надъ маленькой лампой. Та, которую онъ называлъ женщиной, была блѣдна, худа, болѣзненна, некрасива. Въ ея фигурѣ съ большимъ темнымъ

платкомъ, надвинутымъ на самыя брови, читалось многое: привычная бѣдность, страхъ, заботы, любовь къ мужу и костелу. Женщина казалась старой. Хворое дѣтство и такая же молодость, тяжелая работа по хозяйству и частые роды въ замужествѣ сдѣлали ее дряблой, сморщенной, не смотря на 28 лѣтъ. Напротивъ, ея мужъ Казиміръ казался моложе, былъ складно скроенъ, лихо закручивалъ свои рыжіе усы. У него на лбу проходилъ наискось глубокій шрамъ, но это не безобразило поляка, а только придавало ему нѣкоторую таинственность.

Казиміръ имѣлъ на краю города маленькій клочокъ земли и жалкую хатку. Здѣсь онъ жилъ со своей женой Еленой, но жилъ плохо, нищенски, ничего не дѣлая и часто пропадая изъ дома по цѣлымъ недѣлямъ. Отецъ Елены, органистъ мѣстнаго костела, пробовалъ разъ урезонить непутнаго зятя, но достигъ результатовъ довольно странныхъ и неожиданныхъ: Казиміръ поколотилъ его такъ крѣпко, что старичишка заболѣлъ и не могъ играть въ костелѣ цѣлыхъ три обѣдни. Съ тѣхъ поръ тесть и зять сдѣлались врагами. А Елена, не смотря на это, любила Казиміра всѣми силами своей души, зная, что мужъ ея не любитъ и часто ей измѣняетъ. Казиміръ билъ Елену, даже когда она бывала очень больна или беременна. И въ то же время онъ самъ не могъ обойтись безъ нея. Ему была нужна раба. Хотя онъ былъ чистой крови холопъ,

но около жены чувствовалъ себя шляхтичемъ. Будучи накормленъ, напоенъ, накрытъ единственнымъ одѣяломъ, онъ нисколько не смягчался, корилъ жену всѣмъ: ея жаднымъ отцомъ, частой беременностью, желтыми ея щеками. А Елена все прощала ему, глядѣла по-собачьи въ глаза, упреждала всѣ его желанія, мечтая, какъ о небесномъ счастіи, когда Казиміръ, оставшись ночевать дома, позволялъ себя ласкать нѣкоторое время, а потомъ гналъ ее прочь и храпѣлъ одинъ на кровати, завладѣвъ обѣими подушками. Елена ложилась на солому возлѣ печи и осторожно спала, чтобы по первому слову Казиміра вскочить, топить печку и готовить мужу завтракъ.

Казиміръ промышлялъ контрабандой. Не то, чтобы это ремесло было выгодно, особенно въ послѣднее время, когда по всей австрійской границѣ начались такія строгости, что Боже упаси, но Казиміру такое занятіе приходилось по-душѣ. Онъ былъ лѣнивъ, хотя здоровъ, какъ волъ. Опасно пронести черезъ границу дорогія матеріи или вещи, но за то здѣсь нужны только быстрыя ноги да знаніе дорогъ. А эти средства у Казиміра были на-лицо. Онъ былъ страшный трусъ и въ то же время удивительный плутъ. Кромѣ того, онъ себя очень любилъ и считалъ молодцомъ. Онъ боялся каждаго стражника, если бы стражникъ попался ему на дорогѣ съ ружьемъ и револьверомъ. Но не будь у солдата оружія, Казиміръ храбро проломилъ бы

ему черепъ. Любя себя, Казиміръ любилъ и свой полъ. Каждаго хлопца онъ уважалъ, всякую женщину считалъ ничтожнѣе разбитой трубки. Когда-то онъ служилъ въ лакеяхъ у польскаго помѣщика, кое-что видѣлъ и слышалъ, понатерся около умныхъ людей, привыкъ вкусно ѣсть и воровать. При всемъ томъ, это былъ замѣчательный ханжа: бѣгалъ, какъ старая полячка, по костеламъ, усердно молился разнымъ святымъ, но изъ нихъ чаще всѣхъ и усерднѣе — мученику Августину. Когда онъ задумывалъ что нибудь стащить или пронести очень дорогое мимо пограничной стражи, то всегда молился этому святому, и почти всегда случалось такъ, что послѣ молитвы Казиміру удавалась его продѣлка. Вообще, мученикъ Августинъ часто помогалъ Казиміру, и за это контрабандистъ носилъ ему въ костелъ деревянное масло. Что касается католическихъ мученицъ и преподобныхъ женскаго рода, то Казиміръ имъ никогда не молился, полагая, вѣроятно, что такому молодцу, какъ онъ, не слѣдъ молиться женщинамъ.

Когда Казиміръ сидѣлъ безъ хлѣба, онъ упадалъ духомъ, раскаивался въ вольныхъ мысляхъ, клялся исправиться, но мученика Августина попрекалъ: зачѣмъ не помогаетъ въ несчастьѣ? Но чуть заводились у бывшаго лакея деньги, Казиміръ думалъ совсѣмъ по-другому: презиралъ женщинъ еще больше, хвалилъ мученика Августина, считалъ себя молодцомъ. Но въ обоихъ случаяхъ—бѣды и радости—

онъ оставался вѣренъ одному: измывался надъ Еленой и ругалъ жадность ея стараго отца.

На другое утро послѣ разговора съ мужемъ Елена вышла на огородъ. Падалъ дождь. По вырытой Казиміромъ канавѣ бѣжала грязная вода, струилась подъ гору и попадала прямо на стоящую при дорогѣ часовенку — старую, заброшенную, съ вылинявшей голубой краской. Собственно, грязная вода лилась не на часовенку, а на фигуру неизвѣстной святой женщины, уцѣлѣвшей на часовнѣ, подъ карнизомъ кровли. Прежде фигура женщины была, какъ это водится у католиковъ, раскрашена въ яркія краски, потомъ краски слиняли, фигура святой побѣлѣла отъ времени и птичьяго помета; теперь же, благодаря льющейся грязи съ огорода Казиміра, неизвѣстная святая стала похожа на угольщицу. Черная земля съ водой окрасила ее въ черныя, какъ чернила, полосы, и это было замѣтно издалека. Разглядѣла святую и Елена. Вернулась она въ хату, застала Казиміра въ одномъ бѣльѣ, но ужъ за борщемъ, помялась, покашляла и потомъ сказала:

— Ты теперь, сердечко, свободенъ?

— До вечера не покажу изъ хаты носа. А тебѣ что надо?

— Ты бы, голубь, отвелъ воду съ огорода. Потому что грязь на часовню бѣжитъ, и у мученицы все личико попачкалось...

— На какую часовню?

— А у дороги.

— Да развѣ это часовня? Это хламъ. Чего глядитъ кацапское начальство: пусть сроетъ, а камень на что другое употребитъ.

— Ахъ, что ты говоришь! Можно ли святой домъ ломать. Это часовня въ честь преподобной. Отведи, сердце, стокъ.

— Ну, довольно. Я тебѣ огородъ спасъ, овощамъ твоимъ пользу сдѣлалъ. Больше я тебѣ не работникъ. Отведи сама, лѣнтяйка.

— И отвела бы, спина ноетъ, руки отымаются...

— Ну, проси своего стараго пса, отца. Пусть погнетъ хребетъ.

— Что ты говоришь, вѣдь ты знаешь, отецъ къ намъ не пойдетъ.

— Отстань ты отъ меня. Вишь, разговорилась, посметюха!

— Казиміръ, вотъ, какъ я люблю Бога, такъ тебѣ говорю: не хорошо, ежели грязь зальетъ часовню. Ксендзъ насъ въ полицію отошлетъ.

Казиміръ насупился и ударилъ кулакомъ по столу. Елена испугалась, опомнилась и ужъ больше не сказала ни одного слова. Мужъ собирался на долгую отлучку. Такъ ужъ лучше этотъ короткій день провести въ мирѣ, безъ побоевъ. И она рѣшила молчать, вынула изъ печки кусокъ мяса на сковородѣ и подала Казиміру; дождавшись, когда тотъ съѣлъ послѣдній кусокъ и улегся опять на постель, она подошла къ нему и робко при-

легла къ его ногѣ. Казиміръ высвободилъ ногу и сказалъ:

— Ну тебя къ чорту.

Елена вспыхнула и отошла. Казиміръ выкурилъ папироску и опять заснулъ. Удивительно, во что ему спалось. И тотъ же лѣнивый и сонный Казиміръ могъ идти по цѣлому дню, не спать нѣсколько ночей—если только этого требовало контрабандное дѣло.

Подъ вечеръ онъ собрался въ путь, захватилъ оружіе и, не кивнувъ даже головой Еленѣ, вышелъ, насвистывая пѣсенку. Предстояла хорошая работа: еврей Канторовичъ поручилъ троимъ молодцамъ, въ томъ числѣ Казиміру, пронести на нѣсколько тысячъ драгоцѣнныхъ вещей. Работа сулила отличные барыши. Можно было надѣяться, что мученикъ Августинъ не останется безъ деревяннаго масла. И Казиміръ ужъ давалъ клятвы купить масла самаго великолѣпнаго, которое горитъ мягко, безъ треска и безъ копоти. Проходя мимо разоренной часовенки, Казиміръ поглядѣлъ на неизвѣстную святую, усмѣхнулся и пробормоталъ:

— Развѣ плохо подкрасилась женщина?

На краю города, въ шинкѣ, онъ повидался съ евреемъ Канторовичемъ, получилъ отъ него необходимыя указанія и немного денегъ и пошелъ по дорогѣ къ границѣ.

Была пасмурная погода. Вѣтеръ вылъ и шу-

мѣлъ тополями, мелкій дождь падалъ на землю. Встрѣтившаяся на дорогѣ Казиміру большая рѣка походила на снѣжную—такъ было много на ней пѣны. Казиміръ разулся, перешелъ по плотинѣ на другую сторону и скрылся въ осеннихъ сумеркахъ.

Въ это время жена Казиміра сидѣла дома и, вспоминая мужа, вязала чулокъ. Мысли Елены бѣжали за Казиміромъ, вмѣстѣ съ нимъ перебирались на другую сторону рѣки, по затопленной плотинѣ, спѣшили туда, въ сѣрую мглу, за линію границы, въ темныя жидовскія лавки, откуда Казиміръ получалъ контрабандный товаръ и переносилъ его въ русскую Польшу. Елена боялась за мужа, молилась о немъ, но главный страхъ ея былъ о томъ, что не другимъ ли чѣмъ промышляетъ Казиміръ? Не убійствами ли, не грабежомъ ли? Елена съ первыхъ недѣль замужества и посейчасъ не знала, чѣмъ именно зарабатываетъ деньги Казиміръ. Ее вѣчно пугали тяжелыя предчувствія, гаданья на картахъ, сны, примѣты, нехорошія встрѣчи. Теперь же исторія съ женщиной на часовнѣ совсѣмъ обезкуражила Елену. Долго она молилась и просила прощенья мужу отъ Бога, наконецъ, не вытерпѣла, надѣла пальто и платокъ, зажгла фонарь и отправилась мимо огородовъ къ развалинамъ часовни. Фигура женщины показалась ей страшной: высокая, бѣлая, съ грязью на волосахъ и лицѣ, она была безмолв-

на и какъ-то строго глядѣла впередъ. Елена взобралась на камни, сняла съ шеи платокъ и обтерла святую. Но грязь продолжала сочиться изъ канавы и капала на большую голову женщины.

— Ну, это еще немного... ничего... подумала Елена и, сотворивъ передъ фигурой крестное знаменіе, пошла домой.

Она чувствовала себя облегченной, успокоенной. Шла она и вслухъ молилась о своемъ владыкѣ.

— Добрая пани! Прости ты и сохрани моего Казиміра!

Вдругъ Елена вспомнила, что она, взбираясь на часовню, сломала часть ступени. Суевѣрная жена Казиміра сочла это опять нехорошимъ предзнаменованіемъ и опять ея мысли—черныя и жалобныя—побѣжали за Казиміромъ, по пустынной дорогѣ, въ Австрію, въ еврейскія лавки, потомъ пошли обратно съ Казиміромъ домой, чувствуя на себѣ тяжелую ношу, торопясь и слыша крикъ сторожевыхъ солдатъ...

На другой день, чтобы разсѣять такія думы, Елена вышла въ свой огородъ. Овощи веселили ея сердце. Салатъ былъ очень хорошъ, лукъ и чеснокъ стояли зеленой и большой щетиной; подъ осень и другія огородныя растенія непремѣнно уродятся... Только не дай Боже засухи или саранчи, пропадутъ тогда послѣднія радости Елены, нечѣмъ будетъ кормить голоднаго Казиміра въ тѣ

рѣдкіе вечера и дни, когда контрабандистъ бываетъ дома...

Поглядѣла Елена къ небу—опять надвинулись оловянныя тучи, снова началъ падать мелкій дождь, а холодный вѣтеръ зашевелилъ мокрыми вѣтками тополей. Огородъ Елены тянулся по пригорку. Съ него бѣжала по канавкѣ вода. Она падала на край улицы, какъ разъ на тѣ сѣрые камни часовни, забытой ксендзомъ и другимъ костельнымъ причтомъ. Елена подошла къ тычинѣ, свѣсилась внизъ, поглядѣла и ахнула: фигура святой женщины уже не стояла на карнизѣ часовни, а валялась на землѣ, въ лужѣ. Напоръ воды смылъ известку, выбилъ камень, и святая рухнула въ грязь. Елена побѣжала на улицу, схватила фигуру каменной пани — и не могла ее приподнять. Святая женщина была двухъ аршинъ росту, выточена изъ кирпича и склеена цементомъ. Въ ней было вѣрныхъ пять пудовъ вѣсу. Руки Елены дрожали и понапрасну цѣплялись за локти женщины. Выбившись изъ силъ, Елена оглянулась и вдругъ увидала за угломъ плетня бѣлую голову съ парой безцвѣтныхъ, вытаращенныхъ глазъ. Елена испугалась, но скоро узнала Тимошу, дурачка лѣтъ 12, который бродилъ по городу безъ всякаго призора и питался милостынями католиковъ и православныхъ хохловъ. Для этого дурачекъ выбиралъ мѣстечко на паперти костела или русской церкви и, весело смѣясь, пѣлъ

по-польски пѣсню о какомъ-то воронѣ. Прохожіе давали ему кто грошъ, кто отрывалъ отъ кольца кусокъ колбасы, кто кидалъ въ торбу Тимоши черную паляницу.

— Тимошъ, поди сюда, малый! крикнула Елена.—Помоги мнѣ поднять пани и поставить ее на ноги.

— Хи-хи-хи! отвѣтилъ Тимоша.—Боюсь.

— Чего? Полно, малый, я тебѣ дамъ печеное яйцо. Иди ко мнѣ, сердечко.

Мальчикъ вышелъ. Онъ былъ одѣтъ въ одну рубашку и штаны, черезъ плечо имѣлъ большую холстинную торбу, въ которой можно всегда было найти куски хлѣба, молодыхъ совятъ, дудки изъ камыша, букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Тимоша очень любилъ цвѣты. Къ ненастью онъ привыкъ и, такъ сказать, закостенѣлъ подъ вѣтромъ. Къ зимѣ дурачка одѣвали въ разное тряпье или держали на кухняхъ. Голова Тимоши до того выгорѣла подъ солнцемъ, что онъ походилъ на альбиноса.

— Давай, хлопецъ, потрудимся, сказала Елена.—Божья пани упала, надо ее поставить.

— Водой подмыло, замѣтилъ Тимоша, таращa бѣлые глаза.

Елена удивилась вѣрному замѣчанію сумасшедшаго мальчика.

— Давай же, берись съ этой стороны.

— Воронъ, воронъ, черный, большой и злой воронъ! запѣлъ Тимоша.

— Будешь своего ворона пѣть—прибью, погрозила Елена. — Берись за ручку и подымай пани.

Тимоша пересталъ пѣть и взялся за кирпичную руку святой. Елена ухватилась съ другой стороны.

— Разомъ, хлопецъ, разомъ!

— Хи-хи-хи! напыжился Тимоша, даже кряхтя по привычкѣ на смѣхотворный манеръ.—Хи!

Дурачокъ былъ силенъ не по годамъ. Его руки дѣйствовали лучше, нежели Елены, и скоро святая женщина встала во весь ростъ и прислонилась къ часовнѣ. Пани была вся въ грязи; глаза ея ослѣпли, ротъ наполнился чернотой, одежда стала ужасной, молитвенно сложенные персты рукъ закрылъ слой земли... Елена хотѣла обтереть святую юбкой, но не рѣшилась. Заглянувъ въ торбу Тимоши, она достала оттуда пучокъ травы съ цвѣтами и кое-какъ оттерла лицо святой. Но дурачокъ и на этотъ разъ былъ догадливѣе. Онъ досталъ изъ сумки жестяную кварту, побѣжалъ въ хату Елены, принесъ чистой воды. Елена отмыла святую женщину, помолилась ей и сказала:

— Тимофей, поклонись пани!

— Хи-хи-хи! засмѣялся дурачокъ.

— Эхъ, глупый! Развѣ же это молитва? Но тебѣ не понять, неразумному. Пойдемъ, я покормлю тебя...

Она взяла Тимошу за руку и увела въ хату. Онъ шелъ, прискакивая и напѣвая своего чер-

наго ворона. Елена вздыхала и молилась о своемъ Казимірѣ.

Казиміръ весь этотъ день провелъ въ австрійскомъ городкѣ Бродахъ. Онъ отлично обдѣлалъ свои дѣла: условился съ жидами о мѣстѣ, гдѣ они могли бы передать ему товаръ, получилъ задатки, выпилъ въ шинкѣ за свое здоровье, навѣстилъ домъ, содержимый еврейкой Малкой, гдѣ жила красивая малороссійская дѣвка Павлина, снесъ этой Павлинѣ давно обѣщанные кораллы, наконецъ, вечеромъ, когда, не смотря на лѣтнее время, было уже темно отъ ненастныхъ тучъ, пошелъ въ домъ евреевъ—нагружаться товаромъ.

Черезъ часъ, когда совсѣмъ упала на землю сырая темнота, Казиміръ торопливо, но съ оглядкой, пробирался въ Россію. Самымъ удобнымъ мѣстомъ переправы черезъ границу онъ считалъ рѣку Бырду. На ней былъ одному Казиміру извѣстный бродъ, значитъ, не требовалась лодка. Правда, приходилось дать крюку, но лучше устать, чѣмъ встрѣтиться съ пограничной стражей и ихъ револьверами. Самъ Казиміръ пряталъ за пазухой ножъ и средняго калибра револьверъ. Если бы встрѣтился объѣздчикъ безъ оружія и вздумалъ арестовать Казиміра, то Казиміръ не отложилъ бы дѣла въ долгій ящикъ: немедленно пустилъ пулю въ грудь съ свѣтлыми пуговицами.

Казиміръ несъ вещи и въ мѣшкѣ, привязанномъ на спинѣ, и за пазухой, и въ карманахъ.

Тяжеленько приходилось отъ золота и серебра. За то оно давало Казиміру много мѣди! Казиміръ шелъ и боялся каждаго куста. Онъ проходилъ мимо рощи, а вдали уже видѣлъ сквозь темноту стальную полосу воды: это текла Бырца. Вдругъ, возлѣ моста, перекинутаго черезъ болото, Казиміръ сталъ и прислушался. Изъ рощи доносились звуки. Вѣтеръ донесъ человѣческіе голоса. Наконецъ, Казиміръ услыхалъ топотъ бѣгущихъ ногъ и понялъ, кто торопился за его пятками. Казиміръ поглядѣлъ на мостикъ, нагнулся и пролѣзъ подъ гнилыя доски. Онъ спрятался весь, съ длинными ногами, свернулся, увязъ въ болото, озябъ отъ холодной воды. Кромѣ этого, подъ мостомъ была вонь: должно быть, сюда бросили палую свинью; дышать было очень скверно. Но Казиміръ все терпѣлъ. Страхъ на половину отнялъ у него всѣ ощущенія. Онъ услыхалъ, какъ трое подбѣжали къ мостику, взошли на него и, должно быть, озирались по сторонамъ.

— Я же тебѣ говорю, я видѣлъ человѣка, сказалъ одинъ.

— Куда же онъ дѣвался? спросилъ другой.

— Бокуменко, ты стой здѣсь на доскахъ, а мы побѣжимъ къ рѣчкѣ. Ежели тутъ окажется, стрѣляй, мы вернемся.

Двое побѣжали, третій остался на мосту. Казиміръ чувствовалъ страхъ и холодъ отъ воды. Онъ боялся, что вонь его задушитъ, а отъ холодной

воды и неподвижнаго положенія тѣла его скрючать судороги. Въ лицо Казиміру упиралась какая-то мякоть — холодная и скользкая. Невольно контрабандисту пришло въ голову, что нѣсколько часовъ назадъ его лицо и губы прижимались къ голому плечу Павлины, и руками онъ трогалъ не холодную грязь, а теплую женскую спину. И Казиміръ вдругъ упалъ духомъ, началъ молиться.

— Спаси меня, говорилъ онъ въ душѣ мученику Августину.—Отнеси бѣду, добрый мой панъ! Я тебя люблю и не забываю, жгу тебѣ воскъ и масло. Я человѣкъ еще молодой, погуби ты лучше кого постарше, а я человѣкъ наемный, я противъ отчизны дурного не дѣлаю. Научи, что мнѣ дѣлать, святой мученикъ? Не вылѣзти ли изъ-подъ доски, не ударить ли кацапа ножикомъ? Но онъ меня застрѣлитъ, онъ закричитъ, его товарищи меня доканаютъ. Охъ, не знаю, въ чемъ мое спасенье, откуда мнѣ силы взять! Ноги свело, духъ сперся, грязь меня затопила...

И, подумавъ о грязи, Казиміръ затрясся. Онъ вспомнилъ святую женщину, которую запачкала грязь съ его огорода.

— Августинъ, Августинъ! шепталъ струсившій контрабандистъ. — Вызволяй меня, Божій любимецъ.

Стражники возвратились.

— Нѣтъ никого, проворчалъ одинъ. — Дядькѣ это померещилось...

— Нѣтъ, братъ, мнѣ не померещилось, а только... молодецъ-то, долженъ быть, очень рѣзовъ шагать.

— Поищемъ здѣсь.

— Въ лѣскѣ развѣ! Не подъ мостъ же онъ забился!

Казиміръ лежалъ, какъ трупъ, не дыша. Его все существо шептало въ умѣ одно имя: «Августинъ, Августинъ, Августинъ»...

Но стражники подъ мостъ не полѣзли. Имъ не пришло въ голову, что человѣкъ сядетъ по уши въ болото. Кромѣ того, Бокуменкѣ сдавалось, что неизвѣстный повернулъ въ лѣсъ. Стражники раздѣлились и съ трехъ сторонъ пошли въ лѣсъ, и скоро молчаніе дало знать Казиміру, что путь свободенъ, а мученикъ Августинъ достоинъ великой благодарности. Казиміръ выставилъ голову, оглядѣлся и вылѣзъ. Будьде нь, его можно было бы принять за лѣшаго. Грязь пропитала его насквозь, забилась за воротъ, за пазуху, въ сапоги. Револьверъ подмокъ и сталъ негоденъ для защиты. Казиміръ отряхнулся и пустился бѣгомъ къ рѣкѣ Бырцѣ.

По дорогѣ онъ пришелъ въ веселое настроеніе духа и началъ ругать себя бабой, благодарить своего Августина.

— И чего я струсилъ, песья кровь? Чего я кацапскихъ дуралеевъ испугался? Нѣтъ, такого дядю, какъ я, не скоро схватишь! Мы съ добрымъ паномъ хоть кого проведемъ! Тоже вотъ женщину съ

гнилой часовни вспомнилъ... Да будь она неладна, ей-Богу!

Онъ бѣжалъ къ броду, а непогода усиливалась и словно бѣжала съ нимъ вмѣстѣ. Тополи гнулись подъ вѣтромъ, тучи сѣяли дождемъ, рѣка — уже близкая—была покрыта бѣлой пеленой. Ночь вдругъ посвѣтлѣла, деревья и телеграфные столбы виднѣлись рѣзче. Но Казиміру это было не съ руки.

— Что за чортъ! ругался онъ. — Какія теперь коротенькія ночи, едва моргнешь—утро свѣтится. Задержали меня эти окаянные подъ мостомъ, а то я теперь былъ бы ужъ на той сторонѣ, за Бырцой, въ нашей губерніи...

Въ эту минуту раздался выстрѣлъ. Казиміръ оглянулся вправо: двое бѣжали къ нему, что-то крича. Казиміръ повернулъ къ рѣкѣ и побѣжалъ во весь духъ къ берегу.

— Стой, человѣче, стой! раздалось позади.— Стой, или застрѣлимъ тебя, шарлатана!

Но Казиміръ бѣжалъ. Догоняющіе выстрѣлили, но Казиміра не свалили. Черезъ четверть часа онъ далеко оставилъ своихъ враговъ за собой, добѣжалъ до Бырцы и, передохнувъ, кинулся въ воду и поплылъ на другую сторону.

Стражники остановились на берегу и стали стрѣлять наудачу, потому что Казиміръ исчезъ въ темнотѣ и бѣлой пѣнѣ. Къ тому же буря усилилась. Налетѣлъ вихрь, сорвалъ съ Бокуменко шапку, за-

вылъ и упалъ, могучій и страшный, на рѣку, на бѣлую пѣну и на плывущаго Казиміра...

Стражники махнули рукой.

— Гайда! распорядился ихъ старшій.—Пропадетъ, какъ блоха! замѣтилъ онъ про Казиміра.

— Намъ не попался, раки его пожуютъ, флегматически поддакнулъ Бокуменко и повязалъ голову, по-бабьи, шерстянымъ платкомъ.

А Казиміръ плылъ, держа на спинѣ мѣшокъ и чувствуя, какъ вѣтеръ хлещетъ его по лицу и норовитъ залить ему въ горло пѣнистую воду. Рѣка Бырца была неширока. Но теперь она разлилась отъ долгихъ и спорыхъ дождей. Вѣтеръ мѣшалъ контрабандисту плыть, теченіе рѣки тоже относило въ сторону, а холодная вода леденила ноги. Наконецъ, и ноша, и мокрая одежда сильно портили дѣло. Казиміръ плылъ и ругался скверными словами. Потомъ онъ перестал ругаться, замолчалъ. Потомъ сталъ призывать имя Божіе. Почувствовавъ, что силы его покидаютъ, онъ сталъ кричать. Никто не отзывался. Казиміръ обратилъ слова молитвы къ своему доброму Августину. Тутъ его мысли немного приняли разумное теченіе: онъ догадался отвязать тяжелую сумку и—съ горькимъ стономъ—кинуть ее въ воду. Стало легче. Ужъ близокъ былъ берегъ. Казиміръ попробовалъ опуститься, досталъ дно, но оно было такъ мягко и вязко, что ноги его провалились въ трясину и не нашли опоры. А глубина рѣки въ этомъ мѣстѣ была какъ разъ

въ его ростъ. Еще немного, еще три-четыре сажени—и можно стать на ноги.

— Какая грязь на днѣ! подумалъ Казиміръ и вспомнилъ грязь подъ мостомъ.

И сейчасъ же воспоминанія молніями пробѣжали въ его мозгу: домъ еврейки Малки, плечи и спина Павлины, ночное шествіе, мостъ, грязь и вонь подъ досками, страхъ, наконецъ,—мысли о каменной святой, которая стоитъ въ грязи подъ его огородомъ...

Казиміръ припомнилъ эту женщину: онъ съ ней даже разговаривалъ, уходя въ Австрію. Лицо пани было въ грязи, вся она стояла облитая, опачканная. И вдругъ стало страшно Казиміру. Лицо преподобной выросло, взглянуло на него большими, залитыми грязью глазами, вперило ихъ въ плывущаго контрабандиста и стало грознымъ, дикимъ, ужасающимъ. Руки отнялись у Казиміра. Онъ опустился—дна не было. Что же это? Опять вѣтеръ отнесъ его въ сторону? Но Казиміръ ужъ едва держится, у него шумитъ въ ушахъ, его душа холодна отъ смертельнаго страха. Казиміръ еще разъ закричалъ. Ему отвѣтилъ только воющій вѣтеръ. Вода шумѣла, лилась. Она заливала Казиміра, и онъ думалъ, что также заливало святую изъ его огорода. Казиміръ собрался съ силами, сбросилъ съ себя свиту, выкинулъ всѣ драгоцѣнности, пытался снять сапоги, но это ему не удалось, онъ только захлебнулся и едва могъ лечь на спину,

чтобы передохнуть. Его уносило внизъ по рѣкѣ. Онъ ужъ не могъ плыть къ берегу, онъ чуть-чуть держался.

— Мученикъ Августинъ! бормоталъ онъ, трясясь отъ ужаса.—Гдѣ ты! Вытащи меня изъ воды, уйми вѣтеръ, успокой волны! Охъ, я тону!

Страхъ смерти отнялъ у него всякую энергію. Его подносило къ броду, но онъ уже не могъ владѣть собой. Ему мерещилась фигура женщины, которую онъ называлъ голой куклой и хламомъ. Онъ вдругъ вообразилъ, что мученикъ Августинъ отъ него отступился.

— Спасите! Спасите! вылъ онъ, рыдая и поминутно идя ко дну, но все еще борясь и выпрыгивая на поверхность. — Женщина! Святая женщина возлѣ часовни! Я виноватъ передъ тобой! Пощади! Лампаду тебѣ зажгу, канаву отведу въ сторону! Ой-ой! Ратуйте, кто слышитъ!

Онъ окунулся. Потомъ вынырнулъ. Бродъ былъ подъ нимъ. Онъ сталъ на ноги, но мозгъ его былъ безуменъ. Ужасъ погасилъ въ немъ послѣднюю физическую силу. Едва онъ всталъ на ноги, какъ упалъ опять въ воду и ушибся о подводный камень. Ударъ его ошеломилъ. Онъ приподнялся— мокрый, растерзанный, въ крови, постоялъ на колѣняхъ. Вѣтеръ его качалъ изъ стороны въ сторону. Лицо оскорбленной святой глядѣло ему въ сумасшедшія очи, и ни искры жалости не было на немъ...

— Прости меня, женщина! простоналъ Казиміръ, протягивая впередъ костенѣющія руки.

Дунулъ вѣтеръ. Казиміръ не удержался и упалъ навзничь. Теченіе быстро снесло его съ узенькой дорожки рѣчного брода, закружило, и Казиміръ, цѣпляясь за свою же одежду, захлебнулся и медленно пошелъ на дно. . . . .

. . . .

На другой день — солнечный и теплый — Елена вышла на огородъ. Осмотрѣвъ, что поломала ночная буря, жена Казиміра пошла къ часовнѣ поглядѣть на святую пани. На этотъ разъ Елену ждала новая бѣда: вѣтеръ повалилъ статую, она упала на старыя ступени и разбилась на куски. Уцѣлѣла одна голова: она была омыта дождемъ и глядѣла на міръ Божій съ кроткой улыбкой на лицѣ.

ЗВѢЗДЫ.

— Что, ямщикъ, Гурьево близко?

— Пять верстъ.

Иванъ Лукичъ высунулся изъ-подъ навѣса телѣги и оглядѣлъ дорогу, но ничего, кромѣ какихъ-то проваловъ и ямъ, не увидѣлъ. Ночь была темна и довольно прохладна. На небѣ горѣли, вспыхивая колючими, но кроткими лучами, звѣзды. Мѣсяца не было, онъ еще спалъ за лѣсомъ. Деревья стояли, не шелохнувшись, бросая на дорогу черныя тѣни. Вдали, сквозь туманную дымку, серебрилась, какъ чешуя змѣи, рѣка. Пахло медомъ и коноплянниками. Кругомъ было тихо, точно въ степи, въ зимнюю пору. Ни одна птица не подавала своего голоса. Только звенѣлъ колокольчикъ, и его однообразно-печальный звукъ какъ будто опускался съ неба, вмѣстѣ съ трепетнымъ блескомъ тысячи-тысячъ бѣлыхъ звѣздъ...

— Однако, братецъ, гдѣ это, скажи, ты ѣдешь? освѣдомился Иванъ Лукичъ.—Тутъ ямы какія-то...

— Ямы? Это дорога, ваше благородіе, а не ямы.

— А вонъ... темное. Сейчасъ опрокинешь, дубина! Верти направо!

Ямщикъ ухмыльнулся въ бороду.

— Это тѣнь, сказалъ онъ.—Не извольте безпокоиться. Отъ деревъ откидываетъ. Часомъ и жеребята пужаются. Гляньте-ка-сь: во! Дорога чистая, что твое шисе!

Иванъ Лукичъ высунулся изъ телѣги пониже, разсмотрѣлъ и сконфузился. Дѣйствительно, стоявшія по краямъ дороги деревья пересѣкали путь черными полосами, которыя казались глубокими овражками. Иванъ Лукичъ помолчалъ, закурилъ папироску и снова обратился къ ямщику.

— Это Гурьево, село, что ли?

— Село.

— Къ кому тамъ ночевать заѣхать? Къ священнику можно?

— Къ священнику очень можно. У него и самоваръ есть, и водка, и пѣтушка вамъ къ ужину сварятъ.

— Мнѣ хоть бы переночевать. Кто такой гурьевскій священникъ? Хорошій человѣкъ?

— Отецъ Миколай Куровъ прозывается. Человѣкъ ничего, хорошій...

— Старый или молодой?

— Куда молодой? Старѣе слѣпого кота. Жену лѣтъ десять схоронилъ. Ндравный этакой старичина... двухжильный. Не потрафишь ему чѣмъ ни

на есть — зачнетъ тебя ругать въ лучшемъ видѣ. Горло—труба солдатская. Бываетъ, покричитъ, а бываетъ—и за волосья здорово оттрясетъ... ежели ты его ужъ очень за сердце задѣлъ. Одно слово — знатный попъ, трехполѣнный.

— Знатный, а за волосы трясетъ?

— Трясетъ. Это вѣрно. Такъ что-жъ съ этого? Коли за дѣло—пущай трясетъ.

— Ужъ онъ и тебя не трясъ ли? засмѣялся Иванъ Лукичъ.

— Мы не гурьевскіе, отвѣчалъ сквозь зубы ямщикъ.—У насъ, въ Арбузовкѣ, ваше благородіе, попъ никого не трясетъ, а все кудрявыми словами прохватываетъ. Таково жалостно говоритъ: другъ мой, золото, ангелъ и прочее. А попроси у него денегъ полтину въ долгъ—шишъ онъ тебѣ дастъ! А гурьевскій попъ завсегда жертвуетъ. Ну, да и то сказать: старъ, изъ ума выживать началъ, отецъ Миколай-то...

Ямщикъ ударилъ кнутомъ лѣваго конька и свистнулъ. Лошади мотнули челками, звякнули бубенчиками, и телѣга покатилась быстрѣе. Черезъ минуту путники съ разбѣга очутились на горкѣ передъ мостикомъ, за которымъ вдалекѣ виднѣлись рѣдкіе огни. Это и было Гурьево. Потянуло дымомъ и какимъ-то удушливымъ запахомъ, словно кто по близости жегъ птичьи перья.

— Ужъ не свинью ли тутъ гдѣ опалили? спросилъ Иванъ Лукичъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Заводомъ пахнетъ, за рѣчкой сахарный заводъ есть, отвѣчалъ ямщикъ.—Такъ къ батюшкѣ прикажете заѣхать?

— Валяй.

«Хоть бы у попа выспаться!» думалъ онъ.

Ворота поповскаго дома отворились по первому стуку. Взъерошенный и рыжій, какъ лиса, парень сбѣгалъ и разбудилъ хозяина. Ямщикъ сталъ распрягать коней, а Иванъ Лукичъ отряхнулся, разоблачился въ передней и вошелъ въ первую комнату. О. Николай встрѣтилъ гостя со свѣчей въ рукѣ. Это былъ очень высокій и очень грузный старикъ съ шапкой бѣлыхъ волосъ на головѣ, сѣдобровый, голубоглазый, съ краснымъ носомъ, одѣтый въ парусиновый подрясникъ, изъ-подъ котораго виднѣлись сѣрые болотные сапоги непомѣрной величины. Иванъ Лукичъ, оказавшійся толстенькимъ и коротенькимъ человѣчкомъ съ чиновничьими баками, сейчасъ же отрекомендовался и сталъ извиняться.

— Винарскій... Простите, батюшка, что я ночью, не имѣя чести быть знакомымъ, почти ворвался въ вашъ домъ... Но повѣрите ли, некуда дѣться. Прошлую ночь не спалъ, у жидовъ вонь, грязь, клопы... такое свинство, право! Ради Бога, извините... это ямщикъ меня къ вамъ... Извините!

— Полноте, охота вамъ! Сейчасъ вотъ Агашка

постель сготовить, а тѣмъ временемъ мы закусимъ и чайку...

Эти добродушныя слова были сказаны несоотвѣтствующимъ тономъ—хмуро, почти грубо. Священникъ говорилъ густымъ басомъ.

— Куда путь держите? поинтересовался батюшка.

— Я ѣду въ N—скъ, на должность инспектора въ гимназію. Меня зовутъ Иванъ Лукичъ Винарскій.

— Очень пріятно. Будемте знакомы. Агашка! Скажи Спиридону, чтобы онъ живо самоварчикъ разогрѣлъ, а сама постели вонъ въ энтой комнаткѣ постелю. Да еще, дѣвка, слышь: принеси намъ наливку и яичекъ...

— Насчетъ ѣды очень благодаренъ, попробовалъ отказаться Иванъ Лукичъ.

Но батюшка отрицательно замахалъ на него обѣими—черными, какъ у мужика—руками.

— Что вы, что вы, Господь съ вами! Развѣ на сонъ грядущій возможно безъ трапезы? Я чай, вы голодны?

— Спать хочется...

— Ну, вотъ и хорошо-съ. Послѣ закуски да китайской травки прекрасно заснете. И я съ вами перекушу.

— Право, мнѣ совѣстно. Это для васъ безпокойство.

— Отнюдь нѣтъ. Я вамъ говорю, вмѣстѣ выпьемъ, закусимъ и тово-съ, на боковую. Нѣтъ,

вы, Иванъ Лукичъ, не тово-съ... вы не церемоньтесь. Имѣйте въ виду, что я васъ еще ограблю. Видите вы эту кружицу? Такъ вотъ-съ въ оную кружицу передъ отъѣздомъ вы извольте лепту положить-съ... какую вамъ заблагоразсудится. На бѣдныхъ я это собираю, приватно-съ... Какъ кто переночуетъ—преподношу...

Тутъ батюшка указалъ гостю на старую церковную кружку изъ желѣза, стоявшую въ углу комнаты, на столикѣ подъ образами. Винарскій взглянулъ и, подумавъ: «Гм!», поспѣшно отвѣтилъ:

— Съ большимъ удовольствіемъ, батюшка... Я хоть сейчасъ.

— Нѣтъ-съ, не сейчасъ, а когда въ дорогу собираться начнете. У меня эта самая кружка заштатная была, безъ замка, и табакъ нюхательный въ ней съ резедой лежалъ. А съ недавнинъ поръ умудрилъ Господь, сталъ я съ добрыхъ людей контрибуцію взимать, анъ въ годъ у меня 27 рублей съ пятаками насыпалось! Въ неурожай семейнымъ и подѣлилъ, одинъ образокъ подновилъ... Ловко?

— Дѣйствительно, это прекрасно... сказалъ Иванъ Лукичъ и снова подумалъ: — «Прекрасно, если только говоришь правду!»

Маленькая старуха въ подоткнутомъ платьѣ, называемая дѣвкой и Агашкой, внесла самоваръ, потомъ подала на подносѣ бѣлый, вкусомъ похожій на просфору, хлѣбъ, бутылку вишневой съ медомъ

наливки, десятокъ яицъ и миску съ подогрѣтыми аладьями. Иванъ Лукичъ поглядѣлъ и въ тотъ же часъ почувствовалъ голодъ. Весьма быстро онъ и батюшка покончили аладьи, яйца, съѣли весь хлѣбъ, запили вишневкой и принялись за чай. Сонъ прошелъ у Винарскаго. Собесѣдники разговорились. Иванъ Лукичъ тутъ же высказался вполнѣ: сообщилъ о. Николаю, что онъ человѣкъ гуманныхъ правилъ, ѣдетъ изъ Москвы, что у него своя педагогическая система и есть нѣкоторые завѣтные планы относительно дѣла образованія юношества. Сказалъ еще, что любитъ ужасно все русское, напримѣръ, хлѣбный квасъ, и хотя этотъ предметъ мало имѣлъ общаго съ гуманностью, но сказался совершенно случайно, вѣроятно навѣянный несносной и долгой ѣздой въ жару. Впрочемъ, Иванъ Лукичъ говорилъ отъ души и весьма искренно выразилъ о. Николаю желаніе, чтобы его новые сослуживцы были не рутинеры, а, такъ сказать, единовѣрцы по идеямъ.

— У меня въ вашей гимназіи двоюродный племянникъ учителемъ латинскаго языка состоитъ, вдругъ вспомнивъ, замѣтилъ о. Николай.

— Да что вы! пріятно удивился Винарскій.— А каковъ онъ? Вообще, порядочная личность? Молодой человѣкъ?

Будущій инспекторъ особенное значеніе придавалъ тому, молодой или старый былъ дѣятель.

Первое говорило въ пользу, второе — въ ущербъ узнаваемому.

— Молодой, отвѣчалъ крякнувъ священникъ.— Но такой, смѣю вамъ объяснить, воръ, просто пфу тебѣ! Лѣнтяишка, хитрецъ... не люблю его хуже всякой пакости. Для васъ не находка-съ. Вы его тамъ подтяните крѣпче.

Иванъ Лукичъ опѣшилъ.

— Вы что же... хорошо его знаете? спросилъ онъ.

— Сашку—племянника-то? Еще бы не знать. Знаю. Гимназистовъ эксплоатируетъ, кондиціи даетъ... Знаю.

«Странная атестація родному!» опять подумалъ Винарскій, не зная, что сказать вслухъ.

— Тамъ есть перцы, господа профессора-то! продолжалъ, дуя въ блюдце съ чаемъ, о. Николай.— Формалисты. У меня, извольте узнать, внукъ тамъ учился, въ гимназіи. Такъ я знаю ихніе порядки. Да вотъ сами увидите. Прикажете еще стаканчикъ?

Винарскій молча подвинулъ блюдечко со стаканомъ, а о. Николай, наливая чай, продолжалъ:

— Тоже начальникъ вашъ... совсѣмъ пустяковый человѣкъ. Мягокъ онъ, — это вѣрно, да кой шутъ изъ его мягкости, ежели у него здѣсь одной клепки не досчитаешься? Вертятъ имъ, кто какъ хочетъ. Предмѣстникъ вашъ, господинъ инспекторъ фонъ-Бурло, за носъ директора водилъ. Все въ его рукахъ заключалось... Да вотъ погодите, сами, говорю, увидите и провѣрите мои слова.

Мнѣ бы и соваться съ своими словами въ ваше дѣло нечего, но ребятишекъ жаль. Обратите вниманіе на ребятишекъ, чтобъ ихъ не обижали...

«Однако! соображалъ про себя Иванъ Лукичъ, поглядывая на своего собесѣдника.—Тоже обличаетъ... А самъ крестьянъ за волосы деретъ и... эта еще приватная кружица изъ-подъ табаку!»

Иванъ Лукичъ принялъ сонный видъ и, допивъ третій стаканъ чаю, поблагодарилъ хозяина. Тотъ провелъ его въ комнатку, гдѣ приготовили постель, и пожелалъ гостю доброй ночи. Улегшись въ теплую перину, на чистую простыню изъ грубаго полотна—отъ простыни и всей постели вкусно пахло сѣномъ—Иванъ Лукичъ съ наслажденіемъ потянулся, свернулся калачикомъ и закрылъ глаза. Но заснулъ онъ не сразу. Съ полчаса до ушей Винарскаго долетало тиканье маятника и очень похожая на тонкій звонъ бубенчиковъ пѣсня запечнаго сверчка. Какъ только это сравненіе пришло въ голову Ивану Лукичу, въ ту же минуту передъ его глазами очутилось темносинее небо, а на немъ загорѣлись цѣлымъ роемъ бѣлыя звѣздочки. Поперегъ всего неба проходилъ серебряной полосой млечный путь. Но скоро съ рѣки поднялся туманъ, закрылъ черную землю, небо и всѣ звѣзды съ ихъ колючими, но кроткими лучами. Иванъ Лукичъ даже перестaлъ различать спину ямщика, а только слышалъ мелодическій и печальный звонъ бубенчиковъ.

— Ямщикъ... скоро-ли Гурьево? пробормоталъ онъ и крѣпко заснулъ на днѣ перины.

Проснулся Иванъ Лукичъ довольно поздно, часовъ въ 10. Въ сосѣдней комнатѣ что-то ворчало, булькало и пыхтѣло, напоминая разсерженную кошку или поспѣвшую опару. Винарскій съ недоумѣніемъ приподнялся на кровати, дотянулся до двери и заглянулъ въ гостиную. Оказалось, что тамъ на столѣ буянилъ скипѣвшій самоваръ, а старая Агашка перетирала стаканы. Замѣтивъ лысоватую маковку пріѣзжаго, она поклонилась ему въ поясъ и проговорила нараспѣвъ:

— Съ добрымъ утречкомъ, батюшка-баринъ, съ праздничкомъ! Сею минутою ваши брючки съ сапожками Спирька предоставитъ...

— Сначала, голубушка, дайте умыться.

— Слушаю, отецъ родной.

Черезъ десять минутъ Винарскій сидѣлъ за чайнымъ столомъ и пилъ молоко. О. Николая еще не было. Онъ служилъ обѣдню. Но скоро и его громоподобный басъ раздался на улицѣ. Тамъ что-то, какъ видно, случилось экстренное.

— Иди, иди, разбойникъ! Поворачивайся, каторжникъ безобразный!

Съ этими энергичными словами о. Николай, одѣтый въ люстриновую рясу и съ бурой, облѣзлой камилавкой на головѣ, взошелъ въ горницу, таща за воротникъ гунявaго мужиченку въ худыхъ лаптяхъ и съ прорѣхами на обѣихъ ластовицахъ рубахи.

— Вотъ-съ, Иванъ Лукичъ, не желаете ли душегуба видѣть? спросилъ о. Николай, снимая камилавку и садясь возлѣ чайнаго стола.—Вотъ онъ, Василій Петровъ Тычкинъ, здѣшній крестьянинъ, кандидатъ на далекій островъ Сахалинъ и бѣсу кумъ.

— Да? Что же онъ сдѣлалъ?

— Ничего не сдѣлалъ. Церковныхъ денегъ три рубля пропилъ.

Мужиченко конфузливо теребилъ руками свой картузъ и глядѣлъ бокомъ въ дальнее окно.

— Онъ, извольте ли видѣть, слесарь, взялся церковный сундучекъ починить, денегъ трешницу на струменты выклянчилъ и—что же вы себѣ думаете!?—всѣ ихъ, до стертаго гроша, къ Ермолаю въ кабакъ спустилъ. А теперь вотъ молится, въ ногахъ валяется, прощенья проситъ...

— Не буду, батюшка! Тоись вотъ какъ передъ... заскулилъ мужиченко.

— Молчать! крикнулъ, топая ногой, о. Николай.—Я тебѣ покажу деньги угодника пропивать. Эти три рубля угодникамъ въ кружку наклали...

— Батюшка! Ей-ей, отдамъ! Ни полушки...

— Цыцъ! Говорю я тебѣ—молчи...

— Можетъ быть, о. Николай, онъ въ самомъ дѣлѣ отдастъ? вмѣшался Иванъ Лукичъ.

— Вы изволили, Иванъ Лукичъ, меня спрашивать, что сей мужикъ сдѣлалъ? будто не слыша замѣчанія Винарскаго, сказалъ о. Николай.—А я

вамъ отвѣтствовалъ: ничего. И паки говорю я: сей негодный слесарь — кандидатъ въ Сибирь-съ. Потому, ежели членъ общества ничего не дѣлаетъ, онъ тунеядецъ, а ежели онъ тунеядецъ—онъ дѣлается нищимъ, пролетаріемъ-съ, и начинаетъ сей пролетарій баловаться, пьянствовать, потомъ, для добычи средствъ къ пьянству, красть, а тамъ и прочія художества выполнять, отъ коихъ до каторжныхъ работъ весьма близехонько-съ. И надо вамъ сказать, что въ нашемъ селѣ, благодаря Бога, такихъ воровъ не густо, всѣ наперечотѣ, а сей— наизлокознѣннѣйшій. А ежели, задамъ я вамъ вопросъ: одна паршивая овца все стадо можетъ перепортить, то, говоря въ отношеніи этого слесаря безъ струментовъ, что предпринять слѣдуетъ?

— Мм... конечно, если онъ такой дурной крестьянинъ, то... выселить его, чтобы другихъ не заражалъ! согласился Иванъ Лукичъ и прибавилъ: — Дурные примѣры, батюшка, заразительны...

— Точно-съ. Но, тѣмъ не менѣе, вы разсудили неправильно. Я думаю не такъ, а вотъ какъ. Ежели этотъ Василій Тычкинъ—паршивая овца, а я— его пастухъ, то долженъ я паршу съ него свести, снадобьемъ какимъ смазать, обмыть. Глядишь, отгуляется овца и какую вамъ шерсть дастъ, ай-люли! Вы посудите, ну, что толку этого подлеца сейчасъ въ станъ отправить, протоколъ написать и черезъ мирового въ тюрьму сбагрить? Пропадетъ мужикъ, какъ песъ. А мы его, голубчика моего, въ холод-

ную запремъ, вытрезвимъ, да потомъ такую эпитимію наложимъ, что только пусть спину почесываетъ! Послѣ того подъ присмотръ. Хочетъ онъ, не хочетъ, а отъ духовной коросты мойся. А насчетъ выселенія, Иванъ Лукичъ, это вы тяжеленько махнули. Никому не приведи Господи съ родного насѣста къ чорту на кулички выбираться... Ишь ты, ишь ты ротъ-то разинулъ, бѣлужій носъ!

Послѣднее относилось къ преступнику и застало его врасплохъ. Мужиченко вздрогнулъ, сморщился и, вдругъ заплакавъ, грянулся на колѣни.

— Отецъ Миколай! Родимый! завылъ онъ.— Отпусти... ддушу на пок...

— Тс! Молчать!

— Батюшка! Господи... Владычица! стоналъ Тычкинъ, ловя руку священника.

— Ужъ простите его, о. Николай! шепнулъ не любившій сильныхъ сценъ Иванъ Лукичъ.

— Съ какой стати? Ни за что не прощу! отвѣчалъ, хмуря сѣдыя брови, о. Николай.—Не выть у меня, погибельная твоя душа! Вы думаете, Иванъ Лукичъ, хорошо имъ, ворамъ, потакать? Очень скверно-съ. Ужъ на что хуже—вора прощенаго. Не слѣдуетъ губить-съ, а наказывать необходимо, страха ради іудейска. А плачетъ онъ оттого, что пьянъ. Я вижу, плохо вы мужика знаете.

Винарскій закусилъ губы. Онъ претендовалъ на эпитетъ народника и, прочитавъ нѣсколько книгъ

и очерковъ изъ крестьянской жизни, считалъ деревню для себя хорошо извѣстной.

— Вонъ, мусоръ этакій! продолжалъ гремѣть батюшка.—Иди на куфню и дожидайся своего часу! Спирька!

Вбѣжалъ парень съ рыжими волосами и, приподнявъ мужиченку съ пола, въ одну секунду вытолкалъ его изъ комнаты.

— Не выпускать его! Пошлите Анютку за старостой, а сами стерегите! все кричалъ о. Николай и, обернувшись къ своему гостю, присовокупилъ:—да-съ, плохо вы, очень плохо знаете нашу среду-съ! Вы тамъ, въ Москвѣ-то, поди и выросли?

— Да, я признаться, въ провинціи ни разу... Хотя очень много читалъ...

— То-то и есть. Вотъ вамъ, я чай, все здѣсь въ диковинку съ непривычки. Небойсь, про себя думаетъ: собака—попъ.

— Что вы, батюшка... помилуйте! сконфузился Винарскій.—Я вовсе...

— Ежели и подумали, я не въ обидѣ. Первое впечатлѣніе случается невѣрно. Я самъ спервоначалу плохо людей постигалъ и очень скорыя характеристики по одному взгляду составлялъ.

— А сколько вамъ лѣтъ, батюшка?

— Мнѣ-то? Угадайте?

— Гм... Подъ шестьдесятъ?

— Семьдесятъ девятый-съ, государь мой, вона сколько. Не похоже?

— Просто невѣроятно!..

— Ага! Вотъ я какой дѣдка! Не въ васъ, молодыхъ людей.

— Я-то, положимъ, не молодой человѣкъ. Мнѣ самому, о. Николай, 42 года.

— Да ну-те!? А я вамъ 35 считалъ.

О. Николай вынулъ табакерку, понюхалъ табаку и постучалъ въ стѣнку.

— Агашка! крикнулъ онъ.—Подавай закусочку.

— Что же это я? спохватился Иванъ Лукичъ.— Вѣдь, мнѣ пора ѣхать.

— Нѣтъ, вы теперь не поѣдете, отвѣчалъ о. Николай.—Жара на улицѣ несосвѣтимая, да и кучерокъ вашъ пьянъ—въ кабакѣ сидитъ.

— Какъ такъ? Откуда вы знаете?

— Отъ обѣдни шествовалъ — въ кабакъ завернулъ...

— Вы! Зачѣмъ?

— Я завсегда изъ церкви въ кабачекъ заглядываю. Кто, значитъ, бѣсу молился—сейчасъ мнѣ и попадается. Я вѣдь тихонечко подхожу, съ боковъ. Глядь—вашъ ямщикъ съ этимъ слесаремъ сидятъ, обнявшись, и пѣсни поютъ. Ну, я ихъ обоихъ тово... кучера лбомъ въ переднiй уголъ постучалъ, а слесаря за ухо въ домъ притащилъ. Вечеромъ поѣзжайте.

— Ахъ, каналья! Обѣщался мнѣ къ 12-ти часамъ лошадей запречь—и вдругъ...

— Сами виноваты-съ. Слѣдовало дать ему на чай

не здѣсь, а въ городѣ. Онъ и соблазнился! А торопиться вамъ нечего, вы отдохните, вечеркомъ, ради праздника, я вечерню отслужу, вы нашъ храмъ посѣтите, въ кружицу лепту бросьте... Потомъ и поѣзжайте себѣ съ Богомъ, въ прохладкѣ.

«Опять кружица!» мелькнуло въ головѣ Винарскаго.—Хороша дорога въ N-скъ?

— Прямая. Верстъ съ 30, пустяшная вещь. Часа въ три лихо доѣдете.

— Не шалятъ по дорогѣ-то?

— Это вы насчетъ грабежу? Ни-ни. Здѣсь народъ добрый, съ совѣстью. Конокрады есть, а разбою не слышно. Вы, значитъ, не изъ храбрыхъ, Иванъ Лукичъ? Ась?

— Нѣтъ, я ничего, но... предосторожность дѣло не...

— Разумѣется. А вотъ наша грамматика съ ариѳметикой идетъ! Парень душевный, рекомендую-съ.

— Кто такой? Учитель?

— Онъ самый.

Въ комнату, нагнувшись, пролѣзъ такой же огромный, какъ самъ батюшка, юноша лѣтъ 20-ти, съ безбородымъ, свѣжимъ лицомъ, неуклюжій и застѣнчивый. Одѣтъ онъ былъ въ ситцевую рубашку, узенькія и короткія парусиновыя панталоны, а въ рукахъ несъ книгу и простой кожаный картузъ. Узнавъ, что гость о. Николая—инспекторъ гимназіи, онъ сначала покраснѣлъ, потомъ, покосившись на свои брюки и рубашку, вспотѣлъ и не зналъ,

куда глядѣть. Но Иванъ Лукичъ заговорилъ съ нимъ такъ просто и любезно, что молодой (это обстоятельство было въ пользу) великанъ оттаялъ и понемногу совсѣмъ оправился. Винарскій поинтересовался системой преподаванія въ школѣ.

— Система обыкновенная, отвѣчалъ ему учитель. — Учу по звуковой методѣ, буквы самъ рисую и вырѣзаю; «Родное Слово» есть, «Родина», нѣсколько хрестоматій, вотъ батюшка книги какія даетъ, а больше мы ребятамъ сказки сказываемъ.

— Какъ это сказки? Какія сказки?

— Какія придется. Я наровлю, чтобы къ сельскому быту ихъ пригнать, напримѣръ касательно работъ, поведенія, разное тамъ... Иной часъ – конецъ сказки перевру по-своему. Говоримъ-говоримъ, приходитъ Николай Θомичъ на Законъ Божій, урокъ объяснитъ, а потомъ самъ начнетъ какъ бы въ родѣ проповѣди, только своими словами, конечно. Слушайте, говоритъ, ребята, сейчасъ я вамъ сказку о вредѣ пьянства разскажу, какъ одинъ мужикъ Бога не боялся, семью по-міру пустилъ, а самъ, мошенникъ, все водку хлесталъ и подъ конецъ нутро себѣ водкой прожегъ. Мальчишки спрашиваютъ:

— Ужли, батюшка, наскрозь??

— Нѣтъ, говоритъ, — не насквозь, а кишки у него перегорѣли, такъ что пищи въ себя не принимали. Вотъ мужикъ и померъ.

И начнетъ. Ребята выслушаютъ — они у насъ есть и по 16 лѣтъ—и сейчасъ промежъ себя:

— Экая, братцы, эта водка располая...

Послѣ батюшки опять я говорю. Говорю про птицъ, про звѣрей, про охоту. Чего не знаю—въ Брема загляну и прочту... Занятно ребятамъ...

— А у васъ даже Бремъ есть? спросилъ Винарскій.

— Есть. У одного помѣщика Николай Ѳомичъ всѣ четыре тома купилъ за боченокъ меду. Важная книга.

— Еще бы. Прекрасная, полезная. Разумѣется, вы это все... чтенія и разсказы сверхъ программы. Ну, а какъ дѣти у васъ въ наукахъ? Понятливы?

— Не очень, чтобы... но все-таки смекаютъ.

— Жаль, что теперь каникулы. Я бы съ удовольствіемъ побывалъ у васъ въ классахъ. Меня особенно сказки интересуютъ. Я самъ признаю пользу всякихъ былинъ, легендъ, народныхъ сказокъ и проч. Будучи популярно изложены...

— Если вамъ угодно, перебилъ о. Николай,— то останьтесь на весь вечеръ. Ко мнѣ по праздникамъ вся мелюзга придетъ... это вотъ онъ затѣялъ, сказочникъ. Мальчишки съ дѣвчонками поналѣзутъ, а мы имъ про небылицы въ лицахъ времъ. Останьтесь, послушайте, а ночью въ дорогу. Бене, домине инспекторе? Тьфу, кажись, не такъ!

— Bene, bene! улыбаясь, сказалъ Винарскій и пожалъ о. Николаю руку:—я очень радъ...

Когда жаръ свалилъ, Иванъ Лукичъ, батюшка и учитель, пообѣдавъ и еще разъ напившись чайку,

вышли прогуляться по селу. Гурьево глядѣло небогатымъ, но и не захудалымъ селомъ. Не попадалось ни одной ободранной хаты, ни одного нищенски-одѣтаго мужика. Между прочимъ, встрѣтились съ отрезвѣвшимъ ямщикомъ, который, отоспавшись въ бурьянѣ, шелъ на батюшкинъ дворъ. Попавшись господамъ, онъ выслушалъ нѣсколько укоровъ со стороны Ивана Лукича и при этомъ собственными волосами подтвердилъ разсказъ о строгости гурьевскаго попа: о. Николай больно оттрепалъ его за вихры. Между тѣмъ, ударили къ вечернѣ. О. Николай вернулся за камилавкой, а Винарскій съ учителемъ пошли прямо въ церковь. Иванъ Лукичъ никогда не бывалъ на службѣ въ сельскомъ храмѣ. Ему ужасно понравилась тишина, странной живописи образа, тоненькія изъ желтаго воску свѣчи, бѣдныя до поразительности ризы о. Николая, особый напѣвъ очень недурного хора изъ крестьянскихъ дѣтей, которымъ управлялъ древній солдатикъ съ деревянной ногой. О. Николай служилъ тоже не по-московски, не стоналъ, не дѣлалъ скорбнаго лица, а говорилъ возгласы съ эктеніями громко, разборчиво. Молящіяся крестьянки—старухи по преимуществу — шопотомъ повторяли пѣніе хора и вздыхали. Наверху, подъ куполомъ, въ темнотѣ и дымѣ ладана, передъ коричневымъ образомъ Бога Саваоѳа, блестѣли—свѣчекъ не было видно — яркіе огоньки, напоминающіе звѣзды на темномъ небѣ. Все это вмѣстѣ располагало къ ти-

химъ, кроткимъ думамъ, къ невольной молитвѣ и всепрощенію. Бѣдная церковь казалась возвышеннымъ отъ всего мірского уголкомъ; трепетный блескъ желтыхъ свѣчекъ заронялся въ душу; пѣсни клира звенѣли въ ушахъ, какъ дружеское ободреніе...

Часамъ къ восьми вечера въ горницу священника набѣжала цѣлая орда дѣтей. Тутъ были и пѣвчіе, и совсѣмъ крохотныя дѣвчонки съ острыми носами и въ большихъ мамкиныхъ платкахъ. Винарскій съ ними быстро познакомился и подарилъ гривенникъ на подсолнухи. Затѣмъ, начались сказки. Говорили всѣ: и о. Николай, и учитель, и даже Иванъ Лукичъ разсказалъ что-то о Ермакѣ Тимофеевичѣ, сдѣлавъ выводъ, что русскій человѣкъ, при энергіи и трудѣ, всего можетъ достигнуть и повершить. Кромѣ того, Винарскій сдѣлалъ ребятамъ, что были побольше, легкій экзаменъ и остался такъ доволенъ, что тутъ же пожалъ руку учителю и наговорилъ ему много лестнаго. Тотъ краснѣлъ и временами одергивалъ свою коротенькую рубашку.

Наконецъ, пришло время отъѣзда. Иванъ Лукичъ, положивъ какую-то ассигнацію въ «приватную» кружку—теперь ужъ онъ ничего не думалъ—сердечно простился съ новыми знакомцами. О. Николай, провожая гостя, все тѣмъ же грубымъ голосомъ, какъ при встрѣчѣ, желалъ ему всякаго добра.

— Завертывайте къ намъ, Иванъ Лукичъ, коли васъ Богъ мимо понесетъ... прошу покорно.

— Непремѣнно, о. Николай! Нарочно пріѣду! отзывался съ телѣги Винарскій. — До свиданія! Будьте здоровы, коллега!

Учитель обдернулъ рубашку и поклонился. Лошади дружно взялись, и скоро телѣга съ Иваномъ Лукичемъ выѣхала за село, провожаемая мальчишками и множествомъ собакъ. Потянулись луга, ржаныя поля, запахло медомъ зрѣющаго колоса. Стояла теплая лѣтняя ночь. На небѣ роились бѣлыя звѣзды. Иванъ Лукичъ, подъ впечатлѣніемъ минувшаго дня, смотрѣлъ впередъ и думалъ.

— У каждаго человѣка, какъ говорятъ сказки, есть на небѣ своя звѣздочка... Значитъ, есть и о. Николая, и учителя, и моя тоже... которая тутъ моя?

Онъ всматривался въ черно-синее небо и ему пришло въ голову, что однѣ изъ лучшихъ, небольшихъ, малозамѣтныхъ, но чистыхъ и нѣжно горящихъ звѣздъ—это звѣзды о. Николая и сказочника-учителя... Скромно и честно дѣлаютъ эти люди свое дѣло, и звѣзды ихъ улыбаются имъ съ неба... Да, на свѣтѣ, право, больше добрыхъ людей, чѣмъ намъ думается... гораздо больше!

Въ эту минуту размышленій Ивана Лукича вдругъ какая-то звѣздочка сверкнула, прокатилась сквозь млечный путь и—погасла. Винарскій улыбнулся и проговорилъ:

— Это упала звѣзда преступнаго слесаря!

СТРАСТЬ.

Голосъ, нѣжный, какъ звукъ голубинаго полета, звенѣлъ надъ рѣкой, бѣжалъ по ея гладкой, чуть закурившейся туманомъ поверхности и, ударяясь въ сосѣднiй высокiй берегъ, слабо летѣлъ обратно. Кто-то пѣлъ за желто-зеленымъ камышомъ, а сидящiй въ крохотной лодкѣ-душегубкѣ человѣкъ слушалъ, опустивъ голову на колѣни, точно въ полуснѣ.

«Отпущу я птицу бѣлую,
Навяжу на перья ленточку,
Пусть ее узнаетъ другъ милой,
Милой другъ, со мной разлученный»...

Пѣлъ женскiй голосъ, и человѣкъ въ лодкѣ постепенно вышелъ изъ дремоты, поднялъ свою черноволосую голову и осмотрѣлся. Это былъ широкоплечiй молодецъ съ черными глазами и усами, быстроглазый, съ приплюснутымъ носомъ и хитро сжатыми губами. Въ плохой курткѣ и ободраномъ

картузѣ, но въ щегольскихъ сапогахъ съ переборами, онъ походилъ не то на цыгана-барышника съ конской ярмарки, не то на барскаго охотника былыхъ временъ, который загулялъ и пропилъ все, кромѣ сапогъ. Къ тому же, въ лодкѣ валялся длинный ножикъ, какимъ прикалываютъ зайца, вынутаго изъ-подъ борзыхъ. Черноволосый пловецъ осторожно погналъ впередъ лодку и обогнулъ камыши.

— Это Катерина поетъ, пробормоталъ онъ, привставъ на колѣнки.

Когда лодка подъѣхала къ берегу, онъ увидалъ у самой воды молодую дѣвушку въ пестрой юбкѣ, босоногую, бѣлую, румяную, съ бѣлокурой косой и темноголубыми, какъ рѣчная вода, глазами. Она плела зеленый вѣнокъ и тихонько напѣвала свою пѣсню.

— Здорово, Катерина! рѣзкимъ, похожимъ на птичій, крикомъ привѣтствовалъ ее пловецъ, выюркнувъ передъ дѣвушкой и ударивъ по водѣ весломъ.

— Ой! испугалась Катерина.—Кто такое?

— Свои, свои, не пужайся.

— Это ты? Зачѣмъ пожаловалъ? Ужъ разъ тебѣ спину здѣсь обломали?

— Важное дѣло! Спина-то у меня не купленая. Обломали — присохло.

— Такъ въ другой разъ получше обломаютъ, живой не встанешь.

— Ну?!. Въ сурьезъ, значитъ?

— А вотъ узнаешь. Сойди только на берегъ.

— На кой лѣшій мнѣ твой берегъ. Мнѣ и здѣсь хорошо. Я вотъ съ тобой погуторю, цыгарку пососу...

Говоря это, пловецъ вынулъ сигару, спички, закурилъ и началъ выпускать дымъ кольцами, какъ дѣлаютъ скучающіе помѣщики, сидя на дѣдовскомъ вольтеровскомъ креслѣ и вспоминая о прокуренномъ наслѣдствѣ. Дѣвушка встала, отряхнула подолъ и сѣла подальше, на бугорокъ, и снова взялась за свой вѣнокъ. Душегубка, врѣзавшись въ камыши, стояла неподвижно, саженяхъ въ трехъ отъ берега. Нѣкоторое время курившій молча глядѣлъ на дѣвушку.

— Знаешь, что? наконецъ спросилъ онъ, понизивъ голосъ.—Знаешь, что я тебѣ скажу?

— Что такое?

— Графъ вчерась хотѣлъ себя за мѣсто лампы на гвоздикъ повѣсить. Чувствуешь, какъ врѣзался? Ужасти! Или, говоритъ, зарѣжусь, или утоплюсь, или—свое возьму. Поняла.

— А я тебѣ, Лаврентій, вотъ что скажу: убирайся, покуда цѣлъ. Кликну батюшку, позовемъ сосѣдей, поймаютъ—солоно похлебаешь! И какъ у тебя духу берется графскимъ холопомъ состоять? Безсовѣстный.

— Это я-то графскій холопъ?

— Ты-то.

— Анъ врешь. Ежели ты хочешь знать, графъ у меня—одна видимость, а я тутъ свою мысль содержу!

— Еще бы тебѣ не содержать: графъ, небойсь, Лаврентію Барсукову двугривенный пожертвуетъ, а Лаврентій за то всякую подлость для графа сдѣлаетъ! Сапоги-то съ барской ножки, поди? Въ задатокъ получилъ?

Лаврентій сверкнулъ глазами.

— Вѣдьма ты, языкъ твой змѣиный! прошипѣлъ онъ. — Вѣдь, знаешь, что я черезъ тебя сохну, знаешь? Такъ чего-жъ измываешься, въ злобу гонишь, улыбками разными улыбаешься?

Катерина насмѣшливо оглядѣла пловца и вдругъ разсердилась.

— Онъ по мнѣ сохнетъ! сказала она, гнѣвно ударивъ рукой по землѣ.—Ахъ, наказанье! И повернулся же у него языкъ! Ты мнѣ уши продудѣлъ про свою любовь, ты сохнешь,—а какъ же ты, Іуда, хочешь меня графу-то продать? Кто мнѣ прошедшей недѣлѣ двѣсти рублей предлагалъ? Ну, говори, какъ это понимать надо?

— А такъ и понимать. Дѣйствительно, я графа распалилъ, про тебя такое наплелъ, что Боже упаси... вонъ за энти кустики его возилъ, когда ты съ дѣвками въ рѣчкѣ купалась. Моя работа, вѣрно. А сдѣлалъ я такъ съ отчаянности. Не любъ я тебѣ—на же вотъ, получай.

— Ну, а что, ежели ты ошибся. Можетъ быть, ты мнѣ любъ?

— Смѣйся, смѣйся.

— Ей-ей. И вдругъ бы я съ тобой слюбилась. А послѣ того графъ тебѣ двѣсти рублей за меня выплатилъ — взялъ бы ты деньги?

— Вишь, дьяволитъ!

— По глазамъ вижу, что взялъ бы! Отвѣчай по совѣсти — взялъ бы?

— Двѣсти рублей?

— Можетъ и триста.

— Отчего-жъ не взять? Триста рублей намъ бы въ хозяйствѣ пригодились... А тебя не убыло-бъ съ того, да и хвостъ тебѣ я тѣмъ пристегнулъ. Ты бы мнѣ тогда: конокрадъ, воръ; я бы тебѣ: графская сахарница!

— Вотъ ты какой хорошенькій! Я тебя давно раскусила. Только ты напрасно подобный составъ въ головѣ носишь. Не будетъ по-твоему. Ни за тебя я не пойду, ни графу не продамся. Не таковская я дѣвушка, слышишь!

Лаврентій кинулъ окурокъ сигары въ рѣчку и усмѣхнулся.

— Не понимаю, что ты за дѣвка! сказалъ онъ, оскаливъ свое блѣдное лицо. — Другая не то что за двѣсти, за пустое согласится. Сдается мнѣ, что ты на тысячи большія мѣтишь! Встрѣнешься графу, подвернешь механику, ободдѣетъ старый чортъ и

отдастъ тебѣ всѣ мѣдныя... Ну, тогда ужъ ты другое запоешь... Вѣрно, что ли?

— Вѣрнѣе смерти. Ты что бабка-угадка.

Лаврентій вытащилъ изъ жилетнаго кармана другую сигару и зажегъ спичку.

— Сигарки, поди, графскія? спросила Катерина.—Хороши?

— Цыгары первый сортъ.

— Подтибрилъ или тоже въ задатокъ взялъ?

Лаврентій покачалъ головой и злобно сплюнулъ въ воду.

— Что за аспидъ-дѣвка! Пропалъ нашъ графъ, хуже дождевого пузыря... Ишь, мурло нагуляла... Шельма!

— Ты, никакъ, ругаться? Уходи по добру по здорову, а то отца кликну.

— Кличь.

— Ладно, сейчасъ... только не бѣжи, готовь спину!

— Кличь, кличь, тварь!

— Эй! Юхимъ! Батька! Люди! Ау!

Катерина вскочила съ травы, какъ молодая кобылица, сразу стройно вставъ на ноги и громко— на этотъ разъ рѣзкимъ голосомъ — крикнула домашнимъ. Барсуковъ схватилъ весло и поспѣшно отпихнулся.

— Диви бы честная была! яростно проговорилъ онъ, озираясь по сторонамъ. А то самая прожже-

ная, самая послѣдняя... Погоди, по всему селу осрамлю!

— Что, что?! Какъ ты смѣешь? Ты меня осрамишь? Чѣмъ, бахвалъ?

— Тѣмъ. Осрамлю за то, что ты безчестная...

— Лжешь, предатель! Эй, батька! Сюда! Конокрада ловите! Разбойника!

— Прогорѣлому барину Окуневу продалась, кричалъ въ свою очередь Лаврентій.—Говори, сколько взяла? Четвертной билетъ? Или, можетъ, двѣ красныхъ бумажки?

Катерина поблѣднѣла, нагнулась, подняла большой камень и со всего размаху швырнула его въ Лаврентія, который торопился на своей душегубкѣ внизъ по рѣкѣ. Камень угодилъ возлѣ края лодки, задѣвъ по веслу и опрыснувъ гребца дождемъ воды. Въ эту минуту къ Катеринѣ подбѣжали двое, высокій старикъ и коренастый парень. Оба, завидѣвъ лодку, показали Лаврентію кулаками и сыпнули грубой бранью.

— Жаль, челнока нѣтъ! Я бы тебя воротилъ! оралъ старикъ.—Жулябія!

— Хорошо, хорошо, бормоталъ весь мокрый Лаврентій.—Ругайтесь, черти. А ужъ Катьку вашу я поймаю на узенькой дорожкѣ! Погодите!

И онъ изо всей силы началъ грести весломъ.

Между тѣмъ, на рѣку и сосѣднія поля тихо спускался теплый вечеръ. Камышъ загорѣлся розовымъ блескомъ заката, туманъ погустѣлъ и по-

всюду наступила особенная, чуткая сумеречная тишь.

Лаврентій плылъ и думалъ о Катеринѣ. Ужъ давно эта красивая дѣвка взбаломутила ему душу и вынула сердце, до тѣхъ поръ очень нечувствительное ни къ дѣвичьимъ улыбкамъ, ни къ слезамъ. Лаврентій былъ самый непутевый сельскій мужикъ, промышлявшій рыболовствомъ, а въ темныя ночи уводомъ лошадей у своихъ же сосѣдей. Онъ ни разу не попадался, но его били не разъ по подозрѣнію. Онъ даже сидѣлъ въ тюрьмѣ по наговору завѣдомаго разбойника Жилки, сосланнаго въ Сибирь. Но дѣвки его любили. Одна Катерина, дочь огородника Лизгунова, самая богатая на селѣ невѣста, дала ему отпоръ. Лаврентій попробовалъ взять дѣвушку угрозой, но отецъ Катерины подстерегъ его съ двумя батраками и такъ избилъ, что Лаврентій очнулся въ своей душегубкѣ, отнесенной версты за двѣ по теченію рѣки. Но и подобная расправа не охладила влюбленнаго. Онъ бродилъ, какъ тѣнь, возлѣ самыхъ лизгуновскихъ огородовъ, незамѣтно подплывалъ на лодкѣ и, встрѣтивъ дѣвушку одну, издали говорилъ о своемъ чувствѣ. Катерина или отсмѣивалась, или звала работниковъ, и Лаврентій, помня батрачьи кулаки, брался за весло и уплывалъ во-свояси. Но разъ онъ плылъ около Чернаго Яра — самаго широкаго мѣста рѣки Василевки — и вдругъ увидалъ на берегу Катерину съ бѣднымъ бариномъ Окуневымъ,

который жилъ недалеко отъ ихъ села на хуторѣ и разводилъ пчелъ. Тутъ Барсуковъ понялъ причину своихъ неудачныхъ ухаживаній и сталъ мстить. За десять верстъ отъ села жилъ въ имѣніи графъ N***, старый бобыль и любитель женскаго пола. Здѣсь Лаврентій почуялъ возможность прибыли и задумалъ свести Катерину съ графомъ. Онъ разсуждалъ такъ: если Катерина связалась съ Окуневымъ, то ужъ навѣрно этотъ голый баринъ не могъ заплатить ей большихъ денегъ, тогда какъ графъ, посмотрѣвъ Катерину, посулилъ сразу двѣсти рублей. Лаврентій заранѣе былъ убѣжденъ, что Катерина возьметъ деньги. Отъ денегъ, да еще отъ такихъ большихъ, отказаться нельзя. И тогда, можетъ быть, капризная дѣвка въ благодарность станетъ благосклоннѣе къ Лаврентію... Но на дѣлѣ вышло не такъ. Деньги графа не помогли, Катерина плюнула на его предложеніе. Теперь Лаврентій бѣсился, теряясь въ догадкахъ, откуда досталъ Окуневъ, живущій въ развален-номъ хуторкѣ, столько денегъ, чтобы взять Катерину? Вѣдь не даромъ же Катя любится съ нимъ, развѣ она дура!?

Полный такихъ мучительныхъ соображеній, Лаврентій плылъ по рѣкѣ, къ тому самому Черному Яру, гдѣ въ первый разъ изловилъ Катерину съ Окуневымъ. По дорогѣ онъ долго возился съ вершами, въ которыхъ не было рыбы, и на Черный Яръ онъ доѣхалъ поздно, вечеромъ, когда

ужъ показался яркій мѣсяцъ. Огибая согнувшіяся надъ водой старыя вербы, Лаврентій вдругъ замѣтилъ на берегу высокую фигуру въ шляпѣ и съ палкой въ рукахъ. У Барсукова забилось сердце: онъ сразу угадалъ, что это Окуневъ, и дѣйствительно не ошибся. Пчеловодъ-баринъ стоялъ за камышомъ и, пристально глядя на дорогу, курилъ папироску.

— Пришелъ... подумалъ Барсуковъ.—Значитъ, и она скоро прибѣжитъ по энтому берегу...

Черный Яръ отличался уединенностью. Берега его обросли камышомъ и высокой травой, проѣзжая дорога находилась не близко. По правую сторону отъ Яра темнѣло кладбище и шалашъ сторожа, но всегда пустой, такъ какъ сторожъ или сидѣлъ въ сельскомъ кабакѣ, или, выползшій оттуда на четвереренькахъ, заночевывалъ въ сосѣднемъ бурьянѣ. Лаврентій осторожно подобрался къ самому берегу, вдвинулъ въ камышъ лодку и прижался въ двухъ шагахъ отъ Окунева. Съ берега рыбака-конокрада не было видно, не смотря на лунную ночь, но самъ онъ могъ отлично наблюдать и слышать все то, что дѣлается на берегу. Ожиданіе не обмануло Барсукова. Черезъ нѣкоторое время на дорогѣ раздались глухіе, поспѣшные шаги, и среди бѣлѣсоватыхъ лучей мѣсяца мелькнула женская фигура. Это была Катерина. Окуневъ—высокій и статный мужчина—тихо свиснулъ и вышелъ изъ-за вербы. Катерина, пріостановившись на секунду и вытя-

нувъ шею, вскрикнула и побѣжала навстрѣчу барину. Окуневъ раскрылъ руки и обнялъ ее. Она была въ одномъ платьѣ, босая и даже безъ платка. Она тяжело дышала и пугливо глядѣла по сторонамъ.

— Ну, чего ты робѣешь? сказалъ весело Окуневъ.—Трусиха. Каждый разъ оглядывается, дрожитъ... ахъ, ты, дѣвчонка моя!

— Голубчикъ вы мой, торопливо отвѣчала Катерина.—Вы не знаете... Про насъ ужъ на селѣ болтаютъ! Пронюхали.

— Да что ты? Ну, народецъ! Кто говорилъ?

— Лаврушка Барсуковъ. Пріѣхалъ сегодня къ берегу, опять графскія предложенія предлагалъ, а послѣ того озлился на меня за издѣвку да и говоритъ: за сколько, молъ, барину Окуневу продалась? Я тебя осрамлю и разное тамъ...

Катерина разсказала недавнюю сцену съ рыбакомъ.

— Все это вздоръ, сказалъ, выслушавъ Окуневъ. — Не бойся ничего, пускай языки чешутъ. Я на тебѣ женюсь—вотъ и конецъ болтовнѣ.

— Голубчикъ! Что это вы! Развѣ же этому возможно быть?

— Чему такому?

— Да свадьбѣ! Охъ, не пара я вамъ... Вы шутите, право шутите...

— Катя! Сколько разъ я просилъ тебя говорить мнѣ не вы, а ты. А про свадьбу я говорю серьезно.

Ты мнѣ отличная пара. Ты крестьянка, но была въ уѣздномъ училищѣ, курсъ тамъ кончила, а я баринъ, да гимназіи не одолѣлъ. И выходитъ — мы два сапога пара. Родни у меня нѣтъ, корить тебя за твой родъ некому... Наконецъ, я тебя люблю и насильно беру тебя замужъ. Попробуй, не пойди! Я тебѣ такую стукушку...

— Ахъ, Николай Ильичъ... вы...

— Опять!?

— Ну, ты...

— И не Николай Ильичъ, а Николаша. Говори сейчасъ, а то я тебя за ухо возьму.

Говоря это, онъ посадилъ ее съ собой рядомъ на шинель и, бросивъ въ траву шляпу, обнялъ и прижался къ ней.

— Что-жъ ты, Катя? Я жду! проговорилъ Окуневъ, ища ея губы.

— Голубчикъ... только могла пролепетать Катерина и сомлѣла, задохнулась подъ его поцѣлуями, торопясь обнять сама и въ поцѣлуѣ выразить всю свою любовь, счастіе и желаніе. Страсть захватила обоихъ, а кругомъ было тихо и свѣтло, душисто и тепло, все пахло жизнію, лѣтомъ, зрѣющей пшеницей, коноплей. Только съ рѣки подувало пріятной прохладой, и легкая сырость голубымъ туманомъ вилась надъ берегами...

Барсуковъ сидѣлъ въ камышахъ и, кусая до крови блѣдныя губы, звѣремъ глядѣлъ на лежащую Катерину. Свирѣпая мысль — выскочить на

берегъ и убить ихъ обоихъ весломъ,—настойчиво лѣзла ему въ разгоряченную голову. Потомъ Лаврентій вспомнилъ о ножѣ, дрожащей рукой пошарилъ и нашелъ его въ лодкѣ и, схвативъ его за рукоятку, сталъ понукать себя на убійство. Видъ молодой, красивой женщины, которая вольной-волей отдалась чувству страсти, выводилъ изъ себя неудачнаго ухаживателя, но все-таки онъ трусилъ и боролся, скрежеща зубами и то занося ногу на берегъ, то снова становясь на колѣни, съежившись, какъ волкъ, готовый прыгнуть на овцу. Пока Лаврентій терпѣлъ такую пытку, сдѣлалось темно: мѣсяцъ зашелъ за облако, когда же снова просвѣтлѣло, Окуневъ сидѣлъ возлѣ Катерины и говорилъ ей:

— У меня ужъ все готово къ свадьбѣ, хата обложена соломой, поле засѣяно, огородъ засѣянъ, пчелы болѣть перестали... Мы съ тобой знатно заживемъ, Катюша. Вѣнчается раба Божія Екатери-и-на рабу Божьему Ни-ко-ла-а-ю!! протянулъ онъ, какъ басистый дьяконъ.

Катерина засмѣялась и закрыла лицо руками.

— Чему смѣешься? Рада?

— Ахъ, Николаша!

Катерина подвинулась къ нему и обняла.

— Вотъ за это люблю! сказалъ Окуневъ.—Насилу ты со мной по любви заговорила. А то Николай Ильичъ, вы и тому подобное... Молодецъ, Катя!

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ея шею, а она, ловя каждое его движеніе, стараясь угадать его малѣйшую прихоть и исполнить ее, распахнула кофту и, улыбнувшись, подставила свою грудь поцѣлуямъ любовника и тихому, дрожащему блеску луны...

Короткій крикъ перепела, раздавшійся надъ самымъ ухомъ Барсукова, заставилъ послѣдняго выйти изъ болѣзненнаго оцѣпенѣнія. Лаврентій сжалъ рукоятку ножика и, привставъ, хотѣлъ сдѣлать сильный скачекъ на берегъ. Но вдругъ злая мысль мгновенно родилась и созрѣла въ его мозгу. Онъ опять сѣлъ въ лодкѣ, торопливо спряталъ за голенищу сапога ножъ и притаился.

Между тѣмъ время бѣжало. Катерина и Николай Ильичъ стали прощаться.

— До свиданья, Катюша! Завтра я къ вамъ приду... Спи крѣпко да не говори ни слова батькѣ. Я его самъ ошарашу! Ну-ка, поцѣлуемся...

— До свиданья, Николаша!

Они обнялись, словно разставались на долгіе годы.

— Хочешь, я провожу тебя немного? спросилъ Окуневъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, золотой мой, не надо, я сама добѣгу, отказалась Катерина.—Тебѣ и такъ далеко идти, а я въ моментъ...

— Ну, ладно. До свиданья!

— Будь здоровъ!

Оба пошли въ разныя стороны, но еще нѣсколько разъ обернулись и крикнули другъ другу. Молодые голоса со звономъ пролетали въ ночной тишинѣ, и гдѣ-то далеко повторялись за лѣсомъ. Дождавшись, когда высокая фигура Окунева пропала въ лунной мглѣ, Лаврентій схватился за весло и бѣшенно погналъ свою душегубку. Отъ Чернаго Яра до жилья Катерины было версты три. Но дорога по берегу рѣки шла извилистой тропинкой и въ верстѣ отъ огородовъ Лизгунова пересѣкалась мостикомъ, перекинутымъ черезъ высохшее болотце, поросшее густой травой и рѣпейникомъ. Катерина шла быстро, но временами останавливалась и слушала, оглядываясь во всѣ стороны. Какіе-то глухіе звуки долетали до нея, словно кто хлопалъ въ ладоши или ударялъ по водѣ. Она не боялась, что ее хватятся дома: въ комнатахъ спала одна мать Катерины, а отецъ, братъ и работники ночевали въ амбарахъ и при лошадяхъ. Но дорога ее пугала, ночныя тѣни и бѣлый туманъ казались чѣмъ-то необыкновеннымъ, заколдованнымъ, деревья походили на какихъ-то чудовищъ, а крикъ ночныхъ птицъ, изрѣдка долетавшій изъ лѣсу, непріятно звенѣлъ въ ушахъ и бередилъ чувство страха. Но при всемъ томъ, она была полна счастьемъ, нѣгой, она еще чувствовала себя въ милыхъ объятіяхъ, ея щеки горѣли отъ недавнихъ поцѣлуевъ, и все тѣло отъ темени до ногъ ныло сладкой истомой.

— Голубчикъ, Николаша! говорила она вслухъ, стараясь какъ можно ласковѣе, нѣжнѣе произнести любимое имя.—Николаша!

— Эге-ге! рѣзко окликнули ее съ мостика.

Катерина вздрогнула и, холодѣя, увидала передъ собой словно изъ земли выросшаго человѣка съ блѣднымъ лицомъ.

— Кто это! спросила она, остановясь.

— А это мы, отвѣчалъ Лаврентій, скаля зубы и тоже не двигаясь съ мѣста.

Оба глядѣли другъ на друга и молчали. Каждый собирался съ духомъ и соображалъ, что дѣлать. Катерина поняла, что ни Окуневъ, ни на отцовскихъ огородахъ—если она закричитъ—ее не услышатъ. Нужно было избавиться отъ опасности другимъ способомъ, а что опасность существовала, Катерина это чуяла. Барсуковъ, въ свою очередь, размышлялъ, убить ли ее сразу, безъ милосердія, или сначала, пригрозивъ ножомъ, воспользоваться ею, взять силой, натѣшиться и тогда ужъ, можетъ быть, прикончить. Злоба душила его. Онъ тоже всю дорогу слышалъ проклятые поцѣлуи влюбленныхъ; ласковыя ихъ слова гудѣли въ его ушахъ. Катерина стояла теперь передъ нимъ съ расплетенными волосами, бѣлая, красивая, съ босыми ногами, и это сразу зажгло въ немъ страсть. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и заговорилъ:

— Ну, Катерина, посчитаемся, дѣвка, сказалъ онъ.—Твой тятенька меня отвалялъ, какъ собаку,

а теперь я его дочку либо убью, либо... что захочу, то съ ней и сдѣлаю!

— Что тебѣ надо? попятилась Катерина.— Сойди съ дороги...

— Нѣтъ, круглая, не сойду!

— А я крикну, народъ созову... Слышишь, пропусти меня!

— Кричи! Кричи!! Не отвильнешься теперь, подлая лиса!..

Лаврентій сбѣжалъ съ мостика и кинулся на дѣвушку. Катерина прыгнула въ сторону, но онъ самъ прыгнулъ, за ней, и хотѣлъ схватить ее за руку. Катерина размахнулась, изо всей мочи ударила его кулакомъ въ грудь и вскочила на мостикъ. Онъ пошатнулся, но не упалъ и пустился за ней въ догонку. Катеринѣ не удалось пробѣжать и десяти саженей, какъ Барсуковъ догналъ ее и съ разбѣга обхватилъ за поясъ. Оба упали на высокую траву и тамъ продолжали борьбу. Онъ пытался удержать одной рукой обѣ ея руки, но это было ему не подъ силу. Катерина отбивалась съ отчаяніемъ, а онъ, опьяненный близостью женщины, рвалъ ея платье, задыхался и съ пѣной на губахъ хрипѣлъ:

— Оставь! Не ворошись! Зарѣжу... ножикъ за голенищей... вытащу и зарѣжу...

Катерина била его кулаками по лицу и, громко, пронзительно визжа, старалась высвободиться изъ-подъ его рукъ. Но Лаврентій сжималъ ее, какъ

медвѣдь, и она начала изнемогать. Тогда, въ эту страшную минуту, Катерина собрала послѣднюю энергію и пустилась на хитрость: она вдругъ перестала сопротивляться. Барсуковъ, тяжело дыша, съ окровавленнымъ и вспухшимъ лицомъ, бросилъ ломать ея руки. Тогда Катерина протянула правую руку къ его ногамъ и тихо нащупала рукоятку ножа, торчавшую изъ-за голенища. Между тѣмъ Лаврентій, не помня себя, срывалъ съ нея остатки кофты—и вдругъ застоналъ отъ страшной боли. Катерина глубоко рѣзнула ножомъ по его ногѣ...

Не успѣлъ Барсуковъ сообразить, откуда началась эта боль и что тому причиной, какъ ножикъ впился ему въ плечо, скользнулъ по спинѣ и распоролъ кожу. Онъ зарычалъ и, ударивъ Катерину кулакомъ по лицу, занесъ руку вторично, но нестерпимая боль въ ранахъ, особенно въ ногѣ, въ одну минуту лишила его силы. Катерина столкнула Барсукова въ сторону, вырвалась, встала и, шатаясь, истерзанная, съ разбитымъ лицомъ, исцарапанной шеей, но не выпуская изъ руки покрытаго кровью ножа, какъ могла, побѣжала по дорогѣ къ дому, слыша за собой вытье и неистовыя ругательства Лаврентія, который сидѣлъ на травѣ и клочьями Катерининой одежды унималъ хлеставшую изъ ноги кровь...

ЗАВѢЩАНІЕ.

Проводивъ гостя и еще нѣсколько разъ выслушавъ увѣреніе въ томъ, что онъ ошибается насчетъ серьезности болѣзни, Степанъ Максимовичъ вошелъ въ свой кабинетъ, измѣнилъ радушное выраженіе лица на угрюмое и присѣлъ на диванъ. У Степана Максимовича сильно болѣла голова, и онъ весь дрожалъ отъ озноба. Вотъ уже два года съ половиной онъ лечился отъ изнурительной лихорадки, мигреня, малокровія, но пользы не получилъ. Неизвѣстно, насколько была серьезна болѣзнь Степана Максимовича, но самъ онъ воображалъ ее неизлечимой и, остановившись на такомъ убѣжденіи, испуганно приготовлялся къ смерти. Онъ былъ и съ молоду суевѣренъ и мнителенъ, а теперь совсѣмъ впалъ въ крайность: боялся печальныхъ сновъ, погребальныхъ процессій, не вѣрилъ и вѣрилъ, молился, лечился алопатіей, гомеопатіей, лечился симпатическими средствами и

т. п. Все это вмѣстѣ ѣло его хуже всякой болѣзни, и Степанъ Максимовичъ худѣлъ съ каждой недѣлей.

Такимъ образомъ, повѣривъ въ близкую смерть, онъ, въ глубинѣ своей души, сдѣлался мученикомъ, и никто изъ его знакомыхъ не подозрѣвалъ этого. Когда Степанъ Максимовичъ кое-кому говорилъ о болѣзни, всѣ пѣли одну и ту же пѣсню: будетъ вамъ, все пройдетъ, успокойтесь. А Степанъ Максимовичъ въ ту же минуту говорилъ себѣ: вотъ такъ, вотъ именно такъ утѣшаютъ всѣхъ безнадежныхъ больныхъ!..

Степанъ Максимовичъ продолжалъ заниматься дѣлами: онъ служилъ въ страховомъ обществѣ и аккуратно каждый день ходилъ въ правленіе. Потому-то никто и не могъ допустить, что онъ боленъ серьезно. Но Степанъ Максимовичъ, въ самомъ дѣлѣ, утомлялся работой. Бросить службу онъ не могъ: онъ существовалъ жалованьемъ. Приходя домой и съѣдая безъ аппетита обѣдъ, онъ садился за переписку страховыхъ полисовъ, что приносило ему въ мѣсяцъ еще рублей тридцать-сорокъ. Ложась, наконецъ, спать, онъ былъ измученъ, какъ женщина послѣ родовъ: всѣ кости его ныли, грудь, спина и бока ощущали глухую боль, его тошнило, знобило, однимъ словомъ, Степанъ Максимовичъ былъ за день разбитъ совершенно. Но сонъ, лучшее лекарство пожилыхъ людей, бѣжалъ отъ него: черныя мысли не давали заснуть и от-

дохнуть. Поздно засыпалъ Степанъ Максимовичъ и видѣлъ тревожные сны, будто бы ему дѣлаютъ операцію и вырѣзаютъ изъ его тѣла всю боль, но никакъ не могутъ ее окончательно извлечь; и Степанъ Максимовичъ стоналъ подъ воображаемымъ ланцетомъ, будя самого себя сонными слезами и крикомъ. То онъ видѣлъ во снѣ свою покойную жену—и сейчасъ же просыпался, чувствовалъ странное ощущеніе грустной радости, вдругъ соображалъ, что свиданіе съ женой только сонъ, и начиналъ плакать—тихо, глухо, въ подушку, чтобы его внезапныя рыданія не долетѣли въ сосѣднюю комнатку, гдѣ спали дѣти Степана Максимовича — Петя и Лиза.

Разъ къ Степану Максимовичу пришелъ въ гости сослуживецъ Минаевъ. Часа два Степанъ Максимовичъ болталъ съ гостемъ о страховыхъ новостяхъ, о пожарахъ за послѣднее полугодіе, о политикѣ Германіи, и вдругъ, ни съ того ни съ сего, спросилъ, не знаетъ ли онъ формы, какъ пишутся завѣщанія.

— Зачѣмъ это вамъ? удивился Минаевъ.

— Да знаете ли, конфузливо и какъ будто небрежно отвѣчалъ Степанъ Максимовичъ.—Въ животѣ и смерти Богъ воленъ, я вотъ все хвораю, хотѣлось бы написать, что мое скудное добро дѣтишкамъ отдаю, и вообще, чтобы все, какъ требуетъ законъ...

Минаевъ не зналъ формы завѣщанія, но сказалъ,

что достанетъ у знакомаго нотаріуса. При этомъ, онъ смѣялся надъ Степаномъ Максимовичемъ, называлъ его бабой, увѣрялъ, что Степанъ Максимовичъ производитъ впечатлѣніе здороваго человѣка, совѣтовалъ также не думать о пустякахъ, а пить пиво и прохаживаться по воздуху какъ можно чаще.

— Всю вашу, голубчикъ, хворь тогда какъ рукой сниметъ, честное вамъ слово даю. Прощайте, ко мнѣ заходите, да своихъ курятъ притаскивайте... И не думайте вы ничего этакаго, ничего серьезнаго въ вашей болѣзни нѣтъ.

Минаевъ пожалъ Степану Максимовичу руку и ушелъ. Степанъ Максимовичъ вернулся въ свою комнату, присѣлъ на диванъ и задумался. Пробило десять часовъ. Послѣ ухода гостя, разговаривающаго громкимъ теноромъ и хрипло смѣющагося, въ квартирѣ Степана Максимовича вдругъ сдѣлалось очень тихо. Дѣти и нянька давно уже спали, кухарка, убравъ чайный приборъ, тоже затихла въ своей кухнѣ, и Степанъ Максимовичъ слышалъ только одни легкіе и медленные удары маятника въ старинныхъ часахъ, висѣвшихъ въ столовой.

— Тихо... точно въ гробу... сейчасъ же подумалъ Степанъ Максимовичъ, принимаясь за свои постоянныя мысли: мой бокъ болитъ и болитъ; сосновое масло мнѣ рѣшительно не помогаетъ, должно быть у меня печень сильно не въ порядкѣ; охъ, протяну ли я хоть полгода еще, и т. п.

Потомъ онъ что-то вспомнилъ, всталъ съ дивана

и сѣлъ за письменный столъ. Доставъ изъ ящика бумагу, онъ взялъ перо, окунулъ его въ чернильницу и задумчиво устремилъ глаза на абажуръ лампы.

— Надо послать письмо двоюродной сестрѣ, мысленно проговорилъ онъ.—Попрошу ее быть опекуншей...

Степанъ Максимовичъ написалъ нѣсколько словъ и вдругъ спохватился.

— Что я съ ума-то схожу? съ досадой пробормоталъ онъ, и разорвалъ почтовый полулистикъ.— Выбралъ, нечего сказать... Вѣдь она мою бѣдную Машу терпѣть не могла... Родня тоже... Нѣтъ, Господь съ ней, съ родней... Надо къ кому другому съ горькой просьбой обратиться...

Степанъ Максимовичъ опять задумался.

— Развѣ Соловьева попросить? заговорилъ онъ вслухъ, опершись на локти и сдавливая виски руками.—Мы оба старые знакомые, почти друзья... Жена Соловьева женщина добрая... У нихъ у самихъ дѣти есть... Поймутъ... Да, да, лучше не выдумаешь. Соловьевъ не богатъ, но и не бѣденъ. Я даже увѣренъ, что онъ все для меня сдѣлаетъ... Значитъ, написать? Ну, Господи благослови, быть по сему! Пусть Соловьевъ будетъ моимъ душеприказчикомъ и опекуномъ дѣтей... А только неужели онъ откажется? Но, въ такомъ случаѣ, надо скорѣе дѣйствовать и получить отвѣтъ... Да, да... Соловьеву, Федору Васильевичу Соловьеву... Что-жъ, я напишу... Попробую...

Степанъ Максимовичъ взялъ новый листъ бумаги и началъ письмо:

«Многоуважаемый Федоръ Васильевичъ, мой старый товарищъ и однокашникъ! Давно мы оба не писали другъ другу, кажется, года три и даже больше. Но я, просматривая «Тверскія Губернскія Вѣдомости», недавно узналъ, что вы продолжаете съ успѣхомъ свою службу по министерству финансовъ и въ прошломъ мѣсяцѣ получили орденъ св. Анны второй степени. Отъ души поздравляю васъ и супругу вашу, Елену Константиновну, съ этою радостью. Какъ ваше здоровье, какъ ваши дѣтки? Я думаю, старшенькой дочкѣ вашей, Катенькѣ, уже десятый годъ пошелъ? Да, вотъ какъ время-то летитъ. Вы помните, что послѣ смерти моей жены моя Лиза на рукахъ у кормилицы сидѣла и васъ боялась, а теперь она уже четырехлѣтній бутузикъ, бѣгаетъ, поетъ, никого и ничего не боится, этакая толстенькая и на свою мать ужасно похожа. Вотъ мой Петя совсѣмъ другое: не смотря на шесть лѣтъ, малъ, худъ, робокъ, похожъ на дѣвочку, часто простуживается, имѣетъ слабый желудокъ и узенькую грудь. О васъ и семействѣ вашемъ я имѣлъ свѣдѣнія въ прошломъ году, и совершенно случайно, встрѣтившись съ господиномъ Погорѣльцевымъ, изъ Твери, бывшимъ акцизнымъ чиновникомъ. Онъ сказалъ, что вы всѣ здоровы. Надѣюсь, что и посейчасъ у васъ все благополучно. Но вотъ про себя самого этакъ сказать я

не могу. Мало того, приходится писать вещи очень непріятныя. Простите, если мое письмо вамъ не понравится, но я осмѣлился на него, имѣя въ виду моихъ бѣдныхъ дѣтей. Ради нихъ, не откажите въ моей просьбѣ. Но ужъ это послѣ, сначала о себѣ лично. Дѣло въ томъ, что здоровье мое сильно разстроено. И мало того, что разстроено,—убито. Пробовалъ и продолжаю лечиться, но съ грустью убѣждаюсь, что всѣ средства напрасны, и приходится примириться съ близкой могилой. Будь я одинокъ, я бы съ радостью дожидался своего конца и просилъ бы у Бога одного: чтобы моя болѣзнь не стала длинна и мучительна. Но, какъ вы сами знаете, у меня два птенца, двое сиротъ, и мысль о ихъ будущемъ сводитъ меня съ ума. Я долго перебиралъ въ умѣ, къ кому бы обратиться изъ нашей родни, чтобы позаботились о дѣтяхъ, и рѣшительно никого не могъ взять. Все народъ сухой, гордый, даже мнѣ непріязненный. Вы помните, что Маша была изъ простыхъ, мѣщанка, и этотъ мой бракъ вызвалъ много насмѣшекъ со стороны моихъ родныхъ и знакомыхъ. Понятно, что я къ насмѣшникамъ и недоброжелателямъ, чтя память о женѣ, никогда ни съ какой просьбой не обращусь. Точно также, изъ всѣхъ знакомыхъ, кромѣ васъ, я никому не могу довѣрить судьбу моихъ сиротъ. И поэтому, дорогой товарищъ, не откажите, молю васъ: будьте опекуномъ моихъ маленькихъ. Мое состояніе невелико. Мебель и одежда,

если ихъ продать, принесутъ рублей триста, а то и меньше. Есть у меня пять выигрышныхъ билетовъ перваго займа и брилліантовыя серьги моей матери. Серьги стоятъ тысячу рублей. Вотъ и все мое богатство. Билеты прошу васъ спрятать на имя Пети и Лизы въ государственный банкъ, страхуя въ каждый тиражъ, а серьги, мебель и одежду продайте и вырученныя деньги возьмите для расходовъ на моихъ дѣтей. Все, что слѣдуетъ, берите, такъ какъ я не могу не платить вамъ, человѣку тоже небогатому и семейному. Я только прошу пріютить къ себѣ моихъ дѣтей и не оставить. Очень можетъ быть, что они явятся для васъ не совсѣмъ пріятными гостями, но ужъ тутъ будетъ ваша милость къ бѣднякамъ. Во имя нашихъ прежнихъ хорошихъ отношеній, я умоляю васъ призрѣть сиротъ. Онѣ проживутъ у васъ до тѣхъ поръ, пока Лизу можно будетъ отдать въ институтъ, въ Москву, а Петю—въ гимназію, если только здоровье моего сынка позволитъ ему учиться. Я думаю, что дворянскихъ круглыхъ сиротъ должны принять на казенный счетъ. Въ случаѣ крайности, если встрѣтится отказъ, обратитесь къ моему двоюродному брату, Ахлестышеву, съ которымъ я въ ссорѣ. Это важный чиновникъ, будущій тайный совѣтникъ, человѣкъ ужасно скупой и злой, но онъ, думаю, не оставитъ протекціей племянника и племянницу. Онъ бы и мнѣ помогъ—изъ гордости и любви къ поклонамъ, но я,

помня его слова о Машѣ, поклялся не видѣться съ нимъ. Теперь же указываю на него единственно ради дѣтей, моихъ милыхъ и безцѣнныхъ дѣтей, которыхъ я скоро, скоро покину... Въ особомъ пакетѣ на ваше имя, гдѣ будетъ лежать мое завѣщаніе, я положу всѣ документы, адресъ Ахлестышева и кое-какіе еще. Будутъ тамъ запечатанныя въ большомъ конвертѣ письма моей покойной жены, когда она была моей невѣстой, а также и мои письма къ ней: этотъ пакетикъ вручите Лизѣ, но не скоро, а впослѣдствіи, когда она выростетъ (можетъ быть, Богъ приведетъ вамъ увидѣть большими и моихъ, и своихъ дѣтокъ); пусть тогда моя дѣвочка узнаетъ чувства отца и матери хотя по ихъ письмамъ. Затѣмъ...»

На этомъ словѣ Степанъ Максимовичъ прервалъ свое письмо и поднялъ голову. До его уха донесся тихій, чуть уловимый и тоненькій голосъ... прозвенѣлъ разъ... еще и еще...

— Такъ и есть! всполохнулся Степанъ Максимовичъ.—Лиза проснулась и проситъ пить, а нянька дрыхнетъ...

Онъ вскочилъ и на ципочкахъ побѣжалъ въ дѣтскую. Плачъ Лизы усилился, и Степанъ Максимовичъ засталъ проснувшуюся няньку около кровати дочери.

— Не хнычь, не хнычь! говорила недовольнымъ голосомъ нянька.—Соска у тебя, что ли, выпала изо рта?

— Тише ты! прошепталъ Степанъ Максимовичъ.—Чего сама кричишь? Грѣтое молоко есть?

— Откуда ему быть? Поди, ужъ остыло...

— Гдѣ спиртъ? Стой у кроватки, я сейчасъ на кофейникѣ молоко подогрѣю...

Степанъ Максимовичъ взялъ кастрюльку съ молокомъ, подставку съ спиртовой лампочкой и началъ въ столовой разогрѣвать молоко. Но скоро Лиза уже не захныкала, а завизжала на всю квартиру. Степанъ Максимовичъ вбѣжалъ опять въ дѣтскую.

— Что такое, Афимья? Что ты съ ней дѣлаешь?

— Да ничего я, баринъ, не дѣлаю. Мокрая она, хочу перемѣнить одѣяло, а она брыкается и не дается... Подай, подай!

— Дура, развѣ можно соннаго ребенка тормошить? Сколько я тебѣ долбилъ, нѣтъ, не слушаетъ, животное!

— Да она проснумшись...

— Не дамъ одѣяльца! кричала Лиза.—Не дамъ, нянька!

— Пошла, гляди за молокомъ, сказалъ Степанъ Максимовичъ и обернулся къ Лизѣ. — Душечка, котеночекъ, не плачь, не разбуди брата...

— Не дамъ одѣяльца! Уходи, нянька!

— Лизочка, это я, папа... Хочешь, я тебѣ дамъ другое одѣяльце?

— Какое? Полосатенькое?

— Да, полосатенькое.

— Вотъ оно... Оно тебѣ нравится?

— Да.

Степанъ Ивановичъ взялъ полусонную Лизу на руки, перемѣнилъ на ней рубашечку, положилъ въ постель сухую простыню, завернулъ Лизу въ другое одѣяло, и черезъ минуту дѣвочка спала, чмокая губами и розыскивая соску. Нянька принесла молоко. Степанъ Максимовичъ налилъ его въ склянку, надѣлъ на горлышко соску и далъ Лизѣ. Она быстро выпила теплое молоко и крѣпко заснула—довольная, розовая, полная и кудрявая, какъ маленькая овца.

— Повѣсь бѣлье передъ печкой, сказалъ Степанъ Максимовичъ нянькѣ.

— Знаю безъ васъ, отвѣчала подъ носъ Афимья.

— Безъ ворчанья... Да не такъ вѣшаешь, не такъ! Баба ты, старая баба, а все у тебя выходитъ скверно, комомъ... Развѣ такъ, кучей, простынку вѣшаютъ? Подай сюда...

— На васъ развѣ угодишь?

— На меня угождать нечего, а вотъ, если бы ты Бога боялась, ты бы свою лѣнь ради дѣтей позабыла...

— Не нравлюсь, наймите другую...

— Найму... Ты обращаешься съ дѣтьми, какъ съ кошками, безстыжіе твои глаза! И, наконецъ, молчать у меня, старая дура! Ложись на свой сундукъ и спи...

Степанъ Максимовичъ вышелъ; нянька, продол-

жая ворчать, легла на сундукъ. Скоро она захрапѣла, и Степанъ Максимовичъ вернулся въ дѣтскую.

— Нянька, выходи отсюда, толкая старуху, сказалъ онъ. —Ты такъ храпишь, что дѣтей разбудишь...

— Вы мнѣ, баринъ, завтра же пачпортъ...

— Тс! Завтра поговоримъ... Иди и храпи въ столовой. Пошла!

Такія сцены съ прислугой случались чуть не каждую ночь. Степанъ Максимовичъ раздражался изъ-за каждаго пустяка, но не имѣлъ времени сыскать другую няньку. Все это его такъ утомляло, что онъ возненавидѣлъ глупую старуху и давалъ себѣ клятву турнуть ее при первомъ удобномъ случаѣ. Но врядъ ли бы онъ отыскалъ такую ходебщицу за своими дѣтьми, которая могла ему угодить. Онъ не выносилъ даже косого взгляда прислуги, не только рѣзкаго слова на шалунью Лизу. Мать, одну мать желалъ видѣть у колыбели дѣтей Степанъ Максимовичъ, и всякая другая женщина казалась ему неумѣстной въ дѣтской комнатѣ.

Вернувшись въ кабинетъ, онъ сѣлъ за начатое письмо, перечиталъ его раза два, кое-что зачеркнулъ и замѣнилъ другимъ, и продолжалъ:

«Затѣмъ, многоуважаемый и дорогой товарищъ, я долженъ потолковать съ вами о вещахъ, для меня наиболѣе щекотливыхъ и близкихъ. Когда я умру— холодѣю отъ этого слова и сознанія!—и когда вы

съ супругой вашей примете осиротѣвшихъ моихъ ребятишекъ, ради Бога, ради самого Бога, утѣшайте ихъ, ласкайте, отрите, какъ съумѣете, ихъ слезы. Мой Петя ужъ большой, онъ все понимаетъ: и что папа его былъ боленъ, и что онъ померъ, и больше не увидятъ они своего отца, и поэтому поберегите мальчика. Боюсь, чтобы онъ съ горя не расхворался. Онъ у меня удивительно послушенъ, но всякую обиду помнитъ долго и близко принимаетъ къ сердцу. Онъ въ этомъ похожъ на меня. Боюсь, что слишкомъ много моей хилой крови течетъ въ моемъ Петѣ. Пожалѣйте же его, доглядите за нимъ, не простудите. И если когда онъ васъ или Елену Константиновну чѣмъ нибудь прогнѣвитъ,—чего я никакъ не жду,—не браните его, а попробуйте серьезно объяснить, что его поведеніе нехорошо. Скажите, что объ этомъ его просилъ больной отецъ, котораго онъ любитъ. И ласкайте, ласкайте моего дикаря, онъ на ласку податливъ и добро всегда тоже помнитъ. Это ужъ въ немъ отъ матери. Ну, а вотъ теперь скажу нѣсколько словъ о Лизенкѣ. Господи, что за милый это ребеночекъ! Какъ она весела, подвижна, какая хохотунья, проказница, шалунокъ! Папу и братца она очень, очень любитъ, но топленое молочко—еще больше! И весь-то день она поетъ, одѣваетъ и кормитъ куколъ, гуляетъ по двору, разсказываетъ деревяннымъ звѣркамъ разныя исторіи, кричитъ, какъ пѣтушокъ, представляетъ и кошечекъ, и медвѣдей, и собачекъ,

и птицъ. Иногда ссорится съ братомъ или папой, но сію же секунду мирится. Если она чѣмъ раздражена, стоитъ мнѣ только зажмуриться и сказать: «а папа-то плачетъ!» Сейчасъ же ея личико затемнѣетъ печалью, на глазахъ блеснутъ слезинки, и ужъ она тутъ, возлѣ меня, хватаетъ обѣими руками папину шею и кричитъ: «не плачь, я тебя сейчасъ поцѣлую!» Боже мой! Это дитя меня живитъ, когда я возвращаюсь со службы, еле передвигая ноги. Я погляжу на ея лицо—лицо ея мамы, и плачу отъ горя, отъ радости, отъ восторга, любви и тоски... Молю же васъ, на колѣняхъ прошу, кланяюсь вамъ въ землю, Федоръ Васильевичъ, полюбите мою крошку, мою Лизу! Рыдаю передъ вами въ этомъ письмѣ. Пусть оно и будетъ моимъ завѣщаніемъ о дѣтяхъ. Вамъ однимъ съ Еленой Константиновной я рѣшаюсь такъ открыть мою больную душу! И если примете къ себѣ дѣтей стараго товарища, не обижайте ихъ! Не знаю, есть ли за добрыя дѣла награда, но если она существуетъ, то не ради нея, а ради моихъ слезъ нѣжно прикасайтесь къ головкамъ моихъ безцѣнныхъ дѣтей. Вѣдь ужъ тогда меня не будетъ на свѣтѣ! Кто же напомнитъ вамъ о ихъ безпомощности? Ваша доброта, въ которую я вѣрю, вотъ кто напомнитъ. И если полюбите Петю съ Лизой, берегите ихъ, какъ своихъ родныхъ дѣтокъ. Охраняйте ихъ отъ дурного общества прислуги или какихъ другихъ невоспитанныхъ и грубыхъ людей. А главное, въ

случаѣ нездоровья, не жалѣйте моихъ денегъ, мѣняйте дѣтскіе билеты и лечите дѣтокъ. Это мое важнѣйшее завѣщаніе. Не деньги нужны человѣку, а крѣпкое здоровье. Возрастъ дѣтскій такъ хрупокъ, Богъ знаетъ, что можетъ случиться... Ахъ, какъ бы я хотѣлъ, дорогой пріятель, видѣться съ вами лично, своими руками показать на моихъ ребятъ, разсказать вамъ на словахъ, какъ я страдаю, какъ я теперь жалокъ и разбитъ. Впрочемъ, я во всякомъ случаѣ увижусь съ вами. Когда мнѣ станетъ совсѣмъ плохо, я дамъ вамъ телеграмму. Тогда ужъ поторопитесь и пріѣзжайте. Дорога въ оба конца — на мой счетъ; это тоже одно изъ непремѣнныхъ условій моего завѣщанія. Но съ особеннымъ нетерпѣніемъ я буду ждать вашего отвѣта на мое настоящее письмо. Ради Господа Бога, не церемоньтесь и пишите вполнѣ искренно: можете выручить меня въ моей бѣдѣ или не можете? Если васъ мои дѣти стѣснятъ, не бойтесь это мнѣ высказать. Если мои дѣти встрѣтятъ въ вашей семьѣ скромный уголъ и простой столъ, это ничего; но лишь была бы при этомъ съ вашей стороны жалость и любовь къ сиротамъ, — это самое важнѣйшее и мною желаемое. Гдѣ любовь, тамъ все споли горя. И такъ, положа руку на сердце, отвѣчайте мнѣ, дорогой Федоръ Васильевичъ и глубокоуважаемая Елена Константиновна! Буду ждать вашего письма, какъ ангельской вѣсти. И молю васъ въ послѣдній разъ, сжальтесь надъ моими крош-

ками, возьмите ихъ, укройте отъ всякаго зла. И если получится ваше согласіе, то вы, Федоръ Васильевичъ, какъ опекунъ моихъ дѣтей, не давайте никому изъ моей родни вмѣшиваться въ дѣло воспитанія. Сохрани Боже, если тетка Глинская вздумаетъ требовать дѣтей къ себѣ на жительство: отказывайте самымъ рѣшительнымъ образомъ, даже въ гости къ ней на недѣлю, на день, на одинъ часъ,— и то заклинаю васъ не отпускать Петю и Лизу. У меня на это есть важныя причины. Надѣюсь, что въ данномъ случаѣ воля умирающаго отца будетъ не нарушена. Впрочемъ, я и объ этомъ упомяну въ завѣщаніи. А это письмо — тоже завѣщаніе товарищу. Примите его къ сердцу и сдѣлайте такъ, какъ я прошу васъ, горько плача и мысленно кланяясь вамъ въ ноги...»

Степанъ Максимовичъ обтеръ платкомъ свое мокрое отъ слезъ лицо и вдругъ всталъ, прислушиваясь. Ему опять почудился дѣтскій голосъ. Несмотря на послѣдовавшую затѣмъ полную тишину, Степанъ Максимовичъ отправился на цыпочкахъ въ дѣтскую и осторожно вошелъ къ дѣтямъ. Въ комнатѣ было свѣтло: блѣдно-желтый свѣтъ луны глядѣлъ въ уголокъ окна, не закрытаго шторой, проникалъ черезъ всю комнату и западалъ, трепещущій и мягкій, въ кровати спящихъ дѣтей. Петя лежалъ свернувшись въ комокъ, подложивъ одну руку подъ подушку, другую подъ свою лѣвую щеку. Мальчикъ спалъ тихо, почти не дыша,

и казался очень блѣднымъ, еще блѣднѣе серебристаго луча мѣсяца. Онъ былъ закрытъ до самой шеи свѣтло-синимъ пикейнымъ одѣяльцемъ, а часть его ногъ грѣло другое одѣяло, байковое, темно-коричневаго цвѣта. Что же касается Лизы, то оба одѣяла дѣвочки—полосатенькое пикейное и красное байковое—были сбиты въ ногахъ. Румянецъ горѣлъ у дѣвочки на обѣихъ пухлыхъ щечкахъ, она дышала сильно и ровно, чмокала по привычкѣ розовыми губами, изрѣдка бредила, видя во снѣ своихъ деревянныхъ звѣрковъ и куколъ, а движущійся лучъ луны игралъ на ея бѣлокурыхъ кудряхъ, превративъ ихъ въ золотыя, съ блестящей чеканкой, похожія точно также цвѣтомъ и на спѣлую рожь подъ лѣтнимъ солнцемъ.

Степанъ Максимовичъ заглядѣлся. Слезы опять побѣжали по его щекамъ, повисли на бородѣ, но онъ ихъ не замѣтилъ. Онъ опустился у ея кроватки на колѣни и припалъ головой къ желѣзной ножкѣ. Кровать слегка вздрогнула. Степанъ Максимовичъ отнялъ голову, затаилъ дыханіе, испугавшись, не разбудилъ ли онъ Лизу, потомъ, сложивъ молитвенно руки, ломая ихъ и стуча себѣ по груди, зашепталъ:

— Дѣтушки! Милыя вы мои! Родныя! Охъ, не слышите вы, не понимаете, что терпитъ вашъ папа... Милыя вы мои! Какъ я васъ люблю, какъ люблю! Да неужто это правда, что я скоро умру?! Охъ, горе мое горемычное! Жена моя ми-

лая, Машенька, голубушка! Гдѣ ты? Наши дѣтки одни остаются, одни во всемъ свѣтѣ... О, Боже мой! Спаси Ты хоть ихъ, несчастныхъ... Дѣточки, дѣточки, голубчики, ангельчики...

Онъ рыдалъ, склонившись къ полу, но и оттуда все глядя безумно-любящими глазами на кровати своихъ дѣтей, освѣщенныхъ трепетнымъ луннымъ свѣтомъ; потомъ, приподнявшись, заглядывалъ то къ мальчику, то къ Лизѣ, и опять плакалъ, опять билъ себя въ грудь, ломалъ пальцы, призывалъ Божію помощь, — и не было ему утѣшенія въ молитвѣ, не облегчали слезы, не утихало, какъ и физическая боль, его предсмертное отчаяніе. Степанъ Максимовичъ такъ вѣрилъ въ близкую катастрофу, что сталъ бояться не успѣть своимъ завѣщаніемъ и условіями съ Соловьевымъ.

Доканчивать свое письмо Степанъ Максимовичъ пошелъ не скоро. Онъ продолжалъ стоять возлѣ дѣтокъ, слушалъ ихъ дыханіе, и когда Лиза что нибудь бормотала во снѣ, вскрикивала, онъ склонялся надъ нею и тихонько старался ее усыпить:

— Ш-ш, ш-ш, ш-ш...

И когда Лиза затихала, успокоивалась, дышала ровнѣе, радостно вздыхалъ самъ Степанъ Максимовичъ, крестилъ руками ненаглядную дочку, крестилъ тихаго сына, крестилъ ихъ бѣлыя кровати, еще и еще смотрѣлъ на лица и тѣльца спящихъ ребятъ, смотрѣлъ, пока слезы, являясь съ нѣкоторыми промежутками, не закрывали глаза тума-

номъ. Онъ спѣшилъ ихъ смахнуть съ рѣсницъ, какъ несносныхъ мухъ, и опять глядѣлъ, не могъ наглядѣться, покачивалъ скорбно головой и шепталъ:

— Дѣточки, милыя, голубчики...

Когда письмо къ Соловьеву было дописано, еще злая мысль отравила надежду Степана Максимовича. Онъ вдругъ сообразилъ, что тѣ родители, у которыхъ есть свои дѣти, никогда не будутъ любить чужихъ: непремѣнно своимъ отдадутъ лучшій кусокъ и лучшее слово. Казалось бы, что это вполнѣ естественно, однако, Степанъ Максимовичъ мучился своимъ открытіемъ. И, кромѣ того, онъ вдругъ подумалъ о томъ, что за три съ половиной года его товарищъ могъ очень перемѣниться, погордѣть (кстати, ему везло по службѣ), жена его, Елена Константиновна, тоже, Богъ ее знаетъ, какая особа стала... Да, наконецъ, какъ ни хороши чужіе, могутъ ли они такъ лелѣять малыхъ дѣтей, какъ отецъ или мать? Могутъ ли они не спать ночи, угадывать желанія ребенка, слушать его дыханіе, покоить отъ зари до зари тихой пѣсней, ласкать, какъ отецъ, какъ мать, учить, наставлять, ростить, холить?? Нѣтъ, никогда не могутъ!

Степанъ Максимовичъ мрачно поглядѣлъ на свое письмо, потомъ, послѣ долгаго и труднаго соображенія, запечаталъ его въ конвертъ и сталъ надписывать адресъ.

— Будь, что будетъ... Дѣточки мои, милыя,

голубчики... Сохрани васъ Господь... Родныя вы мои! Что-то будетъ съ вами?

Наконецъ, Степанъ Максимовичъ сталъ раздѣваться и улегся на свою постель. Тутъ бы ему и заснуть, но зловѣщія думы еще долго терзали этого мнительнаго больного человѣка, долго рисовали ему самыя грустныя картины въ будущемъ.

А когда Степанъ Максимовичъ закрылъ усталые и распухшіе отъ слезъ глаза, въ окно уже заглядывало бѣлое зимнее утро—безъ солнца и съ облаками, слитыми въ одинъ сѣрый и скучный фонъ. Степанъ Максимовичъ спалъ, а его губы старались прошептать:

— Дѣточки, милыя, голубчики...

ЭХО.

Сосновый лѣсъ, слегка покрытый сизымъ туманомъ, стоялъ и смотрѣлся въ тихую рѣку, которая, не торопясь, бѣжала подъ высокимъ, обрывистымъ берегомъ, у ногъ старыхъ деревьевъ, лаская и поя въ теченіе многихъ лѣтъ длинные ихъ корни. Было утро. Во всѣ стороны по воздуху разлетался мягкозвучный хоръ птицъ; свѣтило солнце; пахло ржаными колосьями; тихо катилась блѣдно-голубая рѣка. Въ началѣ сосноваго лѣса, въ смежной съ нимъ рощѣ, зеленѣлъ садъ и видна была высокая дача. Прямо надъ обрывомъ висѣла балконообразная бесѣдка, съ которой открывался видъ на другой берегъ рѣки—низкій, болотистый, плоскій и продолжавшійся громаднымъ, какъ степь, лугомъ.

Вдали, за рощей, а можетъ быть и за лѣсомъ, заигралъ рожокъ пастуха. Печальнымъ звономъ пронеслись въ сыромъ воздухѣ звуки дудки, тонко

задрожали въ переборѣ лада, словно вспорхнули къ облачкамъ, а вслѣдъ за ними раздались низкіе тоны и замерли... Но едва замолчалъ рожокъ, чуть откликнулось ему невидимое эхо, какъ на рѣкѣ что-то зашумѣло и брызнуло водой. Среди тишины можно было распознать, что плыветъ небольшая лодка. Четыре наклоненныя къ водѣ ивы загораживали правую сторону берега и часть воды, и пловца не было видно. А съ высокаго балкона ужъ давно смотрѣли два глаза, стараясь проникнуть сквозь мелкіе листья деревьевъ. Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ и въ большой шляпѣ изъ черной соломы стояла на терасскѣ, перегнувшись черезъ перила, и глядѣла внизъ. Измятыя розовыя ленты ея шляпы колебались вѣтромъ и загораживали ей поверхность рѣки; дѣвушка поминутно откидывала ихъ за плечи и, наконецъ, сбросила съ головы шляпу, еще ниже нагнулась съ балкона и, ясно разслышавъ плескъ весла, громко и нѣжно, какъ только что игравшій рожокъ пастуха, крикнула:

— Ау!

Ея голосъ перелетѣлъ всю рѣку, пробѣжалъ по водѣ и, постепенно слабѣя, пропалъ въ степи, прозвенѣвъ въ лѣсу, какъ далекій сигналъ охотника. Въ эту же минуту другой голосъ не громко, но внятно повторилъ этотъ крикъ, а его самого повторило опять лѣсное эхо. Изъ-за свѣтлой зелени ивы показалась лодка, управляемая муж-

чиной, и стала направляться къ берегу. Смотрѣвшая съ балкона дѣвушка бросилась внизъ по лѣстницѣ, отворила калитку и начала быстро спускаться къ рѣкѣ, прыгая черезъ овражки, большіе камни и сокращая дорогу къ пристани, гдѣ качалось нѣсколько лодокъ и бѣлѣла купальня. Мужчина увидалъ дѣвушку и погналъ лодку быстрѣе. Черезъ нѣсколько времени оба они стояли на широкомъ плоту и, взявшись за руки, глядѣли безъ словъ другъ на друга. Дѣвушкѣ нельзя было дать и 17 лѣтъ. Тоненькая, худая, смуглая, съ черными глазами и алыми губами, она казалась гимназисткой, снявшей на дачѣ свой коричневый короткій костюмъ и временно забывшей о школьной дисциплинѣ. Въ ея глазахъ—только въ однихъ глазахъ—свѣтилось что-то женственное, милое и вдумчивое, но узкія плечи были приподняты совсѣмъ по-дѣтски, руки нетерпѣливо сжимали отвѣчавшія на пожатія руки мужчины, и видно было, что новое и сильное чувство на мгновеніе захватило дыханіе дѣвушки, и ея губы шевелятся безъ словъ, щеки покрываются румянцемъ, а сердце бьется тревогой. Что касается мужчины, то онъ выглядѣлъ по крайней мѣрѣ на 15 лѣтъ старше. Его лицо было немного велико, еще больше оно казалось отъ густой, спустившейся на грудь свѣтлорусой бороды и усовъ. Сѣрые глаза его глядѣли съ нѣжностью, но безъ блеска, да и самъ онъ, тяжеловатый, плечистый и крѣпкій, былъ противо-

положностью встрѣтившей его дѣвушки. Первое время оба молчали. Наконецъ, она отдохнула и прошептала:

— А я ждала васъ съ пяти часовъ...

— Неужели? отвѣчалъ онъ и хотѣлъ поднести руку дѣвушки къ своимъ губамъ, но вдругъ спохватился, выпустилъ руки дѣвушки, отступилъ отъ нея и пробормоталъ:

— Марья Алексѣевна... намъ надо поговорить.

— «Марья Алексѣевна?» спросила дѣвушка.— Что это значитъ?

— Ну, Маня... если хотите... Ахъ, Маня!

— Въ чемъ дѣло, Матвѣй Николаевичъ?

Маня слегка разсердилась и сѣла на скамеечку. Матвѣй Николаевичъ не отвѣтилъ ей сразу и глядѣлъ на дѣвушку, видя ее и на плоту возлѣ себя, и отраженной въ водѣ. Всюду ея лицо виднѣлось ему полнымъ любви и беззавѣтной рѣшимости. Онъ понималъ, что по первому его слову она пойдетъ за нимъ всюду, согласится на всякія жертвы, на горе, на все, а онъ, самъ любя глубоко, боялся теперь взглянуть ей прямо въ глаза, чувствовалъ холодную и временами злую тоску на сердцѣ, плакалъ безъ слезъ, терзался. Онъ встрѣтился съ ней и не подозрѣвалъ, что скоро любовь возьметъ его въ свои бархатные когти. Онъ поддался страсти, смалодушествовалъ, а когда для него сдѣлалась ясна любовь Мани, когда онъ увидалъ, что эта дѣвочка не изъ такихъ, которыя шутятъ и без-

вредно увлекаются кавалерами, тогда Матвѣй Николаевичъ опомнился. Но было поздно. Оба они полюбили, хотя были еще далеки другъ съ другомъ, еще не говорили другъ другу «ты», не смѣли, стыдились обняться... Теперь, сидя съ любимой дѣвушкой у рѣки, въ тишинѣ, среди блеска и красоты лѣтняго утра, онъ не могъ удержать своей тоски и вздохнулъ. Взглянувъ ему въ лицо, Маня замѣтила смущеніе и скорбь.

— Что съ вами? спросила она.—Вы больны?

Въ послѣднихъ словахъ нѣжныя ноты слышались слишкомъ сильно; онѣ проникли до глубины души Матвѣя Николаевича, и онъ вскочилъ со скамейки.

— Марья Алексѣевна! Я не могу больше... не могу! началъ онъ, задыхаясь.—Дитя мое... ангелъ мой, милая Маня! Простите меня... Я обманулъ васъ... Простите!

— Господи! Что такое?

Она поблѣднѣла и съ мольбой протянула къ нему обѣ руки.

— Говорите, что такое? Чѣмъ вы меня обманули?

Матвѣй Николаевичъ снова сѣлъ на скамью противъ Мани, оперся о колѣни и, пристально глядя на дѣвушку, началъ:

— Выслушайте меня, дорогая, въ послѣдній разъ. Вотъ чѣмъ я васъ обманулъ. Вы встрѣтились со мной, замѣтили, что я ищу вашего общества, охотно говорю, исповѣдуюсь, фантазирую и

прочее. Въ концѣ концовъ, вы начинаете любить меня, хотя мнѣ самому неизвѣстно, чѣмъ могъ я привлечь васъ къ себѣ... Но такъ или иначе, а вы полюбили меня, я полюбилъ васъ. Но самъ я могъ любить сколько угодно, а другого не смѣлъ допускать до этого, не имѣлъ права. Я долженъ былъ при первыхъ признакахъ уйти отъ васъ, исчезнуть, бѣжать, чтобы слѣда моего здѣсь не осталось, чтобъ вы могли легко и скоро позабыть меня... Я это обязанъ былъ сдѣлать, какъ честный человѣкъ,—и не сдѣлалъ... Постойте! не перебивайте! Мнѣ стыдно, горько, больно... я презираю себя... Вы тоже почувствуете ко мнѣ одно презрѣніе. И пусть такъ. Это будетъ мнѣ наказаніемъ...

— Ахъ, да говорите! Не мучьте!

Матвѣй Николаевичъ перевелъ духъ и, поглядѣвъ на Маню, всплеснулъ руками.

— Вѣдь, ангелъ мой, не правда ли, это было бы высшее счастіе для меня—назвать васъ своей женой? А между тѣмъ, это невозможно, невозможно!

— Почему же? прошептала Маня.

— Потому что я... женатъ.

Маня тихо вскрикнула и отшатнулась отъ него. Ея глаза раскрылись, и даже алыя губы побѣлѣли.

Признаніе Матвѣя Николаевича загремѣло въ ея ушахъ, какъ ружейный выстрѣлъ. Съ полминуты она ничего не могла сказать, только вскрикнула и съ ужасомъ глядѣла на Смирнова. А Матвѣй Николаевичъ, высказавъ самое главное, самъ

ужаснулся, вдругъ почувствовалъ испытанную Маней острую боль, и, какъ побитый въ лицо, униженный человѣкъ, опустился на другомъ концѣ плота на колѣни и съ мольбой вскрикнулъ:

— Простите! Простите меня!

И увидя, что она закрыла лицо руками, онъ самъ схватилъ себя за волосы и заплакалъ.

— О, какъ я виноватъ передъ вами! Какъ я преступенъ! говорилъ онъ, весь дрожа.—Ни одного слова сожалѣнія, ни одного намека ласки не могу получить я... Какъ воръ, я закрался къ вамъ въ семью и обманулъ всѣхъ... а больше всего — васъ, васъ, моя голубушка! Марья Алексѣевна! Простите меня... забудьте... Не поздно еще, нѣтъ! Можетъ быть, вы теперь, узнавъ о моей гадости, перемѣните обо мнѣ свое мнѣніе къ худшему... Такъ и слѣдуетъ, такъ и надо! Простите меня, но и оцѣнку настоящую сдѣлайте, безъ пощады, строго... О, Боже мой, Боже! Есть ли что хуже моего дѣла, есть ли извращеннѣе моего чувства, нелѣпѣе моей тоски!?

Маня отняла руки отъ лица, хотѣла что-то сказать, но не могла. Слезы текли по ея щекамъ, рыданья подступали къ горлу.

— Маня! уныло заговорилъ опять Матвѣй Николаевичъ.—Не плачьте, не терзайтесь, или я не пожалѣю себя... Я не хочу, не смѣю допустить васъ до страданія... Ну, что я? Поглядите на меня, сравните съ собой! Всѣмъ обманулъ я васъ: чув-

ствомъ, кажущейся веселостью, фразой, наружнымъ спокойствіемъ... Впрочемъ, что я говорю? Позднія слова... Какъ стыдно! Какъ тяжело!

Маня медленно отвела руки и когда взглянула на Матвѣя Николаевича, онъ испугался ея блѣдности и страннаго выраженія.

— Говорите! сказала она.—Говорите, про все...

Онъ понялъ, что она ждетъ разсказа о его прошломъ, и повиновался. Коротко передалъ онъ исторію своей женитьбы, разлада и окончательной ссоры. Теперь его жена находилась въ Петербургѣ, т. е. онъ хорошо не зналъ, тамъ ли его жена, но всего двѣ недѣли назадъ онъ отослалъ 100 рублей въ Петербургъ, на имя какого-то Ивана Филипповича Гинце,—постоянный адресъ для денежныхъ писемъ, отправляемыхъ брошеннымъ мужемъ.

— Я обманулся въ ней... это была пустая, а не любящая женщина! говорилъ Матвѣй Николаевичъ.—До встрѣчи съ вами я не любилъ ее... теперь ненавижу! Но что я говорю? Мнѣ нужно упасть вамъ въ ноги, просить прощенія... и это опять не то! Мнѣ нѣтъ оправданія! Я завлекъ васъ, я, старѣющій соломенный вдовецъ, не пожалѣлъ вашего юнаго чувства, обманулъ васъ... всѣхъ вашихъ... Однимъ словомъ, Марья Алексѣевна, я себя считаю подлецомъ, но... даже и это не уменьшаетъ моей вины! Я не знаю, не понимаю, что мнѣ сдѣлать, чтобы поскорѣе опротивѣть вамъ!

Онъ замолчалъ и поникъ головой. И вдругъ до его слуха долетѣлъ тихій, слезами дрожавшій смѣхъ. Матвѣй Николаевичъ поднялъ глаза и обомлѣлъ. Маня быстро подошла къ нему, обняла одной рукой за шею, склоняясь лицомъ къ его лицу, смѣясь и плача вмѣстѣ, и онъ услышалъ неожиданныя рѣчи.

— Мой милый! зазвенѣлъ голосъ дѣвушки. — Мой несчастный! За что ты себя мучишь? За что ты бранишь? За свою любовь ко мнѣ? Да? Да? Ха-ха-ха! Какъ это смѣшно!

— Маня... Марья Алексѣевна... пролепеталъ пораженный Матвѣй Николаевичъ.

— Ни слова! перебила его Маня. — Я люблю тебя! А сейчасъ люблю еще больше... Пусть ты женатъ, все равно, я не могу жить безъ тебя, мой дорогой, и ты безъ меня умрешь отъ горя... Правда? О, мы не разстанемся! Ни за что! Увези меня... куда нибудь, далеко, хоть заграницу... мнѣ все немило станетъ, если ты не будешь моимъ... голубчикъ... радость моя... мой защитникъ...

И она, какъ въ бреду, цѣловала его лицо, обнимала все крѣпче, крѣпче... Матвѣй Николаевичъ не помнилъ себя: слова Мани, какъ и ея поцѣлуи, жгли его щеки и душу, но сильное и безпощадное чувство толкало его прочь, хохотало, издѣвалось внутри его надъ этой блаженной минутой. Онъ собрался съ силами и, отнявъ руки Мани, посадилъ ее на скамейку.

— У нея истерика! подумалось ему, но Маня точно читала всѣ его мысли.

— Ты думаешь, со мной обморокъ, что я больна? спросила она, не выпуская изъ своихъ рукъ его правую загорѣлую руку.—Нѣтъ! Посмотри на меня... я здорова! Я люблю тебя... Ахъ, да скажи же мнѣ хоть одно слово!

— Марья Алекс... Маня... Господи! Что вы мнѣ сказали... это ужасно! пробормоталъ Матвѣй Николаевичъ.

— Не вы, а ты, это во-первыхъ. Во-вторыхъ, что тутъ ужаснаго? Вѣдь ты меня любишь?

Опять ея глаза съ любовью преданной рабы взглянули на него и какъ ножомъ укололи въ самое сердце. Матвѣй Николаевичъ отступилъ отъ Мани и съ отчаяніемъ заговорилъ:

— Маня! Опомнись, моя бѣдная! Я скажу тебѣ ты, я сознаюсь, что я люблю тебя, но то, что ты сказала—это невозможно! Нѣтъ, не говори, невозможно! Мнѣ 36 лѣтъ, тебѣ 17. Ты сейчасъ любишь меня, и если бы я усомнился въ долговѣчности твоего чувства, ты назовешь меня глупымъ, недальновиднымъ. Тебѣ сейчасъ, чистой, вѣрящей, незнающей жизни и полюбившей въ первый разъ, тебѣ кажется, будто очень легко составить свое счастье со мной. Ты на все согласна по теоріи, но въ дѣйствительности выйдетъ другое. Я допускаю, что ты до послѣднихъ минутъ останешься вѣрной своему увлеченію, но тотъ позоръ, разлука съ семьей,

злословіе и всякія житейскія дрязги съѣдятъ тебя! Еще я выдержу всевозможную напасть, но ты— нѣтъ. Ты предлагаешь мнѣ увезти себя... Ахъ, Маша, Маша! Горячая головка, чудесное сердечко! Ошибаешься ты, думая, что легко уѣхать и забыть все прошлое. Нельзя вычеркнуть дни дѣтства и ради одного любимаго человѣка забыть нѣсколькихъ другихъ любимыхъ людей. То, что тебѣ сейчасъ представляется неважнымъ, потомъ получитъ другую цѣнность, даже большую, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Изъ одной крайности ты попадешь въ другую. Точно такъ и меня возьми. Теперь я для тебя все, но послѣ хоть сколько нибудь, но я лишусь въ твоихъ глазахъ своего достоинства. Да я же и старикъ передъ тобой, мнѣ стыдно увлекать тебя словами: «Впередъ, безъ страха и сомнѣнья!», позорно толковать тебѣ о розовомъ будущемъ, подло не открыть глаза сейчасъ, пока есть время, пока я еще держу себя на привязи и со стыдомъ каюсь тебѣ въ постыднѣйшемъ изъ прегрѣшеній... Маня! Вѣрь мнѣ, я правду говорю. Сердце свое я рѣжу на куски этими словами, но я не буду лгать. Я не вдамся въ пошлый тонъ, не стану опять совѣтовать забыть меня. Напротивъ, помни обо мнѣ. Современемъ, ты согласишься со мной. Пусть тебѣ сейчасъ очень трудно, но лучше пострадать часъ, день, мѣсяцъ, наконецъ годъ, но не всю жизнь. Да, мой ангелъ, да! Сначала я потерялся, смутился, но—что значитъ старость!—сію минуту я

съумѣлъ взять себя въ руки, и дальнѣйшее стало мнѣ ясно. И я повторяю: я люблю тебя! Прости же мнѣ за эту любовь. Я глубоко виноватъ. Но если бы я не сказалъ тебѣ всего этого—я былъ бы виноватъ во сто разъ болѣе. А ужъ о томъ, чтобы мнѣ увезти тебя отъ родителей, я не могу и вообразить: это равнялось бы злодѣйству. Я все сказалъ, Маша... да, кажется, все. Ахъ, не гляди на меня такъ, вѣдь, я могу зарыдать, я буду биться головой объ эту скамью! Что за лицо у тебя!?

Маня все продолжала глядѣть на Матвѣя Николаевича, и страшное почудилось ему въ ея лицѣ. Онъ съ тоской ожидалъ ея отвѣта. На рѣкѣ было тихо. Съ одного берега на другой переплывало цѣлое стадо пискливыхъ утятъ съ крякавшей впереди уткой. Въ голубомъ небѣ плавали ястребы. Вдали на горизонтѣ, гдѣ небо было покрыто мутной полосой, незамѣтно сливавшейся съ голубымъ цвѣтомъ неба, плавали чуть видныя, фіолетовыя облака и вился темный столбъ дыма. Рѣка бѣжала внизъ, и когда налеталъ небольшой вѣтерокъ, то болѣе мелкія мѣста покрывались сизой рябью. Изрѣдка всплескивала какая нибудь рыба, и сейчасъ по водѣ расходились широкіе, ровные круги. Лодки чуть-чуть колыхались у пристани и звякали желѣзными уключинами. Въ эту минуту изъ-за лѣса раздался звукъ рожка, опять прокатился по рѣкѣ и умеръ гдѣ-то далеко, повторенный въ рощѣ. Маша вздрогнула и оглянулась. На балконѣ никого не было, только шляпа дѣвушки

висѣла на перилахъ, и вѣтеръ чуть шевелилъ ея длинныя розовыя ленты... Маня растерянно повернула голову къ рѣкѣ, зачѣмъ-то взглянула въ высь, на большого ястреба, опускающагося на лугъ, и вдругъ, закрывшись руками, зарыдала. Минуты двѣ она плакала безостановочно, горько. Матвѣй Николаевичъ глядѣлъ на нее молча и не утѣшалъ. Онъ самъ готовъ былъ плакать еще горьше и не находилъ словъ. Когда, наконецъ, Маня отняла платокъ отъ глазъ и притихла, Матвѣй Николаевичъ зачерпнулъ въ деревянный ковшъ воды и подалъ ей. Маня послушно окунула платокъ и отерла все лицо. Онъ чувствовалъ, что пора имъ разстаться, и не имѣлъ духу заговорить. Но Маня первая прервала тягостное молчаніе.

— Это все... что вы сказали? спросила она.

— Все, глухо отвѣтилъ Матвѣй Николаевичъ.

Маня тихо встала со скамеечки, повела плечами и съ недоумѣніемъ остановилась передъ водой. Мысли ея плохо работали. Неожиданное несчастье разбило ее даже физически, и руки ея замѣтно дрожали, а на глазахъ поминутно навертывались слезинки. Но главное ей было ясно,—что Матвѣй Николаевичъ вдругъ сталъ далекъ, потерянъ, отнятъ совсѣмъ безъ возврата. Она поглядѣла на него, болѣзненно улыбнулась и машинально проговорила:

— Мнѣ ужъ пора...

У Матвѣя Николаевича перевернулось сердце, но

онъ устоялъ и, боясь смигнуть слезы, отвѣтилъ:

— Да, да... пора! Ужъ у васъ теперь, должно быть, встали... пьютъ чай.

Онъ ужаснулся этимъ словамъ. Развѣ то слѣдовало сказать въ послѣднюю минуту? Развѣ такъ возможно прощаться навсегда съ любимой женщиной? Между тѣмъ, языкъ не выговорилъ ни одной фразы, кромѣ только что сказанной. Странна была ихъ разлука. Горе внезапно срѣзало обоихъ. Имъ стало такъ тяжко, что продлись ихъ разговоръ еще больше, могло случиться что нибудь страшное или непоправимое. И Маня тоже ничего не сказала больше. Медленно сошла она съ плота, подошла къ тропинкѣ, медленно поднялась по ней къ калиткѣ, отворила ее и начала еще медленнѣе взбираться по крутой лѣсенкѣ. Наконецъ, ея платьице мелкнуло на балконѣ... еще секунда — и она исчезнетъ... Матвѣй Николаевичъ стоялъ на плоту неподвижно, обезсилѣвъ отъ горя, и пристально смотрѣлъ вслѣдъ Манѣ, быстро смахивая мѣшавшія слезы и кусая дрожащія губы. Онъ вдругъ ужаснулся, но уже не своему увлеченію или рыданьямъ дѣвушки, а именно тому, что она уходитъ отъ него, удаляется, становится меньше, скрывается за зелеными вѣтками, за плющемъ бесѣдки, что она не глядитъ назадъ, не бѣжитъ къ нему снова на плотъ... Неужели не обернется?! Что это!? Ужъ ея нѣтъ! Да, нѣтъ! Бѣлое платьице незамѣтно исчезло съ высокой терраски, исчезло навсегда... Онъ шагнулъ

къ краю плота, поднялся на noскахъ сапоговъ, протянулъ кверху руки, и слабый крикъ сорвался съ его губъ:

— Ушла!? Боже мой!

Матвѣй Николаевичъ сѣлъ на скамью. Все было кончено. То, чего онъ добивался, сдѣлалось. Но чего все это ему стоило — онъ высчиталъ плохо. Такъ просидѣлъ онъ, опустивъ голову, довольно долго, можетъ быть, пробылъ бы еще дольше, но тотъ же печальный рожокъ пастуха вывелъ его изъ полузабытья. Матвѣй Николаевичъ всталъ, отвязалъ свою лодку, вошелъ въ нее и съ силой отпихнулся весломъ. Легкая лодка вынеслась на цѣлую треть покойной рѣки и поплыла по теченію. Онъ машинально вдѣлъ весла въ уключины, опустилъ ихъ въ воду, поглядѣлъ на лугъ и потомъ медленно обернулся къ высокому берегу, гдѣ виднѣлась бесѣдка завѣтной дачи. Вдругъ онъ ахнулъ и раскрылъ широко глаза. Онъ увидалъ знакомыя розовыя ленты Маниной шляпы, и что-то опять ударило его по сердцу. Но сейчасъ же онъ разглядѣлъ, въ чемъ суть. Это шляпа Мани, забытая, висѣла на балконѣ, и среди зелени плюща и дикаго винограда колыхались вѣтромъ нѣжно-розовыя ленты. Какъ милы показались эти ленты Матвѣю Николаевичу! Смѣшная мысль—пойти и достать ихъ съ балкона—вдругъ овладѣла имъ. Онъ ужъ хотѣлъ взяться за весла, даже протянулъ къ одному руки, но потомъ покачалъ головой и пре-

доставилъ лодкѣ медленно плыть по теченію. А вдали жалобно наигрывалъ какую-то пѣсню рожокъ. Звуки неслись по рѣкѣ, эхо ихъ повторяло въ лѣсу. Но еще болѣе скорбнымъ тономъ звенѣли эти звуки на душѣ...

— Я это долженъ былъ сдѣлать, долженъ, долженъ... обязанъ! думалъ Матвѣй Николаевичъ.— Вѣдь я не мальчикъ, мнѣ подъ-сорокъ лѣтъ... За что я заѣлъ бы молодую жизнь? Она потомъ согласится со мной и... забудетъ свою первую любовь.

Но въ это же время другой голосъ шепталъ другія догадки. А если она не забудетъ? Если она умретъ отъ тоски по немъ? Если онъ глупо сдѣлалъ? Если онъ разбилъ двѣ жизни—и молодую, чуть разцвѣтшую, и свою собственную, уже начинающую увядать? Что тогда!?

Матвѣй Николаевичъ съ отчаяніемъ гналъ эти соображенія, но они помимо его воли приходили въ голову. Матвѣй Николаевичъ былъ не юноша. Слезы уже не могли облегчить его, и онъ, въ страшной тоскѣ, продолжалъ глядѣть на знакомый балконъ и милую, дѣлающуюся почти невидной, Манину шляпу съ розовыми лентами. Становилось жарко. Пастухъ замолчалъ за лѣсомъ. Съ голубого неба исчезли птицы, и явились пѣгія облака. Матвѣй Николаевичъ еще разъ потянулся изъ лодки, чтобы увидать террасу съ балкономъ, но уже она скрывалась за выступомъ берега. И самъ, не владѣя собой, онъ вскочилъ на ноги и громко крикнулъ:

— Маша! Ау!

Его голосъ спугнулъ плескавшихся возлѣ берега утятъ, прокатился въ сосновомъ лѣсу, но въ отвѣтъ уже не раздался знакомый отвѣтъ, никто не привѣтствовалъ его радостнымъ ау, и только послѣдній звукъ былъ повторенъ—глухо и уныло—далекимъ, навсегда спрятаннымъ въ лѣсной чащѣ эхомъ...

ПОДСНѢЖНИКИ.

Сѣдоголовый Алексѣй Ивановичъ Поликарповъ дѣлалъ видъ, что, кромѣ сигары и статьи о болгарскомъ вопросѣ въ газетѣ, ему ни до чего и ни до кого въ настоящую минуту нѣтъ дѣла. А въ другомъ концѣ большой и высокой, погруженной въ весеннія сумерки, залы, сидѣли двое молодыхъ людей: интересный брюнетъ и блѣдненькая шатенка съ глазами цвѣта лиловыхъ подснѣжниковъ, пучекъ которыхъ она держала въ рукѣ; разсматривая нѣжные лепестки, она говорила:

— Какіе это милые цвѣты! Не правда ли, Сергѣй Николаевичъ?..

И тутъ же, покосившись на читавшаго газету Поликарпова, она прошептала:

— Дарю ихъ тебѣ, Сережа, на память обо мнѣ... Возьми...

Все это прекрасно слышалъ Алексѣй Ивановичъ. Даже болѣе того: полузакрывшись большимъ ли-

стомъ газеты, онъ видѣлъ, какъ шатенка, сжавъ руку молодого человѣка, заглянула ему въ лицо, заглянула такимъ взглядомъ, въ которомъ вылилась вся преданная, безграничная, неразсуждающая любовь дѣвушки, увлеченной искренно и въ первый разъ... Не столько Алексѣй Ивановичъ разсмотрѣлъ этотъ взглядъ, сколько понялъ его,—и сердце стараго бобыля, никогда во всю свою немудрую и незанимательную жизнь не встрѣчавшаго подобнаго взгляда женскихъ глазъ—болѣзненно затрепетало, заныло и оборвалось...

— Спрячь ихъ въ карманъ, а дома—положи въ Лермонтова! продолжала тихо говорить дѣвушка, протягивая своему сосѣду цвѣты.

— Изволь, изволь, Катя... хотя это все ужъ очень сантиментально! отвѣчалъ брюнетъ. — Ну, ну, ну... Не сердись. Беру.

Алексѣй Ивановичъ смотрѣлъ на газету, а буквы, строчки и столбцы передовой статьи выплясывали передъ нимъ какой-то замысловатый танецъ и сливались въ одно темное съ мелькающими черными полосами пятно... Онъ сознавалъ, что его настоящее настроеніе духа—самое дурацкое, а присутствіе въ комнатѣ, какъ третьяго лица, совершенно въ эти минуты неумѣстно. «Надо убраться!»—думалось Поликарпову, но онъ не убирался, а продолжалъ сидѣть на стулѣ, какъ придавленный каменной тяжелой горой, отъ гнета которой у него болѣла душа... А, между тѣмъ, дѣвушка вся ушла

въ свое чувство и забыла не только объ Алексѣѣ Ивановичѣ, но даже, кажется, обо всемъ свѣтѣ. Шопотъ ея мягкой музыкой разносился по темной залѣ, и въ немъ слышались такія блаженныя, беззавѣтно-счастливыя нотки, что тотъ, кому онѣ адресовались,—какъ казалось Поликарпову,—долженъ былъ очароваться, задохнуться, умереть отъ непомѣрнаго счастья...

— Почему? Почему ты мучишься!? Какое ты имѣешь на это право, старый олухъ!? Какія у тебя къ тому данныя!? тоскливо спрашивалъ себя Алексѣй Ивановичъ, комкая листы газеты и уже ничего, кромѣ темнаго пятна съ зелеными и желтыми кружками, не видя передъ собою. — Развѣ она... эта дѣвочка... развѣ она давала поводъ ревновать? Гдѣ же источникъ твоего волненія!? Ежели бы она кокетничала, завлекала! А то—ничуть не бывало... Значитъ, зависть? Юношеское счастіе поперекъ стараго горла стало? Хорошъ же ты, Алексѣй Иванычъ! Добрый человѣкъ! Ахъ, ты, развалина! Безсовѣстный!...

— А что, сосѣдъ, не пора ли намъ по домамъ? неожиданно раздалось надъ его ухомъ.

Алексѣй Ивановичъ вздрогнулъ и опомнился. Передъ нимъ стоялъ Сергѣй Николаевичъ и, какъ показалось Поликарпову, съ нѣкоторымъ удивленіемъ осматривалъ его вспотѣвшее, красное лицо и растрепанный чубъ. У окна, возлѣ корзины съ цвѣтами, бѣлѣла фигурка шатенки.

— Пора, пора, пора! Давно ужъ пора! засуетился Алексѣй Ивановичъ.—Засидѣлись-таки мы... хе-хе... До свиданія, Катерина Евстафьевна... Мамаша, должно быть, въ кабинетѣ-съ? Пойти попрощаться... Вы, Сергѣй Николаевичъ, того... подождите... я... тово... сейчасъ... вотъ только... тово-съ...

И, ступая какъ сконфуженный школьникъ, Поликарповъ быстро вышелъ изъ залы, глядя куда-то на сапоги и продолжая мять лѣвой рукой номеръ газеты...

Черезъ нѣсколько времени Алексѣй Ивановичъ и брюнетъ шагали по грязнымъ тротуарамъ улицы, обходя и перескакивая весеннія лужи. На небѣ чуть загоралась вечерняя заря и вставалъ прозрачный туманъ. Мягкій весенній вѣтерокъ освѣжилъ разгоряченную голову Поликарпова, и онъ вдругъ пришелъ въ то блаженное и грустно-радостное настроеніе, когда незлой и впечатлительный человѣкъ глядитъ на весь міръ и на все въ мірѣ, какъ любящая мать на малыхъ дѣтей, и готовъ, ради счастія ближняго, даже пожертвовать частицею и своего незадавшагося счастья... Поликарповъ не выдержалъ.

— Ну... дай вамъ Богъ! сказалъ онъ и радостно, съ облегченіемъ вздохнулъ.—Будьте счастливы, Сергѣй Николаевичъ... Я, знаете, слышалъ и, признаться, и раньше замѣтилъ... Отъ души желаю и говорю: радъ!

— Что такое? немного удивился Сергѣй Николаевичъ.—Вы это о чемъ?

— Ну, ну! Не притворяйтесь, дружище! добродушно засмѣялся Алексѣй Ивановичъ, подмигивая и грозя шутливо пальцемъ. — Я про Катеньку... Откровенно говорю: рѣдкой души дѣвица! И милая, и добрая, и... васъ любитъ, дружище... Я, знаете, отъ души радуюсь, вѣдь я ее, Катю-то, вотъ этакой зналъ и на рукахъ нянчилъ... Рѣдкое сердце!

— Н-да... процѣдилъ сквозь зубы Сергѣй Николаевичъ. — Я согласенъ съ вами, Катерина Евстафьевна дѣвушка славная. Только спѣшу вамъ сказать, что ничего серьезнаго у насъ не предвидится... Вѣдь она, въ сущности, бѣдна, какъ мышь! Вы говорили, что графъ положилъ на ея имя пять тысячъ рублей?

— Да... А что же, развѣ вы сомнѣваетесь?

— То-то и дѣло, что ни гроша не положено! Графъ обѣщалъ, но теперь заболѣлъ... ему всего нѣсколько дней до смерти... Едва ли онъ сможетъ вспомнить о своей, не имѣющей на его состоянiе законныхъ правъ, дочкѣ... Не сегодня—завтра настоящая родня явится, и дѣло Катерины Евстафьевны плохо.

Алексѣй Ивановичъ вытаращилъ глаза.

— Но... но я васъ не понимаю, дружище... забормоталъ онъ.—При чемъ здѣсь законные наслѣдники? Вѣдь вы...

— Я хочу показать вамъ все въ настоящемъ

свѣтѣ. Вы, если не ошибаюсь, намекаете на мою женитьбу на Катеринѣ Евстафьевнѣ? Вотъ я и спѣшу вамъ все выяснить...

Алексѣй Ивановичъ молчалъ и какъ бы боялся что-то сообразить.

— Я, голубчикъ, жениться на ней не думаю, продолжалъ Сергѣй Николаевичъ. — Во-первыхъ, мнѣ нужны деньги... Во-вторыхъ, я ищу въ женѣ прежде всего женщину практическую... и, разумѣется, съ менѣе сомнительнымъ происхожденіемъ... А Катенька—зефиръ, мечтаніе, поэзія... настоящій типъ кисейной барышни пятидесятыхъ годовъ... У нея все разные сантименты на умѣ... Вотъ, не угодно ли? Полюбуйтесь, батенька, на эту штуку: даритъ мнѣ какіе-то цвѣточки и требуетъ ихъ «сохранить вѣчно». Ха-ха-ха! Курьезная дѣвочка!

Сергѣй Николаевичъ вынулъ изъ кармана помятый букетикъ подснѣжниковъ, показалъ его Поликарпову и кинулъ на тротуаръ. Алексѣй Ивановичъ быстро нагнулся и поднялъ цвѣты. Онъ обтеръ съ нихъ грязь и, спрятавъ въ боковой карманъ пальто, сказалъ послѣ нѣкоторой паузы:

— Зачѣмъ бросать... Я люблю подснѣжники. Надо будетъ высушить ихъ въ книгѣ... и сберечь...

Брюнетъ улыбнулся и пожалъ плечами.

— Вы, можетъ быть, занимаетесь ботаникой, Алексѣй Ивановичъ? спросилъ онъ, показывая свои бѣлые зубы.

Поликарповъ молчалъ. Онъ шелъ, погруженный

въ думу. Ему казалось, что иногда искреннее чувство имѣетъ судьбу этихъ подснѣжниковъ... и даже не иногда, а большею частію, чуть ли не всегда. И то, и другое—и блѣднолиловые цвѣты, и неподкупную горячую любовь — люди настоящаго времени, люди холодные, умные, спокойные, разсудительные и практическіе — бросаютъ въ грязь и топчутъ святое чувство... если только эти «сантименты» не приносятъ имъ коммерческой пользы!.. Что-то сильное, злое и безжалостное подступало къ горлу Алексѣя Ивановича, душило, гнело и просилось наружу. Ему хотѣлось вдругъ, совершенно неожиданно, обернуться къ посвистывающему Сергѣю Николаевичу и грубо, по-мужицки ударить его кулакомъ по лицу. Но Поликарповъ сдержался, на-сколько могъ: онъ не ударилъ молодого человѣка, даже не взглянулъ на него, повернулся и быстро зашагалъ отъ Сергѣя Николаевича въ противоположную сторону.

— Эй, вы! Куда вы!? послышался крикъ изумленнаго брюнета.

Но Алексѣй Ивановичъ не обратилъ никакого вниманія. Онъ шелъ, унося въ глубинѣ души тоску за бѣдную Катю, за этотъ безжалостно сорванный, обманутый и покинутый на дорогѣ подснѣжникъ...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИМЯ.

«Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ *жизнь* его порой,
Ты будешь ли его защитой
Передъ безчувственной толпой?»

Умеръ писатель Ропотовъ. Извѣстіе это распространилось быстро, и на похоронахъ сошлось очень много народу. Покойника провожали и старые, и малые. Отъ разныхъ литературныхъ и нелитературныхъ кружковъ, обществъ и т. п. несли вѣнки. На могилѣ говорились рѣчи, кое-кто въ это время плакалъ, и вообще большинство искренно вздохнуло о писателѣ, который могъ назваться любимымъ, не только извѣстнымъ. Года за четыре передъ смертью Ропотовъ почти перестаіъ писать. Онъ занялся разными коммерческими предпріятіями, которыя приносили ему очень много хлопотъ, но и очень много выгоды. Однако, писательская жилка билась въ старомъ беллетристѣ: разъ въ годъ онъ давалъ публикѣ небольшой разсказъ, полный пре-

лести и проникнутый какою-то нѣжной, едва уловимой грустью. Критика усердно хвалила эти маленькія произведенія и ужасно сѣтовала на автора за то, что онъ не хочетъ написать нѣчто крупное, подобное его первымъ—извѣстнымъ всей интелигентной Россіи—повѣстямъ. Ропотовъ, какъ видно, не придавалъ значенія критикѣ и не хотѣлъ писать серьезно. Онъ былъ занятъ спекуляціями, и когда нотаріусъ и повѣренный сдѣлали вводъ во владѣніе родственниковъ умершаго, то у Ропотова оказалось наличными деньгами свыше ста тысячъ, огромный домъ и хорошее, приносящее солидный доходъ имѣніе.

Но едва схоронили писателя, едва затихли прощальныя слова и надмогильныя рѣчи,—въ газетахъ и журналахъ явилось множество статей. Сначала подводили итогъ дѣятельности Ропотова, какъ литератора; потомъ передавали и кратко, и подробно его біографическія свѣдѣнія; затѣмъ толковали о его послѣднемъ разсказѣ, который остался недоконченнымъ. Послѣ этихъ статей и фельетоновъ выступила на сцену серія воспоминателей, друзей, знакомыхъ; началась безконечная болтовня, сплетни перетряхиванье стараго бѣлья; одинъ воспоминатель разсказывалъ, какъ Ропотовъ игралъ съ нимъ въ карты и выигралъ двѣсти рублей; другой сообщалъ довольно щекотливую исторію о томъ, какъ онъ, воспоминатель, когда-то—чуть ли не при царѣ Горохѣ—выручилъ Ропотова изъ бѣды, и не только

изъ одной бѣды, а сразу изъ двухъ, да кромѣ того уберегъ отъ скандала; третій, съ усердіемъ и краснорѣчіемъ салопницы, писалъ о первой любви Ропотова и тутъ же говорилъ, что не то Ропотова обманула дѣвушка, не то онъ обманулъ дѣвушку; далѣе шли вѣсти одна другой интереснѣе по своей неумѣстности: какъ Ропотовъ поссорился съ N, какъ Ропотовъ оскорбилъ Z, какъ Ропотовъ не далъ взаймы пяти рублей S, какъ Ропотовъ въ частной жизни былъ скупъ, жестокъ, нетерпѣливъ, какъ онъ любилъ азартныя игры и сомнительныя аферы, какъ... Но всего не перескажешь, что ухитрились собрать о Ропотовѣ его непрошенные біографы. Они дошли въ концѣ концовъ до того, что передавали ужъ не факты, а собственныя умозаключенія, предположенія, догадки. Однимъ словомъ, имя Ропотова затрепали до полнаго неприличія. И къ этому извѣстному имени всякій врагъ, всякій болтунъ, всякій Бобчинскій пристегивалъ свое мизерное, никому невѣдомое «я» и даже выдвигалъ его на первый планъ. Совершалась какая-то «недѣля о неизвѣстностяхъ», и редакціи газетъ и журналовъ дѣлали большую ошибку, открывая свои столбцы и страницы для каждаго, имѣвшаго случай записать свое знакомство или незначительную встрѣчу съ покойнымъ литераторомъ.

Изъ газетъ толки проникли во всѣ столичныя гостиныя. Самый модный разговоръ былъ о Ропотовѣ. Правда, большинство знало о немъ по на-

слышкѣ, но всякія сплетни принимало охотно. Что касается литературныхъ кружковъ, то тамъ вышелъ даже легкій скандалъ. Извѣстно было, что родственники покойнаго подали въ судъ другъ на друга, каждый доказывая больше правъ на наслѣдство. Кромѣ того, явились какіе-то векселя, будто бы когда-то выданные кому-то Ропотовымъ. Эти векселя подали къ протесту, а наслѣдники объявили ихъ подложными. Заварилась судебно-литературная каша. Явные и тайные литературные враги, конкуренты и завистники разсказывали о Ропотовѣ невозможныя вещи. Приводились примѣры самые возмутительные. Указывали на лицъ, которыя были очевидцами преступленій Ропотова. Даже въ печать залѣзла эта литературная клевета, и бѣдный Ропотовъ былъ испачканъ и безжалостно избитъ словеснымъ копытомъ недоброжелателей...

Въ это время какъ-то разъ собрались гости у одного—тоже довольно извѣстнаго—писателя Степана Васильевича Воронова. Послѣдній праздновалъ тридцатипятилѣтнюю работу въ журналахъ и пригласилъ всѣхъ пишущихъ, съ которыми когда нибудь встрѣчался.

Разговоръ, конечно, былъ о Ропотовѣ.

— Да-съ, умеръ нашъ старичокъ... говорилъ за завтракомъ литераторъ Пѣнкинъ.

— Умеръ и въ землю зарытъ... А ужъ и перецъ-человѣкъ былъ!

— Вы слышали, у него незаконныя дѣти оста-

лись? Говорятъ, онъ имъ ни гроша не отказалъ...

— Отъ него станется. Любопытно, господа, полное собраніе сочиненій хотятъ издать родственники, а книгопродавецъ Горбовъ не позволяетъ, такъ какъ старые романы—«Вечеръ» и «Село Ананьевское»—онъ купилъ у Ропотова съ правомъ десяти изданій.

— А всѣхъ сколько изданій-то?

— Шесть. Долго ждать родственничкамъ!

— Ахъ, да! Иванъ Иванычъ, вы хотѣли намъ разсказать, какъ вы обругали Ропотова... Говорите, батюшка, за что такое? Это очень интересно...

Иванъ Ивановичъ—тонкошейный господинъ съ просѣдью, критикъ одного толстаго журнала—откашлялся и заговорилъ съ живѣйшей охотой:

— Я, господа, игралъ съ нимъ въ винтъ... Я, Борщевскій, Ипполитъ Егорычъ и онъ... Только вдругъ Ропотовъ дѣлаетъ замѣчаніе Борщевскому. Тотъ ему отвѣчаетъ тоже рѣзко. Слово за слово... «Это нахальство!» говоритъ Борщевскій.—«Изъ-за картъ вы готовы ругаться, какъ мужикъ!» Ропотовъ позеленѣлъ и шипитъ: «А, батенька, вы такъ заговорили? Потрудитесь уплатить мнѣ вашъ долгъ, иначе я подамъ ваши векселя ко взысканію!»

— Да не можетъ быть!? вскрикнули слушатели.

— Честное слово даю! отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ и сталъ продолжать. — Тутъ, господа, я не стерпѣлъ. Зло, знаете, взяло. «Это подло!», го-

ворю Ропотову, — «за это, милостивый государь, чортъ знаетъ что дѣлаютъ! Бьютъ! Убирайтесь вонъ!» Да, такъ и сказалъ, ей-Богу... Ропотовъ всталъ и... ушелъ...

— Ничего не сказалъ?

— Ругался... ворчалъ что-то подъ носъ...

Разсказъ Ивана Ивановича былъ такъ страненъ, что всѣ на минуту помолчали, не рѣшаясь вполнѣ повѣрить.

— Возможно. Ропотовъ сдѣлаетъ... наконецъ пробормоталъ одинъ издатель-редакторъ, въ журналѣ котораго покойный писатель не хотѣлъ работать ни за какія деньги.

Это было сигналомъ. Посыпались разсказы о Ропотовѣ, одинъ грязнѣе другого. Признаться, всѣ гости были немножко съ мухой, но кромѣ того вся эта хула на Ропотова имѣла еще одну причину, весьма ловко замаскированную. Хозяинъ-юбиляръ — это всѣ знали, даже кое-кто изъ публики, не только литераторы — былъ давнимъ врагомъ покойнаго. Ихъ ссора чуть-чуть не дошла до дуэли. Съ тѣхъ поръ они не встрѣчались болѣе пятнадцати лѣтъ. Вороновъ всегда желчно отзывался о былыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Ропотовымъ. Гости юбиляра прекрасно и тонко воспользовались случаемъ угодить хозяину, который, къ слову сказать, былъ журнальной силой и значительнымъ авторитетомъ.

Вороновъ сидѣлъ нахмуренный. Онъ молчалъ и слушалъ, не возражая и не поощряя. Но его

желчное лицо постепенно загоралось румянцемъ, тонкія губы ехидно сжимались. И только глаза— большіе, стального цвѣта—стали вдругъ прекрасны. Выслушавъ въ послѣдній разъ что-то нецензурное о Ропотовѣ, Вороновъ всталъ и сдѣлалъ знакъ рукой.

— Рѣчь, нашъ уважаемый Степанъ Васильичъ хочетъ сказать рѣчь! зашептались литераторы.— Рѣчь сказать и тостъ предложить... Браво, браво!

— Господа, вотъ вы сейчасъ пили за мое здоровье и, между прочимъ, много разъ упоминали имя Ропотова, началъ хозяинъ.—Предлагаю вамъ всѣмъ со мной вмѣстѣ выпить въ память нашего собрата по перу Александра Ропотова!

Недоумѣвающій шопотъ всполохнулъ гостей. Никто не зналъ, что дѣлать, какъ понимать хозяина.

— Что-жъ, это васъ, господа, кажется, смутило? злобно спросилъ Вороновъ.—Ну, такъ позвольте передъ тостомъ въ память Ропотова сказать нѣсколько словъ. Кстати, вы рѣчь ждали. Вотъ я и скажу рѣчь. Желаю, чтобъ она всѣмъ понравилась или, въ крайности, показалась справедливой. Во-первыхъ, господа, да здравствуетъ литература, литература чистая, честная и, главнымъ образомъ, талантливая! Во-вторыхъ, да будетъ свято и неприкосновенно каждое литературное имя писателя-таланта! Въ-третьихъ, пусть будетъ проклята сплетня и бездарная зависть! Это вступленіе, господа, прелюдія, такъ сказать... Теперь, о Ропотовѣ. Зачѣмъ,

господа, мы говоримъ о немъ то, чего никогда не было и не могло быть? Зачѣмъ мы съ озлобленіемъ говоримъ о томъ, что было, въ чемъ дѣйствительно виноватъ Ропотовъ? Кто для всѣхъ насъ и для публики Ропотовъ? Писатель, огромный талантъ, наша литературная гордость, человѣкъ, давшій намъ образцы изящной словесности, отъ которыхъ мы приходимъ въ восторгъ, которые насъ учатъ, облагораживаютъ, пробуждаютъ въ насъ добрыя чувства. Ропотовскіе типы—цѣлая исторія въ литературѣ. Каждый романъ и повѣсть Ропотова — событіе въ журналистикѣ. Публика читаетъ его нарасхватъ. Мы, сихъ же дѣлъ мастера, изумляемся филигранной работѣ этого чуднаго дарованія. Перо покойнаго Ропотова—это рѣзецъ талантливаго скульптора, кисть прекраснаго живописца, руки геніальнаго композитора-пьяниста. И поклонники, и враги этого писателя одинаково наслаждаются его произведеніями. Солнце его таланта свѣтитъ на насъ на всѣхъ одинаково, и на добрыхъ, и злыхъ... Такъ скажите же, для чего весь этотъ частный хламъ, закулисная грязь, шипѣнье, подборъ гнусныхъ фактовъ и все недостойное прочее? Какое дѣло намъ и публикѣ—что за человѣкъ былъ Ропотовъ или, напримѣръ, не Ропотовъ, а другой писатель? Мы составляемъ біографіи умершихъ геніевъ, но въ наши вѣнки злобный духъ времени вплетаетъ колючіе шипы. Мы собираемъ нетолько сплетни и явное лганье о покойной знаменитости,

но даже не щадимъ его частныхъ писемъ, тоже предаемъ ихъ типографскому тисненію, коментируемъ ихъ, дѣлаемъ по поводу какого нибудь ничтожнаго и необдуманнаго выраженія въ разсѣянной запискѣ глубокомысленные выводы, обвиняемъ, какъ прокуроры, злословимъ, какъ женщины, клевещемъ, какъ подкупленные свидѣтели! Стыдно, стыдно! И надъ кѣмъ же эти всѣ упражненія и глумленія? Надъ своимъ геніальнымъ братомъ и учителемъ! Вмѣстѣ съ надгробными панегириками — пригвожденіе ко кресту! Пусть Ропотовъ или другой умершій писатель—я говорю теперь вообще,—пусть онъ въ своей частной жизни велъ себя худо, пусть онъ дѣлалъ фальшивыя бумажки, истязалъ жену, снялъ рубашку съ ближняго, оклеветалъ благодѣтеля, предалъ вѣрнаго друга... Я все это допускаю. Но что-жъ изъ того? Развѣ геніальное произведеніе такого человѣка стало хуже, тусклѣе? Развѣ тѣ святыя идеи, которыя онъ вложилъ въ свои романы и повѣсти, сдѣлались безобразны? Развѣ наше эстетическое наслажденіе уменьшилось, а восторгъ испарился? Грустно узнать (а лучше и не стараться узнать), что огромный талантъ былъ мелокъ въ своей частной жизни. Но имя его, литературное имя, оно неприкосновенно! Его только мы должны разглядывать хоть въ телескопы, его подвергать оцѣнкѣ и разбору. Литературное поприще — вотъ границы для нашихъ разсужденій въ печати о Ропотовѣ. А мы, его литературные

братья и ученики—да, ученики, финтить тутъ нечего!—мы, воспитанники и руководители грамотнаго общества, что мы только дѣлаемъ? Ужасно подумать! Мы составляемъ біографіи, отъ которыхъ несетъ прачешной. Мы издаемъ газеты и журналы и сплошь пичкаемъ ихъ сплетнями. И плоды нашей работы ужъ видны. Наша несуразная нива взошла. Публика, воспитанная нами, кидается больше всего на скандалы. Умеръ Ропотовъ—публика читаетъ съ удовольствіемъ «разоблаченія», смотритъ на закулисную сторону дѣла, на жалкую переписку извѣстнаго литератора, и ржетъ, гогочетъ, видя этого прославленнаго человѣка въ униженіи, радуясь животной, инстинктивной радостью, что межъ дѣтей ничтожныхъ міра, судя вотъ по этимъ воспоминаніямъ, да по фактамъ, да по письмамъ, да по разсказамъ—всѣхъ ничтожнѣй онъ, сынъ славы и таланта! А наша молодежь? О, эта бѣдная молодежь, наученная нами быть скептиками и гордиться этимъ! Да, мы научили нашихъ дѣтей гадостямъ и вдолбили имъ въ головы, что гадости—вещь условная и даже подчасъ весьма необходимая... Вы послушайте, что теперь говорятъ студенты и вообще читающіе молодые люди о Ропотовѣ? Вотъ что: «Однако, свинья былъ господинъ Ропотовъ, большая свинья!»—Да, это говоритъ молодежь, и про кого же? Про автора любимѣйшихъ нашихъ произведеній, создавшаго «Печальное время», «Горькихъ людей», «Зарубина»!? Авторъ та-

кихъ дивныхъ романовъ, гдѣ столько любви ко всему молодому, обругань молодыми устами! И это все, благодаря разнузданной откровенности печати! Это все мы виноваты, позволивъ, допустивъ подобный скандалъ и статьи вспоминающихъ. О, эти воспоминающіе, сочиняющіе и клевещущіе! О, эти ничтожные коментаторы, добровольные оцѣнщики знаменитостей! Какъ засорили они нашу родную литературу, какъ испортили литературный языкъ, сколько зла внесли они въ редакціи, сколько безвкусицы дали они, сколько внесли они растлѣнія въ средѣ читателей! Но будетъ... Я не могу больше ни спорить, ни говорить... Меня тошнитъ отъ этого пересчитыванья гнусностей. Пью въ память незабвеннаго писателя Ропотова! Кто меня понялъ— прошу выпить со мной вмѣстѣ...

Вороновъ кончилъ, дрожащей рукой схватилъ бокалъ съ виномъ, выпилъ и упалъ въ кресло. Послѣднія слова онъ дохрипѣлъ, а не досказалъ. Его рѣчь была похожа на бомбу, неожиданно упавшую въ крѣпость и разлетѣвшуюся съ громомъ и свистомъ во всѣ стороны. Всѣхъ точно ударило по лбу, и первыя секунды никто не могъ заговорить. Издатель-редакторъ, тотъ самый, который напрасно хотѣлъ залучить къ себѣ Ропотова и теперь имѣвшій виды на Воронова, первый схватилъ бокалъ и крикнулъ:

— Выпьемъ! Это вѣрно, господа, о мертвыхъ не говорятъ... ничего этакого...

— Выпьемъ! Выпьемъ! поддержали редактора нѣкоторые.

Но, очевидно, многихъ «бомба» такъ треснула, что они оскорбились, надулись и молчали. Вороновъ это замѣтилъ и злобно улыбнулся.

— Милостивые государи, сказалъ онъ, торжественно и съ оттѣнкомъ едва слышнаго юмора.— Можетъ быть, кому угодно возражать? Прошу, усердно прошу объ этомъ... Можетъ быть, кто найдетъ сказать противъ меня, можетъ быть, въ этой отповѣди приведутся нѣкоторые резоны... Пожалуйста, сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь!

Всѣ переглянулись, зашушукались. Многіе поняли иронію хозяина. Но политикъ-редакторъ и здѣсь нашелся.

— Я имѣю сказать два словца, приподнялся онъ.—Изволите ли видѣть-съ, уважаемый Степанъ Васильевичъ, вы вполнѣ правы. И хотя нѣкоторыя прискорбныя случайности съ покойнымъ нашимъ собратомъ по оружію, Александромъ Петровичемъ Ропотовымъ, затемняютъ, такъ сказать, его жизнь внѣ литературы, но его имя, какъ писателя, стоитъ превыше... и потому, на вашемъ юбилеѣ, не будетъ ли самымъ свѣтлымъ лучомъ— это именно тостъ въ память писателя Ропотова? Господа, ваши бокалы! Въ память Ропотова и за здоровье Воронова... ур-ра!!

— Ура! Браво!

Редактора-издателя поддерживали на этотъ разъ

очень дружно. Всѣ глядѣли другъ на друга, подмигивали и какъ бы выражали въ этихъ знакахъ:

— «Ну, что тутъ еще толковать! Хозяинъ нашъ малую толику пересолилъ... желчный человѣкъ... не ссориться же съ нимъ на его юбилеѣ!»

Такъ думали гости, или, по крайней мѣрѣ, такъ думалъ о душевномъ настроеніи гостей Вороновъ. Онъ смотрѣлъ на кругъ чествовавшихъ его литераторовъ, и злоба все сильнѣе закипала въ его желчномъ сердцѣ. При этомъ, ему нездоровилось и, вообще, было не по себѣ. Онъ думалъ о Ропотовѣ, и пока его гости выкапывали одну грязную исторію за другой, передъ его глазами пронеслась другая картина былого. Вороновъ вспомнилъ, какъ онъ и Ропотовъ—тогда еще молодые люди и начинающіе писатели — оба были влюблены въ мѣщаночекъ, и разъ компаніей ѣздили на лодкѣ. Былъ тихій лѣтній вечеръ; блѣдное небо, розовыя облака, чуть загорающіяся звѣзды, неподвижная рѣка, зеленые берега, два хорошенькихъ женскихъ лица—все такъ располагало къ счастью и радости. Но вечеръ тотъ былъ памятенъ Воронову не обстановкой, а разговоромъ.

— Послушай, говорилъ онъ Ропотову.—Я тебѣ совсѣмъ чужой, но я люблю тебя больше, чѣмъ родного брата... Отчего такъ мы сошлись? Вѣдь до смѣшного доходитъ: ты мнѣ что скажешь, а я только объ этомъ подумалъ... У насъ однѣ мысли, одни идеалы...

— Да, Степа, отвѣчалъ Ропотовъ.—Я тоже къ тебѣ привязанъ крѣпко, очень крѣпко... Я, знаешь, желалъ бы знать, кто изъ насъ умретъ первымъ? Если ты, я не переживу отъ горя.

— Перестань, что за мысли! отвѣтилъ Вороновъ.—Я дрожу отъ сознанія смерти... Неужели возможно, что мы разстанемся—и, Господи!—можетъ быть, навсегда, навсегда! О, эта смерть!

Они оба поникли головами. Въ эту минуту ихъ подруги ходили по берегу, а они возвращались къ нимъ съ покупками, заключающимися въ хлѣбѣ, винѣ и еще въ чемъ-то.

— Въ самомъ дѣлѣ, улыбнулся, наконецъ, Ропотовъ.—Мы поѣхали погулять за городъ, а разговоры у насъ какіе-то траурные... Вотъ что, дружище, у насъ есть утѣшеніе: мы молоды, сильны, любимъ литературу, еще больше — другъ друга. Пусть эта смерть когда нибудь придетъ за нами, но мы отлично знаемъ, что всю жизнь, всю нашу жизнь, мы будемъ вмѣстѣ, идя рука объ руку, помогая другъ другу... Вѣдь, такъ?

— Да, да! отвѣчалъ Вороновъ.

Онъ стиснулъ ему руку и въ эту секунду давалъ въ душѣ великую клятву—быть вѣчно другомъ Ропотова...

Эта старинная сцена выглянула теперь, какъ чудная картинка, какъ небесный сонъ прилетѣла она къ Воронову и заставила вздрогнуть его засыхающую душу. Ахъ, что было — и что стало!

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого вечера съ лодкой, свѣтлымъ небомъ, звѣздами, хорошенькими лицами мѣщаночекъ, Вороновъ поссорился съ другомъ и—разошелся съ нимъ, чтобы ужъ не встрѣчаться! Изъ-за чего же все это случилось? Вороновъ съ краской стыда на лицѣ сознавалъ, что причина была самая заурядная, недостойная обоихъ писателей. Между ними стала темнымъ облакомъ женщина. Къ тому же, Ропотовъ и Вороновъ почувствовали, что они — конкуренты въ литературѣ. И надо сознаться, Вороновъ сознавалъ превосходство Ропотова, какъ соперника въ любви и какъ литератора. А послѣднiй, становясь надутымъ отъ успѣховъ и отъ лести новыхъ прiятелей, позволялъ себѣ насмѣхаться надъ товарищемъ... Однимъ словомъ, дружба ихъ порвалась. Подъ старость, оба сознавали, что поступаютъ нехорошо, оба въ глубинѣ души были не прочь отъ примиренiя, но никто первый не хотѣлъ подать руку. Такъ и умеръ Ропотовъ, не видавъ у своей смертной постели друга дѣтства. А другъ-то дѣтства самъ ужъ стоялъ на краю могилы, былъ одинокъ и безрадостенъ, не смотря на хорошiя средства, литературную славу, всеобщее уваженiе. Впрочемъ, послѣднее казалось Воронову нѣсколько сомнительнымъ.

— Умри я, думалъ онъ,—и тѣ же господа, которые пьютъ за мое здоровье, разскажутъ обо мнѣ десятки анекдотовъ, напишутъ нѣсколько воспо-

минаній, передадутъ все, эту самую сцену тоста въ память Ропотова, и каждый молодецъ разскажетъ на свой образецъ... Выкопаютъ изъ прошлаго мои ошибки, грѣхи, выудятъ разныя глупыя письма и по нимъ составятъ опредѣленія о моей нравственной сторонѣ... Характеристику дадутъ... О, идіоты, ученые слѣпцы, бездарные люди! По ничтожнымъ запискамъ и случаямъ они хотятъ дать фотографію души! А тутъ еще клеветники, вруны и враги подоспѣютъ... и пойдетъ писать газетная губернія, вотъ какъ теперь о Ропотовѣ. О, другъ мой, усопшій собратъ! Слышишь ли ты весь этотъ гамъ, шумъ, вой, перебранку? Слышишь ли ты меня, видишь ли мои невидимыя слезы, мою тоску о тебѣ, раскаяніе, мою къ тебѣ никогда не погасавшую любовь!?

Простившись съ послѣднимъ гостемъ и давъ всѣмъ обѣщаніе пріѣхать на обѣдъ въ гостинницу (этотъ обѣдъ въ честь Воронова устроивался по инициативѣ все того же практичнаго редактора-издателя), Вороновъ съ омерзеніемъ поглядѣлъ на комнату, гдѣ былъ завтракъ, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и, отдавъ приказаніе никого не принимать, заперся на ключъ. Въ кабинетѣ онъ долго рылся у письменнаго стола, разбиралъ бумаги, читалъ какія-то старыя, пожелтѣвшія письма и, во время чтенія, тоскливо покачивалъ головой. Кончивъ читать, онъ легъ на диванъ и, полный воспоминаній, полный недавнихъ ощущеній, переби-

рая въ умѣ тѣхъ людей, съ которыми ему привелось столкнуться, онъ дѣлался все нахмуреннѣе и грустнѣе. Вороновъ чувствовалъ, что, можетъ быть, скоро наступитъ его собственный конецъ, что ужъ близки его послѣднія мгновенья, которыя непремѣнно будутъ отравлены:—

«Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ»...

Да, и его не пощадитъ сплетня, какъ не пощадила она Ропотова и какъ никогда не щадила ничье—самое великое и свѣтлое—литературное имя...

— Стыдно, стыдно! шепталъ Вороновъ, и губы его болѣзненно кривились, подбородокъ дрожалъ, на глаза навертывались слезы...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

въ книжныхъ магазинахъ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» А. С. Суворина: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Сибири — въ книжномъ магазинѣ Макушина въ Томскѣ.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. **Лихо.** Историческая повѣсть. Ц. 1 р.

— **Хмѣлевая ночь.** Историческій романъ. Ц. 1 р.

— **Драмы.** Томъ I. **Слобода** Неволя.—Фролъ Скабѣевъ. — Каширская старина.—Темный и Шемяка. Ц. 3 р.

АЛАРКОНЪ. Н. Повѣсти и разсказы. Пер. съ исп. Ц. 75 к.

АНДРОНИКЪ - КОМНЕНЪ. Повѣсть изъ византійской исторіи. Изящное изданіе на велен. бум. Ц. 75 к.

АНДРЕЕВСКІЙ, С. А. **Стихотворенія.** 1878 — 1885. Ц. 2 р.

— **Литературныя чтенія.** Баратынскій. — Достоевскій.—Гаршинъ.—Некрасовъ. — Лермонтовъ. — Л. Толстой. Изданіе 2-е. Ц. 1 р.

— **Защитительныя рѣчи.** Ц. 2 р.

АНТОНОВЪ, А., врачъ. **Общедоступная гигіена.** Ц. 75 к.

АННЕНКОВЪ, П. В. и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 г. I. 666 стр. Цѣна 3 р.

АРСЕНЬЕВЪ, А. В. **Карта для** нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы, для класснаго употребленія. Къ картѣ прилагается особою книгою „Словарь писателей древняго періода русской литературы“ 862-1700 г. Изданъ подъ ред. О. Ѳ. Миллера, проф. Спб. унив. Ц. 2 р.

— **Старыя бывальщины.** Историческіе очерки и картинки. Ц. 1 р. 25 к.

АХШАРУМОВЪ, Н. Д. Во что бы ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.

БАЛЬЗАКЪ. Шагреневая кожа. (Нов. библ. Суворина, № 5). Ц. 60 к.

БАРАНЕЦКІЙ, П. В. Лѣсоохраненіе. Книга для лѣсовладѣльцевъ, лѣсничихъ и слушателей учебн. лѣсн. зав. Ц. 2 р. 50 к.

БАРАНЦЕВИЧЪ, К. Старое и новое. Повѣсти и разсказы Ц. 1 р.

БАШИЛОВЪ, А. Русское торговое право. Практическій курсъ по наброскамъ лекцій, читанныхъ въ Имп. Училищѣ Правовѣдѣнія. Вып. I. Введеніе. Торговыя правоотношенія. Ихъ субъекты,— до товариществъ. Ц. 2 р.

— Прибавленіе къ выпуску 1-му Русскаго Торговаго права. Указатель измѣненій и дополненій, вызванныхъ новымъ изданіемъ Уставовъ Торговыхъ. Ц. 20 к.

БЕККЕРЪ, К. Древняя исторія, вновь обработанная В. Миллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Части I, II и III. Съ 165 рис. и 2 раскр. картами. Ц. каждой 1 р.

БЕЛЛАМИ, ЭД. Будущій вѣкъ looking back-word. Романъ. Перев. съ англ. Л. Гей. Съ портретомъ и факсимиле автора. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

БИБИКОВЪ, В. Маруся.—Старый портретъ.— Первая побѣда.—Мыслитель. — Изъ дневника.— Литературный вечеръ.— Забытая тетрадь. Разсказы. Ц. 1 р.

БИЛЬРОТЪ, ТЕОДОРЪ, д-ръ. Общая хирургическая патологія и терапія. Руководство для учащихся и врачей, обработанное А. Винивортеромъ, проф. хирургіи въ Люттихѣ. Со множ. рисунк. Изд. 5-е. Оставшіеся экз. продаются по **пониженной** цѣнѣ вмѣсто 4 р. 50 к. за 3 р.

БИНЕ и ФЕРЕ. Животный магнетизмъ. Пер. съ франц. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р.

БЛАГОВО, Д. Разсказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

БОГОСЛОВСКІЙ, Н. Аракчеевщина. Ц. 2 р.

БОГОСЛОВСКІЙ В. Лечебныя мѣста Европы. Курорты съ мин. водами, климатич. станціи, морскія купанья, лиманы и грязелечебныя заведенія. Съ бальнеологическ. картою. Ц. 2 р. 50 к.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. и **ГЕРАРДЪ,** Н. Системат. сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассаціоннаго департ. правит. Сената за 1877 г. Томъ I. Матеріальное право. Т. II. Судопроизводство. Ц. 6 р.

БОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ. Ц. 60 к.

— Отчетъ судьи. Т. I. (Чиншевое право.—Третьи лица въ процессѣ. — Законъ и судейская совѣсть). Ц. 1 р. 50 к.

— Томъ II. (IV. Давность.—V. Судъ и семья). Спб. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

— Законы гражданск. Сводъ законовъ т. X. ч. 1. Съ объясненіями по

рѣшеніямъ Гражд. Кассац. Д-та Пр. Сената. Изд. 6-е, исправл. и дополн. (съ текстомъ законовъ по новому офиціальн. изданію и съ этимъ текстомъ согласованы объясненія). Спб. 1889. Ц. 6 р.

ВОРОВИКОВСКІЙ, А. Л. Законы гражданск. Сводъ законовъ т. X., ч. I. Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассаціон. Департ. Прав. Сената. Изд. 7-е, исправл. и дополн. Ц. 6 р.

— Уставъ гражданск. судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кас. Деп. Пр. Сената. Вып. I-й (Общія положенія). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 2-й (Порядокъ производства въ мировыхъ судебныхъ установлен.). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Выпускъ 3-й (Порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Кн. II, разд. I. Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к.

— То же. Вып. 4-й (Порядокъ производства въ судебн. мѣст. Прод. общ. ст. 566—791). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Выпускъ 5-й (Порядокъ произв. въ общ. суд. мѣстахъ. Прод. ст. 792 — 923). Ц. 1 р. 75 к.

— То же. Выпускъ 6-й (Прод. ст. 924—1281 и приложенія). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 7-й. (Окончаніе: ст. 1282—1824 и приложенія). Ц. 2 р.

— Дополненія. Рѣшенія, опубликованныя во время печатанія предыд. выпусковъ и «Продолженіе» 1886 г. Ц. 1 р.

— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. Изданіе переработанное: помѣщенныя въ 1-мъ изд. объясненія изложены въ болѣе сжатомъ видѣ и введены новыя объясненія. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

— Алфавитный указат. объясн. къ Уставу Гражд. Судопроизводства. Общій для I и II изд. Ц. 50 к.

ВОРОДИНЪ, А. П. Его жизнь, переписка и музыкальныя статьи (1834—1887). Ц. 1 р. 50 к.

БРЕТЪ-ГАРТЪ. Безродный. Повѣсть. Перев. съ англ. (A waif of the plains). Ц. 60 к.

БОРОЗДИНЪ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 г. Съ 5 портретами. Ц. 2 р.

БУЛГАКОВЪ, Ѳ. И. Художественная энциклопедія (Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Т. I. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— То же. Т. II. Ц. 3 р., въ папкѣ 3 р. 25 к.

— Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII в. включительно. Ц. 3 р. 50 к.

БУРЕНИНЪ, В. Литературн. дѣятельн. Тургенева. Съ портрет. И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Критическіе очерки и памфлеты. Ц. 1 р. 25 к.

— Изъ соврем. жизни. Фельетонные разсказы Маститаго Беллетриста. Ц. 1 р. 50 к.

— Былое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к.

— Стрѣлы. Стихотвор. Изд. 2-е, дополн. новыми стихотв. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.

—Мертвая нога. Таинственный процессъ.—Романъ въ Кисловодскѣ. Разсказъ. Изд. 4-е. Ц. 1 р.

— Критическіе этюды (Гоголь. — Гончаровъ.—Віографія и письма Достоевскаго. — „Власть тьмы“ гр. Толстого. — Журнальный походъ противъ гр. Толстого.—Лермонтовъ.—Памяти Пушкина.—Глѣбъ Успенскій). Ц. 1 р. 50 к.

— Смерть Агриппины. Драма въ 5-ти дѣйств. Ц. 1 р.

— Хвостъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Пѣсни и шаржи. Изд. 2-е дополненное новыми стихотвореніями. Ц 1 р. 50 к.

БѢЖЕЦКІЙ, А. Н. Путевые наброски. Въ странѣ мантильи и кастаньетъ (За Пиренеями. — Мадридъ—Севилья — Гранада—Біаррицъ—Парижъ). Ц. 1 р. 25 к.

— Военные на войнѣ.—Святочные разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

— На пути. Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

— Дѣтская любовь. Повѣсть. Ц. 1 р.

— Медвѣжьи углы. Повѣсти и очерки.—Подъ небомъ голубымъ. Путевые наброски и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

БѢЛЯЕВЪ, А. П. Записки декабриста (1803—1850). Ц. 2 р.

ВЭКЕРЪ, САМУЭЛЬ. Выброшенные моремъ. Романъ для юношества. Переводъ съ англ. Съ иллюстраціями. На велен. бумагѣ. Ц. 2 р.

БЭРЪ, МИХ. Струэнзе. Тр. въ 5-ти д. въ стих. и прозѣ. Перев. съ нѣм. А. П. Плещеева. Ц. 1 р.

ВАНЪ-ДЕНЪ-ВЕРГЪ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финикіянъ). Съ 24 гравюрами и виньетками. Ц. 60 к.

ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55-ю рисунк. Изд. 2-е. Ц. въ хромолитогр. папкѣ 1 р. 50 к.; на вел. бум. 2 р. 50 к.

— Дѣти капитана Гранта. Путешествіе вокругъ

свѣта. Въ 3-хъ частяхъ. Съ 167 рисунк. Изд. 2-е. Ц. 3 р. На вел. бум. 5 р.

— Приключенія капитана Гаттераса. Изд. 2-е. Съ 252 рис. Ц. въ хромолитогр. папкѣ 2 р. 50 к., на вел. бум. 4 р.

— Плавающій городъ. Съ 25 рис. Ц. 1 р. На велен. бум. 1 р. 50 к.

— Путешествіе вокругъ луны. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 25 к. На велен. бум. 2 р.

— Восемьдесятъ тыс. верстъ подъ водою. Путешествіе подъ волнами океана. Изд. 2-е. Въ 2 ч. съ 107 рис. Ц. въ хромолитогр. папкѣ 3 р.

— Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. Съ 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕЛЬВАЛЬДЪ, ФРИД. Естественная исторія племенъ и народовъ. Со множеств. иллюстрацій. Сочиненіе это, заключающее въ себѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара, иллюстрировано художникомъ Келлеръ-Лейцингеромъ: типы расъ, предметы ихъ домашняго быта, и пр. 2 большихъ тома, 1418 стр. Ц. 6 р.

ГЕКЕРЪ, ОСКАРЪ. Ганзейцы (Die Brüder der Hansa). Истор. ром. Съ иллюстрац. Ц. 1 р.

ГЕКСЛИ. Введеніе въ науку. Ц. 30 к.

ГЕТЕ, его жизнь и избранныя стихотворенія. 2-е дополн. изд. Ц. 1 р., въ изящн. перепл. 1 р. 60 к.

ГЛИНКА, М. Записки и переписка его съ родными и друзьями. Ц. 3 р.

ГОМЕРЪ. Иліада. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

HOMERI ILIAS. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

HOMERI ODYSSEA. Pars I. C. I—XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

ГРЕЧЪ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 2 р. 50 к.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Акробаты благотворительности. Пов. Ц. 1 р.

— Гуттаперчев. мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чемезовъ. Ц. 1 р.

ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датск. народ. сказ. Ц. 1 р.

ГЮЙО, М. Воспитаніе и наслѣдственность. Соціологическій этюдъ. Съ предисловіемъ и примѣч. переводч. (Education and heredity). Ц. 1 р. 50 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. На Индію при Петрѣ I.— Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.

— Княжна Тараканова. Историч. романъ.—Уманская рѣзня (Послѣд. Запорожцы). Историч. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

— Мировичъ (1762—1764 г.). Истор. ром. Ц. 2 р.

— Сожженная Москва. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика (Les rois en éxil). Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Жены артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.

ДРУЖИНИНЪ, А. Полинька Саксъ. Пов. Ц. 50 к.

ДЮМА, Ал. Королева Марго. Романъ въ 6-ти частяхъ. (Новая библіотека Суворина № 1 и 2.) Книга 1-я, части: 1, 2 и 3. Книга II-я, части 4, 5 и 6. Ц. каждой книгѣ 60 к.

— Три мушкетера. Романъ въ 2-хъ частяхъ. (Новая библ. Суворина, № 3 и 4). Ц. каждой книгѣ 60 к.

ДЮТШКЕ. Олимпъ. Миѳологія древнихъ грековъ и римлянъ. Съ гравюр. и рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

ЕРШОВЪ, А. И. Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

ЕСИПОВЪ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.

— Тяжелая память прошлаго. Разск. изъ дѣлъ Тайной канцеляр. и друг. архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЖЕНЕНЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисунк. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.

— Сусальныя звѣзды.— Книга раздора. Ц. 1 р.

— Наши дамы. Ц. 1 р. 50 к.

ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русскій Якобинецъ. Ром. изъ франц. револ. Ц. 1 р.

ЗАНДЪ, ЖОРЖЪ. Пріемышъ (François le Champis). Романъ. Изящное изданіе на веленевой бумагѣ. Ц. 60 коп.

— Бѣсенокъ (La petite Fadette). Романъ. Изящное изданіе на вел. бум. Ц. 75 коп.

ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИБСЕНЪ, Г. Привидѣнія (Gjengangere). Драма въ 3-хъ дѣйств. (Перев. съ норвежск.). Ц. 60 к.

ИВАНОВЪ-КЛАССИКЪ. Веселый попутчикъ. Письма съ дороги, замѣтки на лету, картинки изъ путевыхъ воспомин. и дорожныя пѣсни. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптскаго университета. Гравюры на деревѣ: Паннемакера и Маттэ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя букви

и украшенія художника Панова Ц. 6 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану, какъ и „Ил. Исторія Петра Вел.", и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч. воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Брикнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома. Ц. 8 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Выходила выпусками, по 8 портр. въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р. Отдѣлы I-й и II распроданы. Имѣются въ продажѣ отдѣлы III и IV. Писатели, художники и музыканты (101 портретъ съ указателемъ). Большой томъ въ коленкор. тисн. золотомъ переплетѣ 32 р.—Отдѣлы V и VI. Ученые, педагоги, реформаторы и знаменитыя женщины (62 портрета). Большой томъ въ коленкор. тисн. золотомъ перепл. 22 руб.

ИСТОРИЧЕСКІЕ разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Изд. 2-е, дополн. Ц. 1 р. 50 к.

ИШИМОВА, А. Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей. 3 части. Изд. 6-е, исправл. Ц. за 3 части 3 р. 50 к.

КАЙГОРОДОВЪ, Д. Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая описаніе важнѣйш. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю раскраш. табл. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

— Изъ зеленаго царства. Популярн. очерки изъ міра растеній. Со многими рисунк. Изд. 2-е. Ц. въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к.

— Черная семья (Птицы вороньяго рода). Съ 3-мя хромолит. табл. Ц. 25 к.

— Изъ царства пернатыхъ. Популярн. очерки изъ міра русск. птицъ. 8 выпусковъ. Ц. кажд. вып. 75 к.

— Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Краснолѣсье. (Хвойный лѣсъ). Со многими рис. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Ц. 1 р.

КАРАТЫГИНЪ, П. Лѣтопись петербургскихъ наводненій. 1703—1879 гг. Ц. 50 к.

КАРНОВИЧЪ, Е. П. Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

— Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и дополн. издан. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

— Историческія повѣсти. I. Переполохъ въ Петербургѣ.—II. Лимонъ. Ц. 1 р.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ. Сборникъ очерковъ и разсказовъ Г. Андерсона, А. Додэ, Э. Золя, Гюи де-Мопассана, Ж. Ришпена и Захеръ-Мазоха. Переводъ А. Н. Чудинова. Ц. 75 к.

КЕНИГЪ, Г. Карнавалъ короля Іеронима. Историч. романъ. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д. Молодой раджа. Разсказъ изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КЛЮЧЪ къ русскимъ упражненіямъ учебника французскаго языка Д. Марго. Изд. 5-е, исправлен. Ц. 35 к.

КНАКФУСЪ. Рембрандтъ. Очеркъ его жизни и произведеній. Съ 155 снимками съ картинъ, гравюръ и рисунковъ Рембрандта. Пер. съ нѣм. Ц. 5 р.

КОЛОКОЛОВА, М. Письма матери къ матерямъ. Ц. 40 к.

КРАМСКОЙ, И. Н. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи 1837 — 1887. Съ факсимиле и 2 портретами. Ц. 3 р. 50 к.

КРЕНКЕ, В. О сельскомъ хозяйствѣ. 3-е исправл. и дополн. изданіе. Выпускъ I, II, III, IV, V и VI. Ц. каждому 60 к.

— Азбука для народныхъ школъ. Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКІЙ, ВСЕВОЛОДЪ. Дѣды. Историч. пов. изъ временъ Императора Павла I. Ц. 2 р.

— Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго. Съ 3-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕСТОВСКІЙ, В. (псевдонимъ). Собраніе сочиненій. 5 большихъ томовъ убористаго шрифта 2358 стран. Съ біографіей и портретомъ автора. Ц. 15 руб.

— Обязанности. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Повѣсти: Томъ I. Старыя дѣвы. — Стоячая вода. — Пансіонерка. — Братецъ. Ц. 2 р.

— Повѣсти: Томъ II. Матери. — Домашнее дѣло. — Два памятные дня. — Свиданіе. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ III. Семья. — Искушеніе. — Учительница. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ IV. Идеалы и фразы. — Деревенская исторія. — Дневникъ сельскаго учителя. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга первая: За стѣною.—Вѣра. — На вечерѣ. — Недописанная тетрадь.—Старый портретъ, новый оригиналъ. — Старое горе. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга вторая: Нѣсколько лѣтнихъ дней. — Въ дорогѣ. — Разговоръ. — Доброе дѣло. Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь. Сцены: I. Утренній визитъ. — II. У жениха и невѣсты. — III. Для дѣтскаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдица. Романъ въ 5 частяхъ. Издан. 3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Ц. 3 р.

— Испытаніе. Романъ. въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ старые годы. I. Свободное время. Романъ. Ц. 1 р.

— Провинція въ старые годы. II. Кто-жъ остался доволенъ? Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Провинція въ старые годы. III. Послѣднее дѣйств. комедіи. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850—1881 (Анна Михайловна.—Послѣ потопа.—Здоровье.—Прощаніе). Ц. 1 р. 50 к.

КРЕСТОВСКАЯ, М. В. I. Раннія грозы. Испытаніе. Ц. 1 р. 50 к.

— II. Внѣ жизни. — Уголки театральнаго мірка. Ц. 1 р. 50 к.

КРОТКОВЪ, В. Пыркинъ и Чепуркинъ.—Послѣдняя жертва катастрофы.—Во время войны—дома. Ц. 1 р.

— Частный повѣренный.—Гладкія взятки.—Первобытное состояніе. Ц. 1 р.

КРЭКЪ, Д. Эмилій. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Перев. съ англ. (Новая библіотека Суворина, № 7). Ц. 60 коп.

ЛАУБЕ. Графиня Шатобріанъ. Истор. романъ. Ц. 2 р.

ЛЕББОКЪ, Д. Ж. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденія надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи переводчика: „Муравьиные слѣды". Съ рисунками въ текстѣ и 5-ю хромолит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙКСНЕРЪ, ОТТО. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множ. портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большихъ тома, 1520 стр. текста и 105 стр. указателей. Ц. за 2 т. 6 р.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. подъ ред. Н. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛѢСКОВЪ, Н. С. Собраніе сочиненій въ 10-ти томахъ Ц. 25 р.

— То же, на вел. бум. Ц. 40 р.

— Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

— Три праведника и одинъ Шерамуръ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЛѢСНАЯ волшебница (The Lady of the Forest). Повѣсть для юношества. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 75 к.

ЛЮБКЕ. Иллюстрирован. исторія искусствъ. Архитектура. — Скульптура. — Живопись. — Музыка (Для школъ, самообученія и справокъ). Съ 140 рис. и портретами композиторовъ XIX вѣка. 2-е дополненное изданіе. Перев. Ѳ. Булгакова, съ очеркомъ исторіи музыки М. Иванова. Ц. 2 р. 50 к.

МАГАФФИ. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Стратилатова. Ц. 60 к.

МАЙКОВЪ, Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литерат. XVII и XVIII столѣтій (Симеонъ Полоцкій.—Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени. — Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго.—В. И. Майковъ. — Литературныя мелочи Екатерининскаго времени. — Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики). Ц. 2 р. 50 к.

МАКСИМОВЪ, С. Крылатыя слова. Ц. 3 р.

МАРКОВЪ, В. В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 к.

— Трилистникъ. Ц. 30 к.

МАСАЛЬСКІЙ КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

МАСЛОВЪ, А. Н. Завоеваніе Ахалъ-Теке. Изд. 2-е. Съ 2-мя портретами М. Скобелева и факсимиле, съ прил. „Матеріаловъ для біографіи М. Скобелева". Ц. 1 р. 50 к.

МЕЙЕРЪ, К. Святой (Der Heilige). Повѣсть. Переводъ съ нѣм. Ц. 75 к.

МЕРЕЖКОВСКІЙ. Символы. Пѣсни и поэмы. Ц. 1 р. 50 к.

МЕРИМЕ, П. Варѳоломеевская ночь. Истор. ром. Ц. 1 р.

— Карменъ. Романъ Ц. 40 к.

МИЛЮКОВЪ, А. П. Царская свадьба. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Ц. 1 р.

— Литературныя встрѣчи и знакомства. Ц. 1 р.

МИЛЮКОВЪ, П. А. Разсказы изъ обыденнаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ въ описаніяхъ КАРЛА ФОГТА и картинахъ ШПЕХТА. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio. 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Ц. въ роскошн. тиснен. золот. и краск. перепл. 28 р.

— То же. РОСКОШН. ИЗДАНІЕ на велен. бум. Ц. 30 р., а въ роскош. тисн. золот. и краск. перепл. 34 р., съ зол. обрѣзомъ 35 р.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма, повѣсти, разсказы и наброски. Ц. 60 к.

—Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ „Новое Время" изъ Константинополя, Измида, съ Принцевыхъ острововъ, изъ Дарданеллъ, Галлиполи, Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

— Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.

МОРСКОЙ, Н. Аристократія гостинаго двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Содомъ. Ром. Ц. 1 р. 80 коп.

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ. Сочиненіе автора „Современной Россіи". Изд. 2-е. Ц. 2 р.

НЕВѢДѢНСКІЙ, М. Н. Катковъ и его время. Ц. 3 р.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Святыя горы (Русскій Аѳонъ). Очерки и впечатлѣнія. Ц. 80 к.

— Годъ войны. Дневникъ рус. корреспондента (1877—78 г.). 2 т. Ц. 4 р.

— Цари биржи. (Каково племя въ наши дни). Ром. Ц. 3 р.

— Кама и Уралъ. Очерки и впечатлѣнія. Ц. 2 р.

—?—О ЖЕНЩИНАХЪ мысли старыя и новыя. Издан. 8-е. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ, А. и СОЛОВЬЕВЪ, Н. Драматическія сочиненія: Счастливый день.—Женитьба Бѣлугина. — На порогѣ къ дѣлу. — Дикарка. Ц. 3 р.

ОСТРОВСКАЯ, Н. Разсказы для дѣтей, съ 10-ю рисунками. Ц. 2 р.

ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Спб. университета въ пользу нужд. студ. и слуш. выс. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.

ОХОТА И ОХОТНИКИ. Разсказы Псковича. Ц. 2 р.

ПАЛЬМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Старый баринъ. Ком. Ц. 65 к.

— Гражданка. Сцены. Ц. 65 к.

ПАССЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

ПЕЛЛИКО да САЛУЦЦО. Мои темницы. Воспоминанія. Переводъ съ итальян. Съ 18 рис. Ц. 1 р.

ПЕРВАНОГЛУ, І. Андроникъ Комненъ. Разсказъ изъ Визант. ист. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ПЕШЕЛЬ, Оск. Народовѣдѣніе. Перев. подъ ред. Э. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Ц. 4 р.

ПИРЛИНГЪ, ПАВЕЛЪ. Россія и Востокъ (Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софія Палеологъ). СПБ. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

ПИСЬМА графа П. Васидія. Лондонское Общество.—Вѣнское Общество. Пер. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Н. Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.

— Женщина въ XVIII вѣкѣ (по Гонкуру). Ц. 80 к.

ПОЛЕВОЙ, КСЕН. М. В. Ломоносовъ. 2 т. Ц. 2 р.

— Записки. I т. 581 стр. Съ указателемъ личн. именъ и съ 2-мя портрет. Ц. 3 р.

ПОЛЕВОЙ, Н. Клятва при Гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛЕЖАЕВЪ А. Стихотворенія, съ біографическ. очеркомъ, портрет. и снимками съ рукописей. Изд. подъ ред. П. А. Ефремова. Ц. 2 р. 50 к.

ПОНОМАРЕВЪ, С. К. Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Ц. 1 р. 35 к.

П—Ъ, С. Къ царскому юбилею, 1855—1880. Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.

ПОТѢХИНЪ, А. Послѣ освобожденія. Разсказы изъ крестьянскаго быта. 3 тома. Ц. 4 р.

ПОЭ, ЭДГАРЪ. Необыкновенные разсказы. Переводъ съ англійск. Кн. I и II—ц. каждой 60 к. Кн. III—ц. 1 р.

ПРЕВО, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гріе. Романъ. (Новая библіотека Суворина, № 6). Ц. 60 коп.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ. СѢВЕРЪ (Петербургъ. — С.-Петербургская губернія.—Эстляндская губ.—Финляндія. — Олонецкая губ. — Архангельская губ.). Съ 5-ю пла-

нами и 2-мя карт. Подъ ред. Р. С. ПОПОВА. Ц. въ пер. 3 р.

— Вып. II. ЗАПАДЪ. (Прибалтійскія губ.—Сѣверозападныя губ.—Привислянскія губ. Царство Польское). Съ планами Варшавы, Вильны и Риги. Ц. 2 р.

ПУШКИНЪ, А. Бахчисарайскій фонтанъ. Роскошн. изд., иллюстрир. художн. С. С. Соломко. Ц. 3 р.

ПЫЛЯЕВЪ, М. И. Старый Петербургъ. Большой томъ въ 471 стр. 86 рис. въ текстѣ и 26 на отдѣльныхъ листахъ, и бытовыя сцены. Съ приложеніемъ указателя личныхъ именъ и мѣстностей, зданій и проч. Ц. 8 р., въ изящномъ переплетѣ 9 р. 20 к.

— То же, удешевленное изданіе. Съ 122 грав. Ц. 3 р., въ перепл. 4 р.

— Старая Москва. Эта книга составлена авторомъ по тому же плану, какъ и „Старый Петербургъ". Она будетъ заключать въ себѣ 36 печ. листовъ большого формата и 132 иллюстраціи. Выходитъ выпусками, каждый объемомъ въ 2 печ. листа, съ нѣсколькими рисунками. Всѣхъ выпусковъ 18. Ц. каждаго выпуска 50 к.

— Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Съ 104 гравюрами. Ц. 4 р., въ пер. 5 р.

— Старое житье. Очерки и разсказы о бывшихъ въ отшедшее время обрядахъ, обычаяхъ и порядкахъ въ устройствѣ домашней и общественной жизни. Ц. 2 р.

— Драгоцѣнные камни, ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе. 2-е, значительно дополненное изд. Ц. 2 р. 50 к.

РАЗГОВОРЫ ГЕТЕ, собранные Эккерманномъ. Переводъ съ нѣм. Д. В. Аверкіева. Ч. 1 и II. Ц. каждой по 1 р. 50 к.

РИШЕ, III. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта. Ц. 1 р. 50 к.

РОЗЕНТАЛЬ. Общая мышечная и нервная физіологія. Пер. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.

РОСТОПЧИНСКІЯ афиши 1812 года. Библіографическое изданіе въ 300 экземпляровъ. Ц. 3 р.

РУММЕЛЬ, В. и ГОЛУБЦОВЪ, В. Родословный сборникъ русск. дворянскихъ фамилій. 2 большихъ тома. Ц. 10 р.

РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями (фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Галерея эта выходила всего въ количествѣ 500 экз., по мѣрѣ изготовленія портретовъ, выпусками, каждый изъ 6-ти портретовъ большого формата. Ц. каждому выпуску 2 р. Вышло 19 выпусковъ. Полный экземпляръ въ роскошномъ переплетѣ 42 р., съ пер. 45 р.

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ, изд. А. С. Суворина на 1893 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

САЙМЪ, ДЖЕМСЪ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Ц. 60 к.

САЛІАСЪ (графъ). Петербургское дѣйство. Историч. ром. (1762 г.). Изд. 2-е. Ц. 4 р.

— На Москвѣ. Историческій ром. изъ временъ чумы 1771 г. Ц. за 2 т. 4 руб.

— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Ц. 2 р.

— Свадебный бунтъ. Историческій ром. Ц. 2 р.

— Милліонъ. Историч. романъ. Ц. 1 р.

— Графъ Тятинъ-Балтійскій. Историч. повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р.

САМСОНОВЪ, Л. Н. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера (1860 — 1878). Изящное изд. на цвѣт. бум. Ц. 2 р.

САХАРОВЪ, Н. П. Сказанія русскаго народа. Русское народное чернокнижіе.—Русскія народ. игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 к.

— То же. Народный дневникъ.—Праздники и обычаи. Ц. 75 к.

СЕНТСБЕРИ, Д. Краткая исторія французской литературы. Ц. 40 к.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и друг. украш. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

СКАЛЬКОВСКІЙ, К. А. Новыя путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 25 к.

— У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.

СМИРНОВА, С. У пристани. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ. Очерки нашей государственной и общественн. жизни. Изд. 2-е, исправл. и доп. 2 т. Ц. 2 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Я. На порогѣ къ дѣлу. Деревенскія сцены. Ц. 75 к.

СОЛОГУБЪ, В. (графъ). Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.

— Воспоминанія. Съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 к.

СТЕРНЪ. Сентиментальное путешествіе по

Францiя и Италiя. Перев. съ англ. Изящное изданiе на велен. бум. Ц. 75 к.

СТИВЕНСОНЪ, Р. Л. Клубъ самоубiйцъ. Разсказъ. Ц. 50 к.

— Странная исторiя доктора Джикиля и мистера Хайда (Strange Case of Jekyll and M-r Hyde). Ц. 50 к.

— Принцъ Отто. Повѣсть Prince Otto by R. L. Stevenson. Ц. 1 р.

— Черная стрѣла. Повѣсть для юношества временъ войны Алой и Бѣлой Розы. Пер. съ англ. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. С. Татьяна Рѣпина. Комедiя въ 4-хъ дѣйствiяхъ. Изд. 2-е Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНИНЪ. Медея. Драма въ 4 дѣйств. въ стих. и прозѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

СУХОМЛИНОВЪ, М. И. Изслѣдованiя и статьи по русской литературѣ и просвѣщенiю. Т. I. Введенiе.—Матерiалы для исторiи образованiя въ Россiи въ царствованiе Императора Александра I.—А. Н. Радищевъ. Ц. 3 р.

— То же. Томъ II-й Н. И. Новиковъ, авторъ истор. словаря о русскихъ писателяхъ.—Приложенiе: указатель авторовъ, помѣщенныхъ въ словарѣ Новикова 1772 г.—Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель императора Александра I.—Приложенiя. Императоръ Николай Павловичъ—критикъ и цензоръ сочиненiй Пушкина. Полемическiя статьи Пушкина.—Появленiе въ печати сочиненiй Гоголя.—Князь П. А. Вяземскiй. — Н. А. Полевой и его журналъ „Московскiй Телеграфъ". — Три повѣсти Павлова. — Снятiе опалы съ славянофиловъ. — И. С. Аксаковъ въ 40-хъ годахъ. Ц. 3 р.

— ? — ТАНЦЫ, балетъ, ихъ исторiя и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТАТИЩЕВЪ. Изъ прошлаго русской дипломатiи. Историческiя изслѣдованiя и полемическiя статьи. Ц. 4 р.

ТВЭНЪ, МАРКЪ (Самуэль Клеменсъ). Принцъ и Нищiй. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключенiя Тома. Перев. съ англ., съ 109 рис. Ц. 2 р.

— Приключенiя Финна. Съ 172 рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. Цѣна въ хромолитогр. папкѣ 3 р.

— Американскiе разсказы. Пер. съ англ. Ц. 50 к.

ТРИРОГОВЪ, В. Община и подать. Собранiе изслѣдованiй. Ц. 2 р.

ТРУБАЧЕВЪ, С. Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880). Ц. 2 р.

ТЬЕРРИ, О. Месть карбонарiевъ. Ром. изъ врем. второй Имперiи. Ц. 1 р.

УСПЕНСКIЙ, Н. Разсказы. Ц. 1 р.

УЭЛЬКЕНСЪ. Древне-римская жизнь. Пер. съ анг., примѣч. М. Стратилатова. Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

ФАРРАРЪ. Св. Iоаннъ Златоустъ. Пер. съ англ. Большой форматъ на велен. бум. 1 р.

— Св. Василiй Великiй. Пер. съ англ Ц. 15 коп.

ФЕДОРОВЪ. Абиссинiя. Историко-географическiй очеркъ. Съ картою. Ц. 75 к.

ФIОРЕНТИНИ, И. Изабелла Орсини, герцогиня Браччiано. Историческiй романъ. Съ 28 гравюрами. Ц. 1 р. 50 к.

ФЛАММАРIОНЪ. Уранiя. Путешествiе въ небесныя пространства. Изящное изданiе на велен. бум. Ц. 75 к.

ФЛОРИНСКIЙ, В. М. Домашняя медицина. Лечебникъ для народнаго употребленiя. Изд. 5-е, пересмотр. Ц. 3 р. 50 к.

ФОФАНОВЪ, К. Стихотворенiя. Ц. 1 р. 50 к.

ФРАНСЪ, Ан. Александрiйская куртизанка. Романъ изъ первыхъ вѣковъ христiанства. Ц. 50 к.

ФРЕНЦЕЛЬ. Въ золотомъ вѣкѣ. Ист. р. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторiи Европы. Перев. Стратилатова. Съ 6-ю кар. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ императрицы Анны Iоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскiй граверъ. Истор. пов. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука Икса. Задачникъ по алгебрѣ и геом. съ подр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2 р. 50 к.

ХРУЩОВЪ, И. И. Къ исторiи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденiй отъ древнихъ временъ до царствованiя Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточн. Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисунк. Ц. 4 р.

ЧЕРМНЫЙ, А. Н. Море и Моряки. (Морскiе очерки). Изд. 2-е, дополненное. Ц. 1 р.

ЧЕРНИГОВЕЦЪ, Ф. В. Стихотворенiя. Ц. 2 р.

ЧЕХОВЪ, АН. Въ сумеркахъ. Очерки и разсказы. Изд. 7-е. Ц. 1 р.

— Разсказы. Счастье.— Тифъ. — Ванька. — Свирѣль.— Перекати-поле.— Задача.—Степь.—Тина.— Тайный совѣтникъ. — Письмо.—Поцѣлуй. Изд. 7-е. Ц. 1 р.

— Хмурые люди, разсказы. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Пестрые разсказы. Изд. 3-е, исправл. Ц. 1 р.

— Дуэль. Повѣсть, изд.

2-е. Ц. 1 р. На веленевой бум. 2р.

— Каштанка. Разсказъ съиллюстр.,изд.2-е.Ц.50к.

ЧУНКО, В. В. Шекспиръ, его жизнь и произведенія.Съ 33 грав.Ц. 5 р.

ЧЮИИНА, О. Михайлова. Стихотворенія. 1884—1888. Ц. 1 р. 50 к.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШИЛЛЕРЪ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 33 рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ изящн. переплетѣ 2 р. 10 к.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 2 р.

— Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Изд. 3-е, дополн. Ц. 2 р.

— То же. Томъ II, съ портретомъ А. Шопенгауэра. 1892. Ц. 1 р. 75 к.

ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I. Маіорша.—Легкія средства. — Кручина.— Фофанъ.— Прахомъ пошло! Ц. 1 р. 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣмец., допол. библіограф. указ. Ц. 2 р.

ШТИНДЕ, В. Госпожа Бухгольцъ на Востокѣ. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ЩЕГЛОВЪ, И. Дачный мужъ, его похожденія, наблюденія и разочарованіе.—Въ горахъ Кавказа. Картинки минеральныхъ нравовъ. Ц. 1 р.

— Корделія. — Миньона.—Петербургская идилія.—Кожаный актеръ.—Миръ праху. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ЭБЕРСЪ. Дочь Египетскаго царя. Истор. ром., разсказанный для юношества О. Шапиръ. Съ рис. Ц. въ переплетѣ 2 р.

ЭЛІОТЪ, ДЖОРЖЪ. Ромола. Историческій романъ. Изящное изданіе на велен. бум. Ц. 1 р.

ЭЛЬПЕ. Калейдоскопъ изъ области теоретическаго и прикладного знаній. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Ц. 1 р.

— То же. 2-я серія. Ц. 1 р. 20 к.

— Обиходная рецептура. Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вторая серія. Ц. 1 р. 75 к.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, А.Н. О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и примѣненіи въ немъ фосфоритовъ. Сборникъ сельско-хозяйственныхъ статей. 1872—1888. Ц. 2 р.

ЯКОВЛЕВЪ, П. (И. Я. Павловскій). Очерки современной Испаніи 1884—1885. Ц. 3 р.

— Маленькіе люди съ большимъ горемъ. Разсказы. Ц. 1 р.

ЯКОВЛЕВА, Н. В. Туда и обратно. Изъ заграничной поѣздки. Ц. 1 р. 25 к.

ѲЕДОТОВЪ, А. Ф. Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Ц. 1 р.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА СУВОРИНА

60 коп. каждый томъ 60 коп.

1. ДЮМА, Ал. Королева Марго. Романъ въ 6-ти частяхъ. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.

2. То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.

3. — Три мушкетера. Романъ. Книга I-я.

4. То же. Книга II.

5. БАЛЬЗАКЪ. Шагреневая кожа. Романъ.

6. ПРЕВО, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гріе. Романъ.

7. КРЭКЪ, А. Д. Эмилій. Пов. изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Перев. съ англ.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА

При выпискѣ книгъ „Дешевой Библіотеки" можно обозначать; вмѣсто названія книги, нумеръ, подъ которымъ она здѣсь обозначена.

1. ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Ком. въ 4 д. въ стихахъ. Съ біограф. и портр. автора. Изд. 10-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

2. ФОНВИЗИНЪ, Д. И. Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. Въ 5 д. II. Недоросль. Въ 5 д. Съ біограф. и портретомъ автора и объяснительнымъ словаремъ. Изд. 6-е. Ц. 15 к.

3. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Изд. 5-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 коп.

4. МЕРЗЛЯКОВЪ и ЦЫГАНОВЪ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к., на вел. бум. 20 к.

5. НАРѢЖНЫЙ. Бурсакъ. Ром. Изд. 3-е. Ц. 35 к., въ папкѣ 43 к., въ перепл. 60 к., на велен. бум. 65 к.

6. ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портр. и біограф. М. В. Ломоносова. Изд. 2-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к. въ перепл. 60 к.

7. КСАВЬЕ-де-МЕСТРЪ, Параша-Сиби-

рачка. Разсказъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30.

8. АНЕКДОТЫ и остроумныя нареченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. 4-е изд. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

9. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 1-я (Авдотья Лихончиха. — Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портрет. Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30 к

10. — То же. Кн. 2-я. (I. Сказаніе о синемъ и зелёномъ сукнѣ.—II. Часовой). Съ портр. князя Н. Ѳ. Долгорукова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

11. — То же. Кн. 3-я. Позументы.—Новый годъ. Съ гравюрой: Солдаты Петровскаго врем. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30.

12. ВЕНЕВИТИНОВЪ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біограф. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

13. ХЕМНИЦЕРЪ, И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ біограф. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35.

14. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 4-я. Чернышевскій миръ.—Остапъ и Ульяна. —Старый хламъ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30 к.

15. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Великій кн. Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Ц. въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к., на вел. бум. 20 к.

16. КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Ком. въ 5 д. Съ портр. и біограф. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

17. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Ѳеодора Іоанновича (Правленіе Бориса Годунова. — Убіеніе царевича Димитрія. — Состояніе Россіи въ концѣ XVI в.). Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

18. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Повѣсти. Кн. 5-я (Запорожцы. Историч. быль временъ Екатерины Великой). Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 30 к.

19. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Аммалатъ-Бекъ, Кавказ. быль. Съ портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

20. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованія Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Ц. въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

21. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Странное гаданіе.—Два вечера на бивуакѣ. — Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

22. — Мулла - Нуръ. Быль. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

23. — Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ.—Красное покрывало.—Ночь на кораблѣ.— Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

24. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Ц. въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.,

25. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Фрегатъ Надежда. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

26. Мореходъ Никитинъ.—Романъ и Ольга.— Замокъ Эйзенъ. —Шахъ Гуссейнъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

27. ПОЛЕВОЙ, Н. А. Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Историч. пов. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

28. КОХАНОВСКАЯ Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 коп., въ папкѣ 33 к.

29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

30. — Старина. Семейная память. Пов. Изд. 2-е. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к.

32. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Наѣзды. Повѣсть 1613 г. — Измѣнникъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

33. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Повѣсти. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или всё за одно. — Вольный гетманъ Панъ Савва.—Староста Меланья). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

34 и 35. ДИККЕНСЪ, Ч. Оливеръ Твистъ. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. 3-е. Ц. 50 к., въ папкѣ 58 к., въ перепл. 80 к.

36. ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Историческ. разсказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя.— III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переп. 40 к.

37.—Украинскія сказки. 3-е изд. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переп. 40 к.

38. БОГДАНОВИЧЪ, И. Душенька. Древн. пов. въ вольн. стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

39. ШЕКСПИРЪ, В. Гамлетъ. Траг. въ 5-ти дѣйств. Перев. съ англ.

Н. А. Полеваго. Съ дополн., варіантами по другимъ переводамъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 45 к., на вел. бум. 50 к.

40. ПОГОРЕЛЬСКІЙ, А. Монастырка. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

41. СОЛОГУБЪ, В. А. графъ. Повѣсти и разсказы. Кн. I. Аптекарша. — Метель. — Неоконченныя повѣсти. Съ портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

42. — То же. Кн. II. Исторія двухъ калошъ.— Нечистая сила. — Воспитанница. Изд. 2. Ц. 25 к.

43. — То же. Кн. III. Большой свѣтъ. — Медвѣдь Изд. 2-е. Ц. 25 к. Три книги въ одномъ переплетѣ 1 р.

44. ШЕКСПИРЪ, В. Король Лиръ. Траг. въ 5-ти дѣйств. Перев. А. В. Дружинина. Съ предисл. и замѣчан. о трагедіи и о характ. ея Кольриджа, Шлегеля, Бокниля, Джемисонъ, Дружинина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на велен. бум. 50 к.

45 и 46. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Письма русскаго путешествен. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портр. автора и рисунк. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

47. ШЕКСПИРЪ, В. Отелло, венеціан. мавръ. Тр. въ 5 д. Перев. П. И. Вейнберга. Съ предисловіемъ и мнѣніями о характерахъ трагедіи Ферниваля, Джонсона, Кольриджа, Шлегеля, Крейссига, Рюмелина, Мезьера. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

48. ДЕЛЬВИГЪ, А., баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к., на вел. бум. 40 к.

49. ОЗЕРОВЪ, В. Эдипъ въ Аѳинахъ. Траг. въ 5-ти дѣйст. въ стихахъ съ хорами. — Дмитрій Донской. Тр. въ 5-ти дѣйств. въ стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

50. ЛѢСКОВЪ, Н. Пов. и разсказы. Кн. I. Скоморохъ Памфалонъ.—Спасеніе погиб. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

51. —Кн. II. Очарованный странникъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

52. АБЛЕСИМОВЪ, А. О. Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ. Комич. опера въ 3 д. Изд. 2-е. Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к., въ перепл. 28 к.

53. ШЕКСПИРЪ, В. „Макбетъ". Траг. въ 5 д. Пер. А. Кронеберга. Съ предислов. и мнѣніями о „Макбетѣ" Кольриджа, Галлама, Найта, Генве, Мезьера, Рюмелина. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папк. 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

54. ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Семейная Старина. Кн. I. Прабабушка. — Тѣнь прадѣда. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

55. —То же. Кн. II. Дѣдовъ лѣсъ. — Бабушкинъ рай. Ц. 15 к. за обѣ книги, въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

56. ШИЛЛЕРЪ, Ф. Духовидецъ. Пер. М. Коршъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

56. ЛЬВОВА, А. Марина Мнишекъ. Историч. поэма въ 5 д. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

57. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Повѣсти. Кн. III. Запечатлѣнный ангелъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

58. ШЕКСПИРЪ, В. Король Ричардъ III. Др. въ 5 д. Перев. А. Дружинина. Съ предисловіемъ и примѣч. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переп. 45 к.

59. МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Кумъ Иванъ. Историч. быль. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

60. ДОСТОЕВСКІЙ, Ѳ. Бѣдные люди. Ром. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

61. ШИЛЛЕРЪ, Ф. Марія Стюартъ. Тр. въ 5 д. Перев. А. Шишкова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

62. ДМИТРІЕВЪ, И. Сказки, басни и апологи. Съ портр. и біограф. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

63. ФЛОБЕРЪ, Г. Саламбо. Ром. Ц. 40 к., въ папкѣ 45 к., въ пер. 60 к.

64. ПОГОРЕЛЬСКІЙ. А. Черная курица или подземные жители. Волшебная пов. для дѣтей. Ц. 5 к., въ папкѣ 13 к., въ перепл. 25 к.

66. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Котинъ-Доилецъ. Пов. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

67. ПОЛЕВОЙ, Н. А. Дѣдушка русскаго флота. —Параша Сибирячка. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

68. ЭЗОПЪ. Избранныя басни. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

69. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Три очерка. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

70. КВИТКО - ОСНОВЬЯНЕНКО, Гр. Ѳ. Панъ Халявскій. Ц. за 2 части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ перепл. 75 к.

71. БѢЖЕЦКІЙ, А. Н. Сраженіе. — Разстрѣлянный. — Нарочный. — Испытаніе волонтеровъ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

72. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства

Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

72. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

73. ЛѢСКОВЪ, Н. С. Инженеры - Безсребренники. Изъ исторіи о трехъ праведникахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

74. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ.) Лейтенантъ-Бѣлозоръ. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

75. — Латникъ. Разск. партизанскаго офицера. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

76. ЧЕХОВЪ, Ан. Дѣтвора. Ванька.—Событіе. —Кухарка женится.—Бѣглецъ. — Дома. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

77. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

77. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

78. ДАВЫДОВЪ, Д. В. Стихотворенія. Съ біогр. и портр. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

79. КОЗЛОВЪ, И. Три поэмы. Чернецъ. — Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая. — Безумная. Съ біограф. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

80. БАЙРОНЪ, лордъ. Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть. Перев. И. И. Козлова. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

81. ЕВРИПИДЪ, Медея. Траг. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переп. 30 к.

82. КОТЛЯРЕВСКІЙ, И. П. Москаль - Чаривникъ. Малоросс. опера въ 1 д. Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., въ перепл. 27 к.

83. — Наталка Полтавка. Малорос. опера въ 2-хъ д. Изд. 2-е. Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., пер. 27 к.

84. — Енеида, перелицеванная на молоросс. языкъ. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

84. БОМАРШЕ, П. Севильскій Цирюльникъ или безполезная осторожность. Ком. въ 4 д. Перев. А. Чудинова. Съ біограф. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

85. ДОЛГОРУКАЯ, Н. В. княгиня. Записки. Съ портретомъ и рисунками Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

86. ПОХОДЪ Аргонавтовъ. Древнія греческія сказанія. Съ рис. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

87. БОМАРШЕ, П. Безумный день или женитьба Фигаро. Ком. въ 5 д. (1784). Пер. А. Чудинова. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

88. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. V. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

89. ШЕКСПИРЪ, В. Коріоланъ. Траг. въ 5 д. Перев. А. Дружинина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

90. ОДОЕВСКІЙ, Ѳ. В. князь. Сказки и разсказы дѣдушки Иринея. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

91. КАРАМЗИНЪ. Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

94. —То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

95. — То же. Т. IX Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к. въ перепл. 40 к.

96. —То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

98. —То же. Т. XII, Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к. въ перепл. 40 к.

99. ЕВРИПИДЪ, Гипполитъ. Траг. Съ греч. перев. В. Алексѣева. Съ введ. и примѣч. Ц. 10 к. въ пап. 18 к., въ пер. 30 к.

100. ЛАМАРТИНЪ, А. Іоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 32 к.

101. ЕВРИПИДЪ. Ифигенія въ Авлидѣ Др. Съ греческ. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣчан. Ц. 10 к., въ папкѣ 13 к., въ перепл. 30 к.

102. — Ифигенія въ Тавридѣ. Др. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣч. Ц. 20 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

103. ЭСХИЛЪ. Прикованный Прометей. Перев. съ греч., съ введ. и примѣч. В. Алексѣева. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

104. МОЛЬЕРЪ. Школа женъ. Ком. въ 5 д. Перев. въ стихахъ. В. Лихачева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

105. ЕКАТЕРИНА II, императрица. Избранныя сочиненія. Кн. I. Педагогическія сочиненія. I. Разговоръ и разсказы. — II. Гражданское начальное ученіе. — III. Сказка о царевичѣ Хлорѣ.—IV. Записки.—V. Сказка о царевичѣ Февеѣ.—VI. Инструкція князю Салтыкову. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

106.—То же. Кн. II. Были и небылицы. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

107. — То же. Кн. III. Драматич. сочиненія. О время!—Г-жа Вѣстникова съ семьею. — Передняя знатнаго боярина.—Горе-богатырь Косометовичъ. —Новгородскій богатырь Боеславичъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

109. ТЕРПИГОРЕВЪ, С. Н. (АТАВА). Разсказы, I. Въ раю. II.—Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

110. ОДОЕВСКІЙ, В. Ѳ. Повѣсти. Кн. I. Бригадиръ. — Балъ. — Насмѣшка мертвеца.—Послѣдній квартетъ Бетховена. — Импровизаторъ. — Себастіанъ Бахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

111. — Кн. II. Княжна Мими.—Княжна Зизи. Ц. 15 к., въ папкѣ 22 к., въ перепл. 35 к.

112. — Кн. III. Саламандра.—Эльза. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35.

113. Герои и Героини греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

114. ГЕТЕ, В. Фаустъ. Драматическая поэма. Перев. Н. Холодковскаго. Изданіе, исправленное переводчикомъ. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 45 к.

115. МОЛЬЕРЪ. Скупой. Комедія въ пяти актахъ. Переводъ В. С. Лихачева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

116. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Лѣтомъ и зимою на Шибкѣ. 1877—1878. (Изъ воспоминаній военнаго корреспондента). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

123. ПУШКИНЪ А. С. Поэмы и сказки. Съ прил. біографіи А. С. Пушкина, портретомъ его и рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

124. — Драматическія произведенія. Съ приложеніемъ портр. и рисунк. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

125. — Стихотворенія. Съ примѣчаніями къ нимъ и портретами Пушкина, его отца, матери и жены. Ч. I. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

126. — То же. Съ примѣчаніями къ нимъ и двумя рисунками. Ч. II. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

127. — Евгеній Онѣгинъ. Съ дополненіями и варіантами. Ц. 15 к.

128. —Повѣсти (Повѣсти Бѣлкина. — Дубровскій. — Капитанская дочка. — Пиковая дама. — Кирджали.—Арапъ Петра Великаго.—Исторія села Горохина. — Рославлевъ. — Египетскія ночи). Ц. 15 к.

129. — Исторія Пугачевскаго бунта.—Путешествіе въ Эрзрумъ. Ц. 15 к.

130. — Письма къ разнымъ лицамъ. — Письма къ женѣ. Ц. 15 к.

131. — Дневникъ. — Записки.—Историч. статьи и разныя замѣтки. Ц. 15 к.

132. — Лицейскіе стихотвор. и отрывки. Ц. 15 к.

133. ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Герой нашего времени. Ром. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

134. — „Маскарадъ", драма въ 4-хъ дѣйств., въ стихахъ, и „Маскарадъ", драма въ 5-ти дѣйств., въ стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

135. — Стихотворенія. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к.

136. — Поэмы „Мцыри" и „Демонъ". Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к.

137. — Кавказскія поэмы. Ц. 15 к.

138. — Поэмы. „Бояринъ Орша" и „Казначейша". „Литвинка", „Ангелъ Смерти", „Исповѣдь", „Азраилъ", „Корсаръ", „Джульо". Ц. 10 к.

139. — Выбранныя юношескія стихотворенія Съ портретами. Ц. 12 к.

153. ВО ДНИ ОНЫ. (Бенъ-Гуръ). Повѣсть изъ первыхъ лѣтъ христіанства (Ben-Hur by Lewis Wallace). Передѣлано съ англійскаго Е. Бекетовой. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

154. ДИККЕНСЪ. Ч. Давидъ Копперфильдъ Младшій. Его жизнь, приключенія, опыты и наблюденія. Часть. I. Ц. 25 к.

155. — То же, часть II. Ц. 35 к.

156. — То же, часть III. Ц. 25 к.

157. — То же, часть IV. Ц. 10 к.

158. ПЛУТАРХЪ. Сравнительныя жизнеописанія. Т. I. Выпускъ 1-й Тезей и Ромулъ. Ц. 15 к.

159. — То же. Т. I. Выпускъ 2-й. Ликургъ и Нума Помпилій. Ц. 15 к.

160. — То же. Т. I. Вып. третій. Солонъ и Валерій Попликола. Ц. 15 к.

161. — То же. Т. II. Вып. первый. Ѳемистоклъ и Камиллъ. Ц. 15 к.

162. — То же. Т. II. Вып. 2-й. Периклъ и Фабій Максимъ. Ц. 15 к.

163. — То же. Т. II. Вып. 3-й. Алкибіадъ и Коріоланъ. Ц. 15 к.

164. —То же. Т. III. Вып. I. Тимолеонтъ и Павелъ Эмилій. Ц. 15 к.

165. — То же. Т. III Вып. 2. Пелопидъ и Марцеллъ. Ц. 15 к.

166. — То же. Т. III. Вып. 3-й. Аристидъ и Катонъ Старшій. Ц. 15 к.

167. — То же. Томъ IV. Вып. I-й. Филопэменъ и Титъ Фламиніанъ. Ц. 15 к.

168. — То же. Томъ IV. Вып. 2-й. Пирръ и Марій. Ц. 15 к.

169. — То же. Томъ IV, Вып. 3-й. Лизандръ и Сулла. Ц. 15 к.

213. ЕПИКТЕТЪ. Афоризмы. Съ прибавленіемъ нѣск. главъ изъ его „Размышленій". Ц. 7 к.

214. ФАРРАРЪ, Ф. Святой Іоаннъ Златоустъ. Перев. съ англ. Ц. 15 к.

215. ГАГГАРДЪ, РАЙДЕРЪ. Копи царя Соломона. Повѣсть. Перев. съ англ. Ц. 30 к.

216. СОФОКЛЪ. Электра. Трагедія. Пер. съ греч. Ц. 12 коп.

217. ШЕКСПИРЪ, В. Ромео и Юлія. Трагедія. Переводъ П. А. Кускова. Ц. 25 к.

218. ЕВРИПИДЪ. Іонъ. Трагедія. Перев. съ греч. Ц. 10 к.

219. — Алкестида. Драма. Перев. съ греч. Ц. 10 к.

220. — Вакханки. Трагедія. Перев. съ греч. Ц. 10 к.

221. — Неистовый Гераклъ. Трагедія съ введеніемъ и примѣч. Ц. 10 к.

222. КОРНЕЛЬ. Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к.

223. ГЮГО, В. Послѣдній день осужденнаго. Ц. 12 коп.

224. МОЛЬЕРЪ. Донъ-Жуанъ. Комедія въ 5-ти актахъ. Пер. съ франц. Ц. 15 к.

225. БАЛЬЗАКЪ. Отецъ семейства. (Père Goriot). Романъ. Перев. съ франц. Ц. 35 к.

226. ТРЕСКИНЪ. Сѣверный край Европейской Россіи и его промыслы. Ц. 10 к.

227. ТЬЕРРИ. Разсказы изъ временъ Меровинговъ. Перев. съ франц. Ц. 35 к.

228. ФАРРАРЪ, Ф. Св. Василій Великій. Пер. съ англ. Ц. 15 к.

229. — Св. Григорій Богословъ. Пер. съ англ. Ц. 15 к.

230. ЭЛІОТЪ, ДЖ. Ромола. Историч. р. Ц. 25 к.

231. ФЛАММАРІОНЪ, К. Уранія. Путешествіе въ небесныя пространства. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

232. АНДРОНИКЪ КОМНЕНЪ. Повѣсть изъ византійской исторіи. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

233. МОЛЬЕРЪ. Тартюфъ. Комедія въ 5-ти актахъ, въ стихахъ. (Переводъ удостоенъ почетн. отзыва Имп. Академіи Наукъ). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

234. БЕРНАРДЕНЪ де СЕНЪ ПЬЕРЪ. Павелъ и Виргинія. Переводъ съ франц. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

235. ЖОРЖЪ ЗАНДЪ. Вѣсенокъ. Ром. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 35 к.

236. — Пріемышъ. Романъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

238. СТЭРНЪ. Сентиментальное путешествіе по Франціи и Италіи. Ц. 20 к.

КОЛЬЦОВЪ, А. В. Стихотворенія. Съ біографіей, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ пап. 18 к., въ изящн. перепл. 30 к.

ПУШКИНЪ, А. С. Собраніе сочин. въ 10-ти т. (болѣе 4,100 стр.). Съ біогр. А. С. Пушкина, съ порт., факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавитн. и хронологич. указ. ко всѣмъ его произв. Изданіе 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ изящномъ перепл. 3 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 30 к.

Изящные коленкоровые переплеты отъ 20 до 50 коп. за томикъ папки по 8 коп.

Изданія, купленныя книжнымъ магазиномъ „Новаго Времени" и находящіяся на складѣ:

ДАРВИНИЗМЪ Критическое изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго. Томъ I. Части 1-я и 2-я. Съ 7 таблицами рисунковъ и чертежей и съ 15-ю приложеніями. Ц. 7 р. 50 к.

— То же. Томъ II-й (Одна посмертная глава). Съ портретами и указателемъ ко всему сочиненію. Ц. 2 р.

ЭТЮДЫ В. Θ. КОРША (Послѣдній романъ въ жизни Лассаля.—Судьбы Прусской монархіи отъ Фридриха В. до Іенскаго погрома.—Родъ Мирабо. Очеркъ культурной жизни 18-го вѣка.—Вольтеръ, его жизнь и сочиненія.—Нѣмецкая камелія.—Восточная война въ 50-хъ годахъ.—Ремесленные союзы въ Англіи). Съ біографическимъ очеркомъ В. Θ. Корша, написаннымъ П. Морозовымъ. Большой томъ, 587 стр. Ц. 3 р.

Гербертъ Спенсеръ. ВОСПИТАНІЕ умственное, нравственное и физическое. Пер. съ англ. Е. Сысоевой. Изд. 3-е. Ц. 85 к.

М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка:

I. ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, Анна и Виллимъ Монсъ. 1692—1724. Изд. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Ц. 2 р. 50 к.

II. СЛОВО И ДѢЛО 1700—1725. Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ.—Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста.—Камеръ-фрей-

лина Гамильтонъ. — Петръ I, какъ юмористъ. Изд. 3-е, вновь пересмотрѣнное. Ц. 2 р.

ПЕРЕПИСКА БЕНЕДИКТА де СПИНОЗЫ, съ приложеніемъ **Жизнеописанія Спинозы Г. Колеруса.** Перев. съ латинскаго Л. Я. Гуревичъ подъ редакціей и съ примѣчаніями А. Л. Волынскаго. Съ портретомъ и факсимиле Спинозы. Ц. 6 руб.

СОЧИНЕНІЯ ИВАНА ЩЕГЛОВА:

КОРДЕЛІЯ. — Миньона. — Петербургская идиллія. — Кожаный актеръ. — Проводы. — Миръ праху. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р., 25 к.

Военные очерки. Первое сраженіе. — Неудачный герой. — Поручикъ Поспѣловъ.—Жареный гвоздь. – Идиллія. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Дачный мужъ. Его похожденія, наблюденія и разочарованія. **ВЪ ГОРАХЪ КАВКАЗА.** Картинки минеральныхъ нравовъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Гордіевъ узелъ. Романъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Русскій мыслитель. Избранныя мысли и отрывки изъ сочиненій Гоголя, его писемъ и воспоминаній о немъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ **И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ.** Вып. II-й, III и IV-й. Ц. въ папкѣ каждаго выпуска 1 р.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Б. М. Маркевича. 11 томовъ Ц. 15 р.

Варяги и Русь. Историческое изслѣдованіе С. Гедеонова. Ц. за 2 части 4 р.

СОЧИНЕНІЯ К. Н. БАТЮШКОВА. Со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н., написанною Л. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. Саитовымъ. 3 большихъ тома. Ц. 15 р.

ТРИЛОГІЯ П. К. БОМАРШЕ. („Севильскій цирульникъ". — „Женитьба Фигаро". — „Преступная мать"). Съ характеристикой поэта, составленной А. И. Веселовскимъ. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

НОВЫЯ ВѢЯНІЯ. Литературные портреты и критическіе очерки Георга Брандеса. Съ автобіографіей Брандеса и его характеристикой. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 80 к.

МЫСЛИ Б. ПАСКАЛЯ. Съ предисловіемъ Прево - Парадоля. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

ДНЕВНИКЪ ПРОВИНЦІАЛА въ Петербургѣ. М. Е. Салтыкова (Щедрина). Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

ПОМПАДУРЫ И ПОМПАДУРШИ. Его же. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

САТИРЫ въ прозѣ. Его же. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ГОСПОДА ТАШКЕНТЦЫ. Картины нравовъ. Его же. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ. Его же. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ВЪ СРЕДѢ УМѢРЕННОСТИ и аккуратности. Его же. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ОСНОВЫ ГИГІЕНЫ. Составилъ Я. Симоновичъ. Съ 2-мя таблицами рисунковъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЦАРСТВО СКАЗОКЪ. Карменъ Сильва. (Елизаветы, королевы Румынской). Пер. съ нѣм. Съ портрет. и факсимиле автора и рисун. Ц. 2 р.

ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА. Вып. I. Воскресный отдыхъ и его значеніе для здоровья. Д-ра П. Нимейера. 40 к.

ГРЯДУЩЕЕ РАБСТВО. Герберта Спенсера. Перев. съ англ. Ц. 50 к.

ВОСПИТАНІЕ ВЪ ВОЗРАСТѢ ПЕРВАГО ДѢТСТВА. Д-ра И. А. Сикорскаго. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к.

СОЦІАЛИЗМЪ КАКЪ ПРАВИТЕЛЬСТВО. И. Тэна. Пер. съ англ. Ц. 50 к.

МОДА ВЪ МЕДИЦИНѢ XIX СТОЛѢТІЯ. Д-ра Тиббитса. Пер. съ англ. Ц. 50 к.

НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ въ здоровьѣ и въ болѣзни. Генри Маудсли. Перев. съ англ. Ц. 35 к.

ДУША РЕБЕНКА. Наблюденія надъ духовнымъ развитіемъ человѣка въ первые годы жизни. Б. Прейера, ордин. профес. Іенскаго унив., д-ра мед. и физіологіи. Перев. съ нѣмецк. Редакція и предисловіе проф. И. А. Сикорскаго. Ц. 1 р. 50 к.

ПРАВИЛА СОДЕРЖАНІЯ И ОХРАНЕНІЯ ПАРОВОЗН. ЖЕЛѢЗН. ДОР., открыт. для обществ. пользованія, Изд. 3-е. 40 к.

